

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

На правах рукописи

Спектор Илья Борисович

**Развитие Дели как центра общественно-политической жизни
Индии во второй половине XX - начале XXI в.: федеральный и
региональный уровни**

Диссертация на соискание учёной степени

кандидата исторических наук

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Сафронова Александра Львовна

Москва 2019

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Эволюция административно-правового статуса Дели.....	40
1.1 Становление Дели как политического центра Индии: 1911-1947 гг.....	40
1.2. Развитие органов управления столицей после 1947 г.....	54
Глава II. Городские сообщества: процессы социальной стратификации и формирование этноконфессиональной структуры населения столицы.....	70
2.1. Демографическое развитие Дели в XX в.:.....	70
2.2. Религиозные, этноязыковые и территориальные общины в Дели.....	91
Глава III. Политическая жизнь в Дели и её связь с общенациональными процессами.....	157
3.1. Формирование политических сил в столице в конце 1940-ых начале 1960-ых гг.....	157
3.2. Трансформация политического облика столицы в 1960-1990-ые гг....	191
3.3. Политическая ситуация в Дели на современном этапе.....	205
Заключение.....	228
Библиография.....	235
Приложения.....	252

Введение

Постановка проблемы

Региональные исследования являются важнейшим направлением для изучения современной Индии. Чаще всего речь идёт об исследовании политических процессов в отдельных штатах. Тем не менее, индийские условия таковы, что даже исследование положения в отдельном штате, например, в Уттар-Прадеше или в Махараштре, слишком масштабно и не позволяет осветить политическую ситуацию на низовом уровне. Таким образом, важное значение могут иметь и субрегиональные исследования – в том числе, исследования политической ситуации на материале отдельных городов.

Многие быстрорастущие мегаполисы в Индии – Мумбаи, Колката, Хайдарабад, Бангалур и т. д. – перспективны в плане городских исследований. Тем не менее, все они в административном плане являются частью крупных штатов, где пока ещё преобладает сельское население. Таким образом, даже крупный город зависит от штата в политическом смысле.

В этом отношении, Дели является уникальным случаем. Это единственный крупный город, который одновременно пользуется самостоятельностью в административно-территориальном отношении. На примере Дели мы можем наблюдать исключительно городскую политику и новые политические силы, возникающие исключительно на городской основе. Одновременно представляет интерес анализ трансформации идентификации мигрантов из сельской местности и роли кастового, этнического и религиозного факторов. Важнейшее значение имеет сравнение

внутригородской жизни Дели и процессов, происходящих в городе на общенациональном уровне.

Дели оказался в центре событий индийской истории XX в. Перенос в Дели столицы из Калькутты в 1911 г. привел к быстрому росту населения и экономического влияния города, а также к повышению его статуса в системе управления Британской Индией. Кроме того, город приобрёл значимость и для индийского национально-освободительного движения – как потенциальный центр будущего независимого государства.

Раздел Британской Индии в 1947 г. привёл не только к обретению Дели статуса столицы независимого государства, но и к принципиальному изменению состава делийского населения. Дели оказался, возможно, наиболее затронутым переселениями регионом в бывшей Британской Индии. Особое влияние на историю города оказала миграция большей части мусульманской общины в Пакистан и миграция из Пакистана в Дели индусов и сикхов. В этой связи интересно изучение адаптации огромной массы беженцев, составляющих значительную часть населения столицы. Имела место как экономическая, так и политическая адаптация, выражавшаяся в поддержке политических организаций, оппозиционных по отношению к действующему правительству.

Особенности положения меньшинств в Дели во многом сформировались именно в ходе событий 1947 г. Для Дели, как и для большинства регионов Индии, важна проблема индуско-мусульманских взаимоотношений, геттоизации мусульман и их вытеснения на обочину политической жизни. Не меньшее значение для Дели имеет роль сформировавшейся в Дели XX в. сикхской общины и связь с политическими процессами в Пенджабе.

Примечательность положения Дели подчёркивается и административным статусом столицы. На протяжении всего времени после

независимости в Индии шёл процесс создания новых штатов. Последним примером может служить создание штата Телангана в 2014 г. В Дели движение за создание самостоятельного штата существовало с 1950-ых гг., но до сих пор не добилося успеха. Во многом это связано со столичным статусом города и сложностью взаимоотношений между местными властями и центральным правительством.

Научная актуальность

Быстрые темпы урбанизации в Индии в перспективе должны привести к тому, что городское население в достаточно краткосрочной перспективе превысит сельское по численности. Урбанизация уже сейчас оказывает решающее влияние на демографические процессы – прежде всего, способствуя быстрому уменьшению уровня рождаемости. Вместе с тем, достаточно сложно предсказать характер экономических, социальных и особенно политических изменений в будущей преимущественно городской Индии. Именно из-за этого исследование положения в современных мегаполисах представляет особую важность.

Политическая ситуация в Дели часто коренным образом отличалась от положения в соседних штатах. Вместе с тем, именно политические тенденции Дели впоследствии распространялись на весь хиндиязычный регион. В первые годы после независимости в Дели была нарушена политическая монополия Индийского национального конгресса, именно в Дели начался рост политического влияния индусских националистов. Таким образом, необходимо крайне внимательно относиться к последним политическим изменениям в столице.

Научная новизна и оригинальность работы состоит в том, что в ней впервые рассматривается политическое развитие Дели в течение всего периода независимости Индии. В отечественной и зарубежной историографии появлялись работы о делийской политике, однако ни разу не

было попыток составить комплексное описание политической истории города с учётом этнических, религиозных и кастовых факторов. Впервые также проводится анализ последних лет делийской политики и появления партий нового типа. Кроме того, в работе используется ряд источников, впервые вводящихся в научный оборот – в том числе, материалы из индийских архивов и материалы из индийских средств массовой информации на восточных языках (хинди и урду).

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что полученные выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении индийских и других азиатских мегаполисов - прежде всего, при анализе межпартийной борьбы в городах и влияния на неё этнических, кастовых и религиозных факторов.

Практическая значимость работы связана с возможностью рассмотрения накопленного материала при создании новых учебных курсов и спецкурсов по истории, современному политическому развитию и этнорелигиозной ситуации в Индии и других странах Южной Азии, подготовке учебных пособий для вузов востоковедческого профиля. Выводы, сделанные в ходе работы, могут быть учтены в работе государственных и коммерческих учреждений, ведущих свою деятельность в Индии.

Объектом данной работы является город Дели, проживающие в нём этнические, религиозные и кастовые общины, а также действующие в нём политические силы. К **предмету** исследования относится социально-политическое развитие Дели, его связь с административным статусом и изменением демографической ситуации в столице.

Целью исследования является выявление особенностей социально-политического развития Дели и влияния этноконфессиональных факторов на политические процессы и сравнение протекающих в этом городе процессов с развитием других индийских городов.

В рамках данной темы необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) Рассмотреть изменение административного статуса Дели в контексте политической истории Индии XX века;
- 2) Проанализировать развитие представительских учреждений в Дели и деятельность городского правительства после 1947 г.;
- 3) Изучить формирование этноконфессиональной структуры Дели, подробно осветив следующие аспекты:
 - а) Влияние раздела Британской Индии и обмена населением на изменение конфессионального баланса в столице;
 - б) Положение основных общин Дели (индусы, мусульмане, сикхи) – расселение в городе, религиозная жизнь, экономическое положение;
 - в) Специфика урбанизационных процессов в Дели во второй половине XX в. – миграции из штатов хиндиязычного пояса;
 - г) Особенности кастового состава населения Дели;
- 4) Рассмотреть процесс возникновения в Дели основных политических партий и движений, и отличия условий их деятельности от общеиндийской ситуации;
- 5) Проанализировать наиболее важные электоральные процессы в Дели, как на городском, так и на общенациональном уровнях;
- 6) Исследовать влияние федеральной политической повестки на городскую политику в столице;
- 7) Выяснить связь между этнической, кастовой и конфессиональной принадлежностью избирателей и их политической лояльностью, а также изменение этих факторов в городских условиях.

Географические рамки

Данное исследование ограничено границами Дели – точнее, границами образованной в 1956 г. Национальной столичной территории. Тем не менее, ряд аспектов работы заставляет нас изучать территории делейской агломерации, формально находящиеся в соседних штатах – Харьяне и Уттар-Прадеше.

Хронологические рамки

Данная работа охватывает период с момента провозглашения Дели столицей независимого индийского государства в августе 1947 г. и до настоящего времени. Вместе с тем, исследование специфики положения Дели заставляет нас рассмотреть и некоторые аспекты развития города в первой половине XX в., начиная с переноса в город из Калькутты столицы Британской Индии в 1911 г.

Положения, выносимые на защиту

1. Ключевым событием в истории Дели первой половины XX века стало решение британского правительства о переносе в город резиденции вице-короля и места пребывания колониальной администрации. Именно после переноса колониальной столицы из Калькутты в Дели в 1911 г., этот город стал играть ключевую роль в идеологии индийского национализма, символизируя историческую преемственность с доколониальными государственными образованиями Южной Азии, столицей которых он являлся. Кроме того, перенос столицы существенно поднял экономическое значение города, позволив ему конкурировать с Бомбеем, Калькуттой и Мадрасом.

2. Столичный статус предопределил своеобразие системы управления Дели, существенно отличавшейся от близлежащих регионов. Тенденция ограничения роли местного самоуправления возникла ещё в колониальный период и продолжилась в независимой

Индии. В 1956-1993 гг. столица была лишена собственного законодательного органа. Вплоть до настоящего времени, расширение прав Дели до уровня штата является одним из ключевых вопросов городской политики.

3. На протяжении XX века произошло коренное изменение этноконфессионального состава населения Дели. Миграции, связанные с разделом Британской Индии и образованием Пакистана, привели к сокращению доли мусульман (с 33,2% в 1941 г. до 12,8% в 2015 г) и маргинализации мусульманской общины. Вместе с тем, в Дели осели многочисленные беженцы из Пакистана, что привело к увеличению доли индусов и возникновению в столице крупной сикхской общины. События конца 1940-ых гг. оказали существенное влияние на дальнейшую политическую жизнь в столице, учитывая оппозиционность большей части пакистанских беженцев по отношению к правительству ИНК.

4. Во второй половине XX века Дели превосходил по темпам урбанизации все остальные мегаполисы Индии. Потоки миграции существенно усложнили как этническую, так и кастовую структуру населения столицы. Несмотря на то, что кастовая принадлежность оказывает определённое влияние на политические предпочтения жителей столицы, политическая роль касты существенно ниже, чем в сельских регионах Индии.

5. Политическая борьба в Дели с начала 1950-ых гг. определялась борьбой между правящим ИНК и оппозиционным Бхаратия джана сангх (БДС)¹. Позиции ИНК в столице были одними из наиболее слабых по стране. Дели стал одной из главных баз развития индусского политического движения, а сформировавшаяся в столице политическая система (ИНК против БДС, а позднее – Бхаратия джаната

¹ Индийский народный союз (*хинди*)

партии²) впоследствии стала определяющей для всего хиндиязычного региона.

6. Сформированная в Дели Аам адми парти (Партия простых людей) является первой политической силой в стране, основной электорат которой составляют избиратели-горожане. Базу для ААП составили действующие в столице и в других крупных городах изначально неполитические гражданские движения. В настоящий момент деятельность ААП сконцентрирована в Дели и Панджабе, но представляется вероятным, что с ростом урбанизации подобные политические силы будут возникать и в других регионах Индии.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Апробация настоящего исследования производилась при чтении лекций и проведении семинаров по истории Южной Азии в Институте стран Азии и Африки имени М.В. Ломоносова.

Основные положения и выводы диссертации изложены в опубликованных тезисах и статьях, в том числе, отдельные результаты работы докладывались на ежегодных научных конференциях «Ломоносовские чтения» (2017-2019), проводимых Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, а также на конференциях, проводимых в Институте востоковедения Российской академии наук, Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета и Школе востоковедения Высшей школы экономики. Пять статей вышли в научных журналах, входящих в список, рецензируемый Учёным советом МГУ.

Теоретико-методологические основы и методы исследования.

Работа строится по проблемно-хронологическому принципу, предполагающему выделение ряда основных тем, каждая из которых

² Индийская народная партия (*хинди*)

отдельно рассматривается в хронологической последовательности. Проблемно-хронологический принцип предполагает обращение к определённым методам исторического исследования. При рассмотрении документов государственных органов, материалов общественных организаций и мемуаров политических деятелей применяется источниковедческий анализ. Количественный анализ применяется при рассмотрении результатов выборов и демографических процессов в городе. Сравнительно-исторический метод исследования используется при сопоставлении политической ситуации в Дели и типологически сходных мегаполисах Индии и Южной Азии. Хронологический метод позволяет проследить закономерности развития Дели на разных исторических этапах.

Среди работ, оказавших влияние на методологию данного исследования, следует прежде всего выделить группу трудов, положивших начало исследованию города как отдельного социального институтов. В эту группу входит работа **М. Вебера**³, анализировавшего природу взаимоотношений городов с окружающим миром. Также следует отметить работы американских исследователей, представлявших «чикагскую социологическую школу» и заложивших основы исследования положения меньшинств в современных мегаполисах - например, работы **Р. Парка**, **Э. Бёрджесса**⁴, **Л. Вирта**⁵.

Не меньшее значение имеют исследования, в которых анализируется положение меньшинств в Южной Азии и шире – тематика межконфессиональных отношений в регионе. Следует выделить работы **Б. И. Клюева**⁶, посвящённые исследованию истории взаимоотношений между индуистской, мусульманской и сикхской общинами в независимой Индии. Среди индийских исследований важное значение имеет книга **С. Кхилнани**⁷

³ Вебер, М. *Город*. М.: Strelka Press, 2017. – 252 с.

⁴ Park, R. E., Burgess, E. W. *The City*. Chicago, 1925. – 240 p.

⁵ Wirth, L. *The Ghetto*. London: Transaction Publishers, 1998. – 306 p.

⁶ Клюев, Б.И. *Религия и конфликт в Индии*. М.: ИВ РАН, 2002. – 236 с.

⁷ Khilnani, S. *The Idea of India*. New York: Farrar, Straus and Giroux 1999. – 263 p.

- автор анализирует проблематику межобщинных конфликтов в связи с перспективами развития демократической системы в Индии. Особое внимание также уделяется особенностям самоидентификации в современных городских условиях. Тематике межобщинных конфликтов и их использования в политической борьбе посвящена и книга известного индийского историка **Б. Чандры**⁸

В работах Б. Чандры и других индийских книгах на сходную тематику часто употребляется термин «коммунализм» при описании идеологии таких организаций, как Раштрия сваямсевак сангх (РСС)⁹, Бхаратия джана сангх (БДС)/Бхаратия джаната парти (БДП) и т. д. Под коммунализмом чаще всего имеется в виду идеология или движение, представляющее одну конкретную общину (зачастую, религиозную). Противостояние сил, основанных на идеологии, заменяется на противостояние религиозных общин, «прикрытых» разнообразными политическими партиями.

Вместе с тем, в Индии мы не можем наблюдать ситуацию автоматической лояльности избирателей по отношению к «своим» конфессиональным партиям. Индусский электорат разбит на десятки партий и движений с совершенно различной идеологией. Даже на удачных для себя выборах 2014 и 2019 гг. БДП не получила большинства голосов избирателей индусов, а в 1950-60-ые гг. «представляющие индусскую общину» партии получали всего несколько процентов индусских голосов. Аналогично расколот и мусульманский электорат. Кроме того, БДП не является чисто индусской партией – ниже мы будем рассматривать случаи поддержки этой политической силы мусульманами в Дели. Понятно, что сторонники БДП являются абсолютным меньшинством среди мусульманской общины – тем не менее, они опровергают предположение о чисто конфессиональном голосовании.

⁸ Chandra, B. *Communalism: A Primer*. New Delhi: National Book Trust, 2008. – 121 p.

⁹ Союз добровольных служителей Родины (*хинди*)

На данный момент термин «коммунализм» стал употребляться повсеместно, превратившись в универсальное оскорбление для политического оппонента. Его активно использую не только противники БДП, но и сторонники партии, обвиняющие в «коммунализме» своих оппонентов – сторонников ИНК, региональных партий и коммунистов.

Для описания идеологии БДС, БДП и союзных им общественно-политических сил в ряде работ индийских и западных авторов¹⁰¹¹ используется термин «индусский национализм», подчёркивающий приверженность этих политических сил концепции индийской нации, основанной не на географической или языковой, а, прежде всего, на религиозной общности. Этот термин представляется более корректным для применения, исходя из задач, поставленных в данной работе.

Обзор источников. Источники, использованные в данной работе, можно разделить на несколько категорий:

- 1) Архивные документы а) британской колониальной администрации б) индийских государственных органов после 1947 г.
- 2) Документы политических партий
- 3) Законодательные акты регионального и общенационального уровней
- 4) Статистические и справочные материалы
- 5) Мемуары и политическая публицистика
- 6) Материалы средств массовой информации и социальных сетей

¹⁰ Jaffrelot, C. *The Hindu Nationalist Movement in India*. New Delhi: Columbia University Press, 1996. – 592 p.

¹¹ Sharma, J. *Hindutva: Exploring the Idea of Hindu Nationalism*. New Delhi: Oxford University Press 2011. – 493 p.

Британские архивные документы, касающиеся переноса столицы в 1911 г., включают переписку вице-короля с чиновниками в Панджабе по вопросам административной реформы, документы по планированию Нью-Дели, жалобы местных жителей, связанные с переездом чиновников, создание в Дели органов социального обеспечения и т. д. Подробнейший сборник британских документов, связанных с переносом столицы, был подготовлен в Индийском национальном архиве и издан в 2014 г. под редакцией **М. Хасана** и **Д. Пателя**¹². Сборник является уникальной антологией документов, посвящённых первым годам столичного статуса Дели.

Другая группа архивных документов относится к концу 1940-ых – началу 1950-ых гг. – периоду раздела Британской Индии, формирования индийской государственности и политической системы в Дели. В данной работе используются материалы ряда делийских архивов - прежде всего, Архивного департамента правительства Национальной столичной территории Дели, Архивы Мемориального музея и библиотеки Джавахарлала Неру и Национального архива Индии в Нью-Дели. Наибольший интерес представляют документы специального департамента делийской полиции. Полиция вела наблюдение за деятельностью «антиконституционных сил», собирая отчёты о собраниях и демонстрациях коммунистов, социалистов, индусских националистов и исламистов. Подобные отчёты о деятельности политических партий составлялись и в колониальный период. В первые годы после независимости коммунисты и индусские националисты временно находились под запретом, да и сам термин «антиконституционный» трактовался достаточно широко, применяясь ко многим другим политическим силам. Полиция вела стенограммы их публичных мероприятий, фиксировала данные об арестах партийных активистов и даже собирала сведения о социальном составе задержанных. Также в городских

¹² Hasan, M., Patel, D. *From Ghalib's Dilli to Lutyen's New Dheli: A Documentary Record*. New Delhi: OUP India, 2013. – 352 p.

архивах находится часть партийных документов, освещающих деятельность ряда партий (ИНК, КПИ, БДС) в 1940-1950-е гг.

Делийские архивные фонды содержат большой объём информации по интересующей нас проблематике. Тем не менее, анализ информации в городских архивах сопряжён с рядом трудностей – документы одного ведомства часто могут быть произвольным образом распределены между несколькими архивами, описи архива делийского правительства до сих пор доступны исключительно в рукописном виде и отличаются неточностью. Крайне сложно получить доступ к документам, относящимся к годам премьерства Индиры Ганди, особенно если речь идёт о периоде чрезвычайного положения. Все документы, используемые в данной работе, относятся к 1940-1950-ым гг.¹³

Резолюции политических партий, предвыборная агитация, выступления от лица партий по политически важным вопросам, резолюции руководящих органов и партийных съездов многократно издавались как в связи с конкретными событиями (например, партийными съездами), так и сборниками документов, охватывающими деятельность ИНК, БДС/БДП и КПИ в течение всего периода независимости.

Надо отметить, что большая часть сборников подобных документов готовилась членами вышеуказанных политических партий. К примеру, Г. Адхикари, член Политбюро ЦК КПИ, издал многотомный сборник «Документов Коммунистической партии Индии»¹⁴. Партийные документы Бхаратия джана сангх представляют особый интерес, так как в них большое внимание уделяется проблемам беженцев из Пакистана и статусу Дели. Пятитомное издание было начато под руководством Диндаяла Упадхьи, члена РСС и одного из лидеров партии Джана сангх¹⁵. В подобной ситуации

¹³ Автор работал в делийских архивах во время стажировки в Университете Дж. Неру в январе-марте 2018 г.

¹⁴ ed. Adhikari, G. *Documents of the history of the Communist Party of India*. New Delhi, 1971.

¹⁵ *Bharatiya Jana Sangh: party documents [1951-1972]*. Delhi, 1973.

следует достаточно осторожно относиться к выборке, которая предлагается в сборниках партийных документов – не исключён пристрастный отбор с целью представить в более выгодном свете политику своей партии на более раннем этапе.

Законодательные документы периода независимости прежде всего касаются изменения статуса Дели. «*Актом об управлении штатами категории С*» 1951 г. провозглашалось создание делийского законодательного собрания¹⁶. «*Акт о реорганизации штатов*» 1956 г. упразднял законодательное собрание и вводил прямое центральное управление столицей¹⁷. «*Акт о делийской муниципальной корпорации*» 1957 г. вводил новое представительское учреждение¹⁸, а «*Актом об управлении Дели*» 1966 г. учреждался городской совет с законосовещательными функциями¹⁹. В соответствии с «*Актом об управлении Национальной столичной территории Дели*» 1991 г. восстанавливались полномочия законодательной ассамблеи и делийского правительства²⁰. Также большое значение имеют законодательные акты, посвящённые делийской правоохранительной и судебной системе и решения городского правительства по ключевым вопросам – нарезке избирательных округов, налогообложению, транспортной сфере. Следует рассматривать также и ряд межгосударственных соглашений, затрагивающих внутреннее положение дел в Дели – например, соглашение Джавахарлала Неру и пакистанского премьер-министра Лиаката Али Хана, частично посвящённое судьбе беженцев и перспективам их возвращения²¹.

¹⁶ Government of Part C States Act, 1951.

¹⁷ States Reorganisation Act, 1956.

¹⁸ The Delhi Municipal Corporation Act, 1957.

¹⁹ Delhi Administration Act, 1966.

²⁰ The Government of National Capital Territory of Delhi Act, 1991.

²¹ Agreement Between the Governments of India and Pakistan Regarding Security and Rights of Minorities, 1950.

Дополнительным источником по работе законодательных органов являются также протоколы заседаний делийской законодательной ассамблеи (хиндиязычные), публикуемые с 2011 г.

Важным моментом для понимания политических процессов в Дели является анализ этнорелигиозного состава населения. Этот материал дают *переписи населения*, с 1872 г. каждые десять лет проводившиеся сначала британскими властями, а затем правительством независимой Индии. Переписи фиксируют быстрое изменение структуры населения Дели. Переписи британского периода ценны подробной росписью кастового состава населения – после 1947 г. в индийских переписях выделяются только «зарегистрированные касты и племена».

По материалам переписей в Британской Индии издавались *газетиры* – географические справочники по отдельным районам. Газетиры освещали историю региона, основные занятия жителей, работу органов местного самоуправления. В Дели первый газетир был издан в 1884 г.²² В 1912 г., после переноса столицы, было выпущено гораздо более объёмное издание²³. Подобные справочники издавались и в годы независимости – например, газетир 1976 г. под редакцией П. Чопры²⁴. Прежде всего, издание 1976 г. ценно особым вниманием к деятельности органов местного самоуправления в столице.

Ключевым источником при изучении электоральных процессов являются отчёты Избирательной комиссии Индии²⁵ – как о проходящих в Дели общенациональных выборах в Лок сабху, так и о выборах в законодательное собрание. В обоих случаях Избирательная комиссия предоставляет данные по каждому округу, что даёт возможность проследить динамику различных политических сил. Кроме того, представляют интерес

²² *Gazetteer of the Delhi District 1883-4 – Punjab Government*. New Delhi, 1957.

²³ *A Gazetteer of Delhi (1912)*. New Delhi, 2011.

²⁴ *Gazetteer of India*, Delhi, 1976.

²⁵ Election Commission of India. URL: <http://eci.nic.in/eci/eci.html>

данные по выборам в соседних штатах, прежде всего, в Харьяне и Уттар-Прадеш, и сравнение показателей основных партий в этих регионах с их результатами в столице.

Ещё одним важным источником по партийной политике в Дели является мемуаристика. Традиция написания политических мемуаров была заложена ещё в середине XX в. (автобиографии М. Ганди и Дж. Неру). Примерами подобной литературы, затрагивающими делийскую проблематику, могут служить мемуары Ш. Дикшит, бывшей главы делийского правительства²⁶ и книга Л. К. Адвани, работавшего в делийском отделении БДС с начала 1950-ых гг.)²⁷. Также следует упомянуть политическую автобиографию Аруны Асаф Али – мэра Дели, состоявшей в КПИ и ИНК и одной из важнейших фигур городской политики 1950-ых гг.²⁸.

Отдельную роль подобная литература играет при изучении политической истории Дели последних лет, особенно появления и развития Аам адми парти (ААП)²⁹. На данный момент не существует ни одной посвящённой ААП научной монографии. В этой ситуации большую роль играют публицистические произведения самих членов ААП и активистов антикоррупционного движения. Это книга самого лидера партии А. Кеджривала «Сварадж» с изложением политической программы³⁰ и

²⁶ Dikshit, S. *Citizen Delhi: My Times, My Life*. New Delhi: Bloomsbury Publishing, 2018. – 186 p.

²⁷ Advani, L. K. *My Country, My Life*. New Delhi: Rupa & Company, 2008. – 986 p.

²⁸ Aruna Asaf Ali *Words of Freedom: Ideas of a Nation*. New Delhi: Penguin Books India, 2010. – 123 p.

²⁹ Партия простых людей (*хинди*)

³⁰ Kejriwal, A. *Swaraj*. New Delhi: Harper Collins, 2012. – 176 p.

сторонников Кеджривала П. Курупа³¹, А. Дживеди³², С. Накви³³, С. Банерджи³⁴ и Ашутоса³⁵³⁶.

Особняком стоит книга М. Ганди³⁷, бывшего одним из лидеров ААП в Махараштре, но позднее вышедшего из партии. В отличие от вышеперечисленной публицистики, в книге М. Ганди выражается достаточно критическое отношение к политике Кеджривала.

Одним из основных источников по городской политике являются материалы прессы – прежде всего, крупных англоязычных газет – **The Times of India, Hindustan Times, The Indian Express, The Hindu**. Традиционно индийская пресса позиционируется как внепартийная и крупные индийские газеты стараются поддерживать нейтралитет в партийной борьбе, в том числе и в Дели. Крупнейшие индийские газеты основывались в XIX в. в Калькутте, Бомбее и Мадрасе, их делейские редакции появились на несколько десятилетий позже. Теперь общенациональные газеты, часто имеют центральную редакцию в Дели, но представлены и в других крупных городах. Для Дели часто издаётся специальное внутригородское приложение.

Из десяти индийских газет с наибольшим тиражом только две (Times of India и The Hindu) издаются на английском языке, а пять – на хинди. Крупнейшие хиндиязычные газеты (दैनिक जागरण (dainik jāgraṇ), दैनिक भास्कर (dainik bhāskar), हिन्दुस्तान (hindustān), नवभारत टाइम्स (navbhārat t̥āims)) уделяют

³¹ Kurup, P. *Arvind Kejriwal & the Aam Aadmi Party: An Inside Look*. New Delhi: Bloomsbury Publishing, 2016. – 152 p.

³² Dwivedi, A. M., Roshan, R. *Magnetic Personality : Arvind Kejriwal*. New Delhi: Bloomsbury Publishing, 2014. – 199 p.

³³ Naqwi, S. *Capital Conquest: How the AAP's Incredible Victory Has Redefined Indian Elections*. New Delhi: Hachette UK, 2015. – 215 p.

³⁴ Chikermane, C., Banerjee, S. *The Disrupter: Arvind Kejriwal and the Audacious Rise of the Aam Aadmi*. New Delhi: Rupa Publications India 2014. – 225 p.

³⁵ Ashutosh *The Crown Prince, the Gladiator and the Hope: Battle for Change*. New Delhi: Harper Collins, 2015. – 360 p.

³⁶ Ashutosh *Anna: 13 Days That Awakened India*. New Delhi: Harper Collins 2012. – 248 p.

³⁷ Gandhi, M. *AAP and Down: The Rise and Fall of the Aam Aadmi Party*. New Delhi: Diamond Pocket Books Pvt Ltd, 2018. – 186 p.

особое внимание проблемам всего хиндиязычного региона и связям с соседними штатами.

Определённую значимость имеют издающиеся в Дели городские и общеиндийские газеты на урду – قومی دنیا (Qoumi Duniya), صحافت (Sahāfat), سماج ہمارا (Hamārā Samāj) и سیاسی تقدیر (Siyāsi Taqdir). Они освещают проблемы делийской мусульманской общины, которые не всегда учитываются англоязычной и хиндиязычной прессой.

В Дели издаётся ряд общественно-политических журналов, уделяющих внимание городским проблемам. Это еженедельные журналы Frontline (журнал характеризует особое внимание к региональным проблемам и левая политическая направленность), India Today, Outlook и Tehelka (известен своими проектами в области расследовательской журналистики). Также издаются ежемесячные журналы The Caravan, Dalit Dastak (концентрирующийся на проблемах низкастовых сообществ) и т. д.. Особняком стоят журнал Organizer и его хиндиязычная версия पाञ्चजन्य (pāñchjanya) - органы РСС и наиболее заметные издания индусских националистов.

Не меньшее значение, чем печатные СМИ имеют новостные телевизионные каналы – англоязычные (CNN-IBN, India Today, NDTV 24X7) и хиндиязычные (Aaj Tak и его городская версия Dilli Aaj Tak, Zee News). Ценность телевидения заключается в трансляции политических дебатов, заседаний парламента и городского законодательного собрания. Стоит отметить, что здесь особую ценность имеет анализ информации на хинди. Архивные документы полностью англоязычны, законодательные акты только дублируются на хинди. В устной политической полемике в стенах парламента или на телевизионных передачах прежде всего используется хинди или смесь английского и хинди.

Изучение политической истории Дели последних лет невозможно без использования материалов социальных сетей. Индийские политики активно действуют в интернет-пространстве, можно вспомнить и кампанию Н. Моди в ходе выборов 2014 г., и особенно действия лидеров ААП, для которых социальные сети были важнейших полем для агитации. Официальные страницы А. Кеджривала, М. Сисодии, С. Сингха и других функционеров, и активистов ААП в Twitter и Facebook содержат комментарии по всей актуальной политической повестке и действиям городского правительства. С некоторым опозданием активную работу с делийцами в социальных сетях начали БДП и ИНК. Например, в ходе предвыборной кампании 2015 г. активно вела страницы в социальных сетях лидер городской организации БДП Киран Беди. Интерес представляют и комментарии сторонников политических партий в социальных сетях. Facebook является базой для различных социальных движений – антикоррупционного движения 2011 г. и студенческих кампаний в делийских университетах.

Историография и степень изученности вопроса

Темы, рассматриваемые в данной работе, связаны как с вопросами, касающимися индийской политической истории XX – нач. XXI вв., так и с комплексом кастовых, этнических и конфессиональных проблем, которые актуальны для современной жизни страны. В этом комплексе проблем можно выделить следующие блоки вопросов:

- 1) Общие работы по истории Индии
- 2) Изучение истории Дели до 1947 г.
- 3) Региональные индологические исследования
- 4) Городские индологические исследования (за исключением Дели)
- 5) Изучение административного статуса Дели
- 6) Изучение городских общин в Дели
- 7) Изучение делийских политических партий

Для понимания роли Дели в общеиндийском политическом процессе важны обобщающие работы по истории Индии (прежде всего, работы **Б. Чандры**, **А. Мукерджи** и **М. Мукерджи**³⁸; **Г. Кульке** и **Д. Ротермунда**³⁹; **Р. Гухи**⁴⁰, **Ф. Н. Юрлова** и **Е. С. Юрловой**⁴¹; **Л. Б. Алаева**, **А. А. Вигасина** и **А. Л. Сафроновой**⁴²), которые позволяют проследить связь политических изменений в Дели с общенациональной ситуацией и выявить специфические черты ситуации в столице.

В отечественной историографии не существует отдельной монографии по политической истории индийской столицы в XX в. Тем не менее, существует целый ряд работ на смежную тематику, которые описывают различные периоды в жизни Дели и других индийских городов. Прежде всего, следует упомянуть работу **К. З. Ашрафян**⁴³ в которой даётся очерк истории Дели в эпоху Средневековья и раннего Нового Времени. Важное значение имеют и работы **А. А. Суворовой**, посвящённые Лахору⁴⁴ и Лакхнау⁴⁵ – городам, чья история до начала XX в. имеет с Дели много общих черт.

Отдельное значение имеют работы по региональной политической ситуации в Индии и других странах Южной Азии. Следует выделить работу **В. Ф. Агеева**⁴⁶ по политической истории пакистанской провинции Синд. Большим шагом в изучении индийских регионов стал сборник под редакцией

³⁸ Chandra B., Mukherjee A., Mukherjee M. *India After Independence*. New Delhi: Penguin Books, 1999. – 549 p.

³⁹ Kulke, H., Rothermund D. *A History of India*. New York: Psychology Press, 2004. – 395 p.

⁴⁰ Guha, R. *India After Gandhi: The History of the World's Largest Democracy*. New Delhi: Pan Macmillan 2011. – 300 p.

⁴¹ Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. *История Индии. XX век*. М.: ИВ РАН, 2010. – 920 с.

⁴² Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. *История Индии*. М.: ГАУГН-Пресс, 2018. – 542 с.

⁴³ Ашрафян, К. З. *Дели: история и культура*. М.: Наука, 1987. – 262 с.

⁴⁴ Суворова, А.А. *Любить Лахор. Топофилия восточного города*. М.: Вост. Лит., 2010. – 286 с.

⁴⁵ Суворова А. А. *Ностальгия по Лакхнау*. М., 1995. – 247 с.

⁴⁶ Агеев В. Ф. *Новейшая история Синда*. М.: Наука, 1986. – 283 с.

Е. Ю. Ваниной⁴⁷, содержащий комплексный анализ ситуации в штате Махараштра, написанный **И. П. Глушковой**. В сборнике рассматриваются как отношения между регионом и федеральным центром, так и взаимоотношения между различными кастовыми группами в Махараштре.

Для изучения роли Дели в независимой Индии крайне важно понимание предыстории – развития города в колониальный период, его трансформацию из могольской столицы в столицу Британской Индии. Особое внимание в индийских работах, посвящённых истории Дели в конце XIX – нач. XX вв. уделяется изучению истории индийского национально-освободительного движения и взаимоотношениям между индульской и мусульманской общинами в городе.

Для понимания особенностей роли Дели в середине XIX в. важна работа **А. Фаруки**⁴⁸, посвящённая последним десятилетиям «могольской эпохи». В работе А. Фаруки основной акцент делается на взаимоотношениях между британским резидентом и могольским государственным аппаратом, однако уделяется внимание и таким важным аспектам, как формирование новых вестернизированных органов городского самоуправления, изменение ролей индульской и мусульманской общин. Работа А. Фаруки имеет большое значение в связи с произведениями того же автора о развитии других городов Индии в колониальный период⁴⁹.

Истории межобщинных отношений в Дели в колониальный период посвящена и работа немецкой исследовательницы **М. Пернау**⁵⁰. Автор уделяет внимание появлению мусульманской интеллигенции в период после 1857 г., роли Дели как центра мусульманского общественно-политического

⁴⁷ *Индия: страна и её регионы*. Под ред. Е.Ю. Ваниной. М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 360 с.

⁴⁸ Farooqui, A. *Zafar and the Raj: Anglo-Mughal Delhi, C.1800-1850*. New Delhi: Primus Books, 2013. – 219 p.

⁴⁹ Farooqui, A. *Opium city: the making of early Victorian Bombay*. New Delhi: Three Essays Collective, 2006. – 111 p.

⁵⁰ Pernau, M. *Ashraf into middle classes. Muslims in nineteenth-century Delhi*. New Delhi: Oxford University Press, 2013. – 504 p.

движения, роли Саид Ахмад Хана и выстраиванию системы мусульманского образования и мусульманской прессы, просуществовавшей до 1947 г.

Книга **С. Сингха**⁵¹ также частично затрагивает исторические процессы в Дели в XIX в. – прежде всего, историю формирования политических организаций – Конгресса, Мусульманской лиги и различных радикальных группировок. Важность работы связана с описанием политической истории Дели, имевшей, по сравнению с Бомбеем и Калькуттой, второстепенное значение для рубежа XIX-XX вв. Тем не менее, данный вопрос приобретает большее значение после переноса в Дели столицы Британской Индии в 1911 г. Работа **Н. Гупты**⁵² посвящена тому же историческому периоду (конец XIX – начало XX века) и исследование роли делейского городского самоуправления.

Исследование роли Дели как столицы после 1911 г. затрагивает самые разные аспекты жизни города. Нельзя не упомянуть работу немецкого исследователя **А. Волвахсена**⁵³ - прежде всего, работа посвящена делейскому градостроительству, но, тем не менее, в своей работе А. Волвахсен касается далеко не только архитектурной тематики, но и формирования колониального правительства в новой столице и Нью-Дели как отдельного городского района.

Определённый интерес представляет и работа **Л. Коулмэна**⁵⁴, содержащая исследование процесса электрификации Дели (значительная его часть пришлась именно на колониальный период) и влияния электрификации на политическую жизнь столицы. С одной стороны, Л. Коулмэн, исследовал

⁵¹ Singh, S. *Freedom movement in Delhi (1858-1919)*. New Delhi: Associated Pub. House, 1972. – 341 p.

⁵² Gupta, N. *Delhi Between Two Empires, 1803-1931: Society, Government and Urban Growth*. New Delhi: Oxford University Press, 1997. – 260 p.

⁵³ Volwahren, A. *Imperial Delhi: The British Capital of the Indian Empire*. Munich: Prestel, 2004. – 303 p.

⁵⁴ Coleman, L. *A Moral Technology: Electrification as Political Ritual in New Delhi*. New Delhi: Cornell University Press, 2017. – 256 p.

достаточно узкую тему в жизни мегаполиса. С другой стороны, влияние проблем городского хозяйства (обеспечение электричеством, питьевой водой и т. д.) на политические процессы в столице часто недооценивается как при изучении колониального периода, так и при исследовании положения в Дели в начале ХХI века.

Как уже говорилось выше, чаще всего Дели первой половины ХХ в. рассматривается индийскими историками как центр национально-освободительного движения. Тем не менее существует совсем немного работ, которые рассматривали бы политические процессы того периода именно в пределах одного города. Исключением является монография **Б. Чаудхури**⁵⁵, где особое внимание уделяется именно отличиям между общеиндийской политической ситуацией 1910-1920-ых гг. и взаимодействием различных политических сил на городском уровне. Особо подробно Б. Чаудхури освещает роль Дели в развитии халифатистского движения.

Примерами других исследований по городской политике в последние десятилетия колониальной эпохи могут являться статьи **Б. Меткалф**⁵⁶ о Хаким Аджмал Хане и его роли в мусульманской общине Дели и **К. Джонса**⁵⁷ о создании индуских организаций в Дели и их политизации в 1920-ые гг. В последней статье автор уделяет особое внимание развитию индуской системы образования под патронажем Арья самадж.

Особое место в ряду работ по истории колониального Дели занимает монография британского исследователя **С. Легга**⁵⁸, исследовавшего формирование новых районов за пределами Старого города, основные направления территориального расширения столицы и проблему трущоб в

⁵⁵ Chaudhuri, B. *Nationalist movement in Delhi 1911-1932*. New Delhi, 2017. – 290 p.

⁵⁶ Metcalf, B. *Hakim Ajmal Khan: Rais of Delhi and Muslim 'Leader'*//The Delhi Omnibus. New Delhi, 2002. – pp. 231-259

⁵⁷ Jones. K. W. *Organized Hinduism in Delhi and New Delhi*// The Delhi Omnibus. New Delhi, 2002.

⁵⁸ Legg, S. *Spaces of Colonialism: Delhi's Urban Governmentalities*. Oxford: John Wiley & Sons, 2007. – 272 p.

колониальный период. Также автор затрагивает тематику национально-освободительного движения, освещая её с «противоположной» стороны – с точки зрения британской полиции и бюрократического аппарата.

Ключевым моментом перехода от колониальной системы к Дели как центру независимой Индии стали события лета 1947 г. – раздел Британской Индии и формирование независимых Индии и Пакистана. Для Дели эти события напрямую связаны с обменом населением, отъездом большей части мусульманской общины и прибытие индусских и сикхских беженцев из Панджаба, которые во многом стали определять политико-экономическое развитие столицы. Большое количество работ посвящено как по общеиндийским последствиям раздела Индии, так и региональным исследованиям, в том числе, касающихся Дели.

В работе **В. Заминдар**⁵⁹ особое внимание уделяется межконфессиональным столкновениям в Дели в сентябре 1947 г. и их влиянию на мусульманскую общину. Рассматривается роль различных политических сил в провоцировании столкновений – как индусских националистов, так и Мусульманской лиги, и Индийского национального конгресса. Изучаются также проблемы юридического статуса беженцев и возвращения оставленного ими имущества.

Тематике реабилитации беженцев посвящена и книга **Р. Каур**⁶⁰, основанная на анализе воспоминаний свидетелей миграции из Панджаба о разделе и о первых годах жизни в Дели. Основные поднимаемые вопросы связаны со взаимоотношениями между беженцами и городским правительством – корни негативного отношения сообщества беженцев в Дели к Индийскому национальному конгрессу. Также данные вопросы

⁵⁹ Zamindar, V. *The Long Partition and the Making of Modern South Asia: Refugees, Boundaries, Histories*. New Delhi: Columbia University Press, 2007. – 288 p.

⁶⁰ Kaur, R. *Since 1947: Partition Narratives Among Punjabi Migrants of Delhi*. New Delhi: Oxford University Press, 2007. – 292 p.

затрагивается в статье **В. Датты**⁶¹ и **Г. Пандея**⁶² и диссертациях **А. Кумари**⁶³ и **С. Капур**⁶⁴. По большей части, авторы подобных исследований сами являются выходцами из пакистанского Панджаба и их потомки. Большая часть исследователей подробно останавливается на самом периоде раздела и первых последовавших лет (конец 1940-ых – начало 1950-ых гг.) - несколько меньшее внимание уделяется последовавшему периоду адаптации панджабцев в Дели.

Изучение политической истории Дели является частью более широкой дисциплины – региональных и субрегиональных политических исследований. Этому направлению сравнительно недавно стало уделяться надлежащее внимание. Большая часть посвящённых отдельным штатам исследований в 1950-1980-ые гг. касается «горячих точек» – Кашмира, Панджаба, штатов северо-восточной Индии. Гораздо меньшее количество исследователей уделяло внимание изучению регионов без активных сепаратистских движений – среди немногочисленных исключений можно выделить работы американского исследователя **П. Брасса**⁶⁵, специализировавшегося по соседнему с Дели штату Уттар-Прадеш. Положение изменяется с конца 1980-ых гг., одновременно с ростом влияния региональных партий.

В последние годы появляется множество работ по региональной проблематике, касающихся как исследования ситуации в отдельных штатах, так и сравнения ситуации в нескольких регионах. Например, книги **З. Хасан**⁶⁶ примечательны сравнением политического положения в нескольких штатах

⁶¹ Datta V. *Punjab Refugees and the Urban Development of Greater Delhi*// Delhi Through the Ages: Selected Essays in Urban History, Culture and Society, edited by R. E. Frykenberg. New Delhi, 2007.

⁶² Pandey, G. Partition and Independence in Delhi: 1947-48 // *Economic and Political Weekly*, 32(36), 1997, pp. 2261-2272

⁶³ Kumari A. *Delhi as a Refuge: the Rehabilitation of Partition Refugees (Thesis)*. New Delhi, 2007.

⁶⁴ Kapur, S. *Lifeworlds and Social Systems of Hindu Punjabi Refugees in Delhi: Caste, Class and Power (Thesis)*. New Delhi, 2002.

⁶⁵ Brass, P. *Factional Politics in an Indian State: The Congress Party in Uttar Pradesh*. Berkeley: University of California Press, 1965. – 262 p.

Северной Индии и изучением причин роста влияния индуистского национализма. В сборнике под редакцией **А. Кумара**⁶⁷ содержится изучение проблемы создания новых штатов и роли касты в политике различных регионов.

Особняком стоит сборник очерков по региональной политике под редакцией **Х. Роя, М. Сингха и А. Чоухана**⁶⁸. Впервые в одном сборнике были собраны подробные очерки политического развития всех без исключения штатов и союзных территорий, в том числе и Дели. Авторство очерков о каждом регионе принадлежит местным исследователям. Для каждого региона выделяется основная местная проблематика – в случае Дели это борьба за статус полноправного штата.

Начиная с 1990-ых гг. итоги общенациональных выборов всё более зависят от региональной проблематики – прежде всего, от текущей политической ситуации в ряде ключевых штатов. Важное значение имеют сборники политологических исследований, издававшихся по материалам общенациональных выборов. Сборник под редакцией **Р. Роя и П. Уоллеса**⁶⁹ содержит анализ итогов выборов 1998 г., основанный на материалах из североиндийских штатов. Аналогичный сборник под редакцией **С. Шастри, К. Сури и Й. Ядава**⁷⁰ по материалам выборов 2004 г. Сборник – посвящённый выборам 2009 г., составленный под редакцией **С. Палшикара, К. Сури и Й. Ядава**⁷¹ – наиболее подробен и охватывает выборы во всех штатах и союзных территориях (авторство очерка по выборам в Дели

⁶⁶ Hasan, Z. *Parties and Party Politics in India*. New Delhi: Oxford University Press 2002. – 371 p.

⁶⁷ ed. Kumar, A. *Rethinking State Politics in India: Regions Within Regions*. New Delhi: Routledge, 2011. – 516 p.

⁶⁸ ed. Roy, H., Singh, M. P., Chouhan, A. P. S. *State Politics in India*. New Delhi: Primus Books, 2017. – 919 p.

⁶⁹ Roy, P., Wallace, P. *Indian Politics and the 1998 Election: Regionalism, Hindutva and State Politics*. New Delhi: Sage Publications, 1999. – 375 p.

⁷⁰ Shastri, S., Suri, K., Yadav, Y. *Electoral Politics in Indian States: Lok Sabha Elections in 2004 and Beyond*. New Delhi: Oxford University Press, 2009. – 453 p.

⁷¹ Palshikar, S., Suri, K. C., Yadav, Y. *Party Competition in Indian States: Electoral Politics in Post-congress Polity*. New Delhi: Oxford University Press, 2014. – 563 p.

принадлежит **Б. Моханти**). Интересно, что **Й. Ядав**, один из крупных специалистов по региональным политическим процессам и автор многих академических исследований, в 2010-ые гг. стал политическим активистом и одним из создателей Ам адми парти в Дели.

Городские исследования занимают важное место в трудах современных индийских историков и социологов – тем не менее, далеко не преобладающая часть из них посвящена Дели. Особенностью Индии является существование несколько крупных мегаполисов, сравнимых по населению и экономической роли со столицей. Таким образом, следует учитывать не только работы по политической истории столицы, но и работы, посвящённые положению дел в других крупных индийских городах.

Прежде всего, важность представляют работы по политической истории Мумбаи, играющего, наряду с Дели, роль экономического центра страны. Книга индийского исследователя **П. Кидамби**⁷² фокусируется на развитии колониального Бомбея, становлении системы городского самоуправления и функционирования системы представительских органов. С похожими проблемами на рубеже XIX-XX вв. сталкивался и Дели. Постколониальному Мумбаи посвящены исследования **С. Пателя** и **Дж. Масселоса**, касающиеся городских этнорелигиозных общины и их влияния на политику⁷³. Книга нидерландского исследователя **Й. де Вита** описывает социальный статус различных районов агломерации Мумбаи и положение в городских трущобах⁷⁴. Проблеме взаимоотношений индуусского большинства и мусульманского меньшинства в Мумбаи посвящена и работа **Т. Хансена**⁷⁵ - в ней также затрагиваются проблемы, связанные с разделом страны и

⁷² Kidambi, P. *The Making of an Indian Metropolis: Colonial Governance and Public Culture in Bombay, 1890-1920*. Mumbai: Routledge, 2016. – 290 p.

⁷³ Patel, S., Masselos J. *Bombay and Mumbai: The City in Transition*. Mumbai: Oxford University Press, 2003. – 347 p.

⁷⁴ de Wit, J. *Urban Poverty, Local Governance and Everyday Politics in Mumbai*. New York: Routledge, 2017. – 320 p.

⁷⁵ Hansen, T. B. *Violence in Urban India: Identity Politics, 'Mumbai', and the Postcolonial City*. New Delhi: Permanent Black, 2004. – 269 p.

обменом населением между Индией и Пакистаном. Отдельный интерес представляют работы по политическим силам в Мумбаи, прежде всего, работа **В. Пурандаре**⁷⁶ о партии Шив сена – одной из первых политических сил, созданных исключительно на городской базе. Борьба Шив сены с «традиционными партиями» в Мумбаи во многом важна для понимания природы успеха ААП в Дели.

Третьей по численности городской агломерацией является Колката. Столица Британской Индии до 1911 г. до сегодняшнего времени остаётся одним из центров интеллектуальной жизни. Большое количество работ местных авторов посвящено как по колониальному периоду, так и по истории политической жизни города во второй половине XX в. Книга **С. Чоттопадхья**⁷⁷ описывает трансформацию политического наследия колониальной эпохи. Труд **К. Датты**⁷⁸ охватывает основные этапы истории Колкаты, в том числе, взаимоотношения между основными политическими силами города. Отдельный интерес представляет сборник статей под редакцией **Х. Банерджи, Л. Гупты и С. Мукерджи**⁷⁹, анализирующий положение различных этнорелигиозных меньшинств в Колкате.

Дели, Мумбаи и Колката являются тремя крупнейшими индийскими городскими агломерациями. Тем не менее, работы, посвящённые остальным индийским городам, тоже представляют важность для данного исследования. Следует выделить работу **Р. Венкатачалапати**, содержащую исследование политической истории Ченнаи⁸⁰. Отдельное внимание следует уделить работам по истории Хайдарабада. Помимо того, что это один из крупнейших

⁷⁶ Purandare, V. *Bal Thackeray and the rise of Shiv Sena*. New Delhi: Roli Books Private Limited 2012. – 288 p.

⁷⁷ [Chattopadhyay, S.](#) *Representing Calcutta: Modernity, Nationalism, and the Colonial Uncanny*. New York: Psychology Press, 2005. – 314 p.

⁷⁸ Datta, K. *Calcutta: A Cultural and Literary History*. Oxford: Signal Books, 2003. – 255 p.

⁷⁹ ed. Banerjee, H., Gupta, N., Mukherjee, S. *Calcutta Mosaic: Essays and Interviews on the Minority Communities of Calcutta*. New Delhi: Anthem Press, 2009. – 504 p.

⁸⁰ Venkatachalapathy, R. *Chennai Not Madras: Perspectives on the City*. New Delhi: Marg Publications, 2006. – 140 p.

мегаполисов страны, город также имеет много общего с Дели. Это один из старинных центров мусульманской культуры, на развитие которого оказали большое влияние события 1947 г. И на современном этапе для Хайдарабада характерны крайне сложные межконфессиональные отношения. Кроме того, административная роль Хайдарабада и её изменения в ходе создания штата Телангана сравнима с положением Национальной столичной территории. Работы **Н. Лютера** охватывают период последних лет существования княжества Хайдарабад, описывая вхождение города в состав Индии и миграцию части мусульманской общины в Пакистан⁸¹. В книге **В. Ядава**⁸² интересна попытка сравнения систем муниципального управления в Хайдарабаде и Ахмедабаде. Ещё одним примером сравнительного анализа городских проблем может служить сборник под редакцией французского исследователя **Ж. Рюэ**⁸³, в котором проводится сравнение систем самоуправления в Дели, Калькутте, Мумбаи и Хайдарабаде.

Важно сравнить Дели не только с индийскими городами, но и с другими мегаполисами Южной Азии – прежде всего, с Карачи, крупнейшим городом Пакистана. Развитие Карачи во второй половине XX в. имеет много общих черт с ситуацией в индийской столице. Политическая жизнь города во многом определяется деятельностью мухаджиров – беженцев-мусульман из Индии. В свою очередь, огромное влияние на делийскую политику после 1947 г. оказывали выходцы из пакистанского Панджаба. В книге **Н. Хана**⁸⁴ приводится подробный анализ межобщинного противостояния мухаджиров синдхов и пуштунов в Карачи. Книга **Л. Гайера**⁸⁵ содержит анализ силовых

⁸¹ Luther, N. *Hyderabad, a Biography*. New Delhi, 2006. – 483 p.

⁸² Yadav, V. *Metropolitan Governance: Cases of Ahmedabad and Hyderabad*. New Delhi: Copal Publishing Group, 2014. – 322 p.

⁸³ Ruet, J., Lama-Rewal, S. T. *Governing India's Metropolises: Case Studies of Four Cities*. New Delhi: Routledge, 2010. – 340 p.

⁸⁴ Khan, N. *Cityscapes of Violence in Karachi: Publics and Counterpublics*. New York: Oxford University Press, 2017. – 273 p.

⁸⁵ Gayer, L. *Karachi: Ordered Disorder and the Struggle for the City*. New York: Oxford University Press, 2014. – 336 p.

конфликтов между различными политическими группировками в Карачи – в том числе, группировками выходцев из Индии.

Отдельное внимание следует уделить работам, касающимся анализа политического статуса Дели и становления системы городского управления. На протяжении второй половины XX – начала XXI века статус Дели в рамках индийского государства постоянно менялся. Вопрос расширения прав Дели до сих пор остаётся актуальным. Одним из первых историю системы городского самоуправления в Дели попытался проанализировать **Дж. Чандра**⁸⁶. Его работа охватывает период с конца XIX века и до упразднения первой делийской законодательной ассамблеи в 1956 г. Джаг Парвеш Чандра был также одним из лидеров ИНК в Дели в 1950-ые гг. – его выводы во многом предопределены тогдашней политической ситуацией и заведомо отрицательной позицией по отношению к предоставлению Дели статуса штата.

Американский исследователь **Ф. Ольденбург**⁸⁷ занимался исследованием системы самоуправления в городе на низовом уровне и пределах компетенции муниципальных корпораций. **П. Гойял**⁸⁸ продолжил рассмотрение различных точек зрения на вопрос о целесообразности предоставления Дели прав штата. В работе **С. Кумара** статус Дели рассматривается вместе с остальными союзными территориями, подчёркивается неоднозначность их положения в индийском административно-территориальном устройстве.

Ряд работ посвящён отдельным органам делийской власти и их развитию во второй половине XX века – среди них следует выделить работу

⁸⁶ Chandra, J. P. *Delhi: a political study*. New Delhi, 1969. – 177 p.

⁸⁷ Oldenburg, P. *Big city government in India. Councilor, administrator, and citizen*. New Delhi, 1976. – 400 p.

⁸⁸ Goyal, P. *Delhi's march towards statehood*. New Delhi: UBS Publishers' Distributors 1993. – 248 p.

К. Сетха и **Г. Малхотры**⁸⁹, посвящённую деятельности делийского городского совета – единственного представительского органа в столице на протяжении более двух десятилетий. Особое внимание уделяется исследованию протоколов заседания совета и определению пределов компетенции этого органа.

Одним из аспектов изучения мегаполиса является анализ эволюции этнорелигиозных общин в пределах города. Применительно к Дели речь прежде всего идёт о трёх крупнейших общинах – индусах, мусульманах и сикхах. Тем не менее, важное значение имеют исследования положения и других этнорелигиозных групп.

Парадоксальным образом, роль индуизма и индусского большинства оказалась наименее исследованной. Собственно, делийским индусам, крупнейшей общине города, составляющей абсолютное большинство населения столицы, не посвящено ни одной научной работы. Возможная причина заключается в том, что община практически никогда не выступает как единое целое. Применительно к Дели существуют только работы по «политическому индуизму» и организациям индусских националистов, связанных с «Сангх паривар» и БДП. Роль Дели в развитии идеологии индусского национализма чрезвычайно высока. Индусское движение в Дели подробно рассматривается в работах крупнейших специалистов по данной тематике – **К. Жаффрело**⁹⁰ и **У. Андерсена**⁹¹. Также помогают составить представление о развитии индусской общины работы по отдельным организациям «Сангх паривар» - например, книга **М. Катджу** о деятельности

⁸⁹ Seth, K. N., Malhotra, G. C. *Delhi Metropolitan Council: A Study, 1966-1989*. New Delhi: Metropolitan Council, 1989. - 125 p.

⁹⁰ Jaffrelot, C. *Religion, Caste, and Politics in India*. New Delhi: Primus Books, 2010. – 802 p.

⁹¹ Andersen W. K. *The Brotherhood in Saffron: The Rashtrya Swayamsewak Sangh and Hindu Revivalism*. New Delhi: Penguin Random House India Private Limited, 1987. – 432 p.

Вишва хинду паришад (ВХП)⁹², одним из центров которого также является Дели⁹³.

Роль второй по численности общины – делийских мусульман – освещалась в нескольких работах, основными темами которых было изменение социального статуса делийских мусульман, постепенная «геттоизация» общины и индусско-мусульманские взаимоотношения. Наиболее примечательна работа **Г. Джамиль**⁹⁴, освещающая социальные процессы в делийских районах с высокой долей мусульманского населения – как традиционных (Старый Дели), так и новых (районы на восточном берегу Ямуны). Работа **А. Ахмада**, основанная на статистическом анализе положения мусульман в Дели, является частью серии подобных работ по мусульманским общинам в североиндийских штатах⁹⁵. Автором констатируется проблема отставания мусульманской общины как в плане доходов, так и в плане образования, а также малая представленность мусульман в политической жизни и городском управлении.

Проблемы развития сикхской общины в Дели наиболее полно освещены в диссертации **Дж. Каур**⁹⁶, посвященной деятельности Делийского комитета по управлению гурудварами. Ценность работы состоит в изучении внутренних противоречий сикхской общины и опровержении устоявшегося мнения о внутреннем единстве этнорелигиозного меньшинства. Работа Дж. Каур выполнена до обострения «панджабского вопроса» и анти-сикхских погромов 1984 г. Тематика событий 1984 г. затрагивается в более поздних общих работах по сикхской истории – например, в трудах **К. Сингха**⁹⁷ и **С.**

⁹² Всемирный совет индусов (*хинду*)

⁹³ Katju, M. *Vishwa Hindu Parishad and Indian politics*. New Delhi: Orient Blackswan, 2003. – 186 p.

⁹⁴ Jamil, G. *Accumulation by Segregation: Muslim Localities in Delhi*. New Delhi: Oxford University Press, 2017. – 264 p.

⁹⁵ Ahmad, A. *Muslims in India. Vol. III – NCT of Delhi*. New Delhi, 1995. – 363 p.

⁹⁶ Kaur, J. *The role of pressure groups in decision making in India : a study of the Delhi sikh gurdwara management committee (Thesis)*. New Delhi, 1980.

⁹⁷ Singh, K. *A History of Sikhs: 1839-2004*. New Delhi: Oxford University Press, 2004. – 495 p.

Сингха⁹⁸ – также этим событиям посвящено большое количество публицистических работ. Тем не менее, полноценного исследования по событиям 1984 г. до сих пор не существует, тема остаётся чрезвычайно политизированной.

Работы по менее крупным общинам связаны с полевыми исследованиями и изучением небольших диаспор в условиях мегаполиса. Интересно исследование **Д. Мак-Дюи-Ра**⁹⁹, посвящённое малочисленной, но сравнительно заметной общине выходцев из северо-восточных штатов – Нагаленда, Манипура и Мизорама. Основные рассматриваемые вопросы касаются сложности взаимоотношений с хиндиязычным большинством и зависимости от политической обстановки в родных штатах. Отмечается тенденция к расселению в определённых кварталах и созданию бизнеса, ориентированного на представителей своей общины. Схожие проблемы освещаются и в диссертации **А. Инбанатхана**¹⁰⁰, рассматривающего положение тамильской общины в индийской столице. Особо примечательна община тибетских беженцев, возникновение и развитие которой является темой диссертации **А. Гуравы**¹⁰¹. Тибетцы выделяются в городе не только за счёт этноязыкового отличия от хиндиязычного большинства, но и юридической обособленности своего статуса иностранных граждан.

Наибольшее значение имеют не столько работы, посвящённые мигрантам из южных и северо-восточных штатов, сколько изучение миграции в столицу жителей ближайших хиндиязычных штатов и их кастового состава. Быстрые темпы урбанизации Дели привели к тому, что большинство населения столицы составляют выходцы из соседних штатов

⁹⁸ Singh, S. *The Sikhs in History*. Amritsar: Singh Publishers, 2010. – 588 p.

⁹⁹ McDuié-Ra, D. *Northeast Migrants in Delhi: Race, Refuge and Retail*. Amsterdam University Press, 2012. – 203 p.

¹⁰⁰ Inbanathan, A. *Tamil migrants in Delhi: sociological analysis of the styles of adaptation (Thesis)*. New Delhi, 1986.

¹⁰¹ Gurawa A. *Tibetan Buddhism and Tibetan Diaspora in Delhi, 1959-1999 (Thesis)*. New Delhi, 2003.

(прежде всего, Уттар-Прадеш) в первом поколении. В связи с этой темой интересна работа **С. Ядава**¹⁰², исследовавшего темпы миграции в столицу во второй половине XX в. Во многом, работа носит публицистический характер, автором высказываются идеи о контроле миграции, звучит критика правительства за нарушение прав «коренных делийцев». Наиболее полно тема миграции раскрыта в книге **С. Кумара**¹⁰³, в которой содержится анализ кастовой структуры делийского населения и политических предпочтений основных кастовых групп. Оработка большого количества материалов социологических опросов – разрушает многие стереотипы о индийской политике. Основным тезисом книги С. Кумара является постепенное разрушение механизма «кастового голосования» в условиях мегаполиса. Подобные идеи высказываются и в книге **К. Жаффрело**¹⁰⁴, часть глав которой посвящена именно ситуации в столице.

Сравнительно небольшое количество работ касается деятельности основных индийских политических сил непосредственно в пределах столицы. Основное внимание авторы обычно уделяют развитию в Дели индуcского националистического движения, гораздо меньшее число монографий и статей посвящено деятельности в Дели Индийского национального конгресса. Трансформация политической реальности в Дели и появление ААП до сих пор не стали темой ни одной научной монографии.

Книга **Г. Пури**¹⁰⁵, содержащая подробный анализ деятельности индуcских националистов в Дели в 1940-1960-ые гг., примечательна использованием большого количества статистического материала, касающегося работы Бхаратия джана сангх в столице. Исследование Г. Пури впервые обращает внимание на то, что базой индуcского национализма

¹⁰² Yadav, S. *The Invasion of Delhi*. Gurgaon: Worldwide Books, 2008. – 221 p.

¹⁰³ Kumar, S. *Changing Electoral Politics in Delhi: From Caste to Class*. New Delhi: SAGE Publications India, 2013. – 248 p.

¹⁰⁴ Jaffrelot, C. *Religion, Caste, and Politics in India*. New Delhi, 2010.

¹⁰⁵ Puri G. *Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology. Delhi: a Case Study*. New Delhi: Sterling, 2003. – 292 p.

является вовсе не сельская местность и не земли бывших княжеств, а крупные города и особенно столица.

Работа **Й. Пури**¹⁰⁶ посвящена тому же временному отрезку (1940-ые – 1940-ые гг.) и касается деятельности ИНК в Дели. Фактически, это единственная научная работа, основной темой которой является деятельность Конгресса в столице. Автор оспаривает постулат о Конгрессе, как о единой политической силе, безраздельно доминирующей в индийской политике первых лет независимости. На примере ситуации в Дели показывается борьба различных групп влияния внутри местных отделений ИНК, часто парализовавшая организованную деятельность партии.

В цикле работ о политических силах Дели можно отметить и написанные **А. Гуптой**¹⁰⁷ очерки по истории КПИ в Дели. Несмотря на то, что книга написана с ортодоксально-партийных позиций, она всё равно содержит большое количество ценной информации, касающейся деятельности КПИ в столице в 1930-1950-ые гг.

Наиболее полно исследован партийно-политический расклад в Дели применительно к периоду 1940-1960-ых гг. Многие вопросы, касающиеся более позднего периода (создание отделения БДП в Дели, деятельность низкокастовых политических групп и ААП) практически не освещены в научных исследованиях. Один из немногих обратных примеров является диссертация **А. Датты**¹⁰⁸, посвящённая развитию основных политических партий в Дели в период восстановления городского самоуправления в начале 1990-ых гг. Отдельные аспекты деятельности делийских политических сил анализируются в статьях **У. Андерсена** и **М. К. Сайни**¹⁰⁹, где

¹⁰⁶ Puri, Y. *Party politics in the Nehru era: a study of Congress in Delhi*. New Delhi: National Book Organisation, 1993. – 262 p.

¹⁰⁷ Gupta, A. *Delhi ki communist party ka itihās*. New Delhi, 2008. – 279 p.

¹⁰⁸ Datta, A. *Party Politics in Delhi: 1980-1990*. New Delhi, 1994. – 271 p.

¹⁰⁹ Andersen, A., Saini, M. *The Congress Split in Delhi: The Effect of Factionalism on Organizational Performance and System Level Interactions* // Asian Survey, Vol. 11, No. 11 (Nov., 1971), pp. 1084-1100.

рассматривается политическая борьба в городе в период правления Индиры Ганди.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, примечаний, приложения, списка использованных источников и литературы и приложения.

Первая глава «Эволюция административно-правового статуса Дели» посвящена анализу изменения роли Дели в рамках индийского государства. В её первой части «Становление Дели как политического центра Индии: 1911-1947 гг.» проводится анализ положения Дели в колониальную эпоху. Коренное изменение статуса Дели началось в 1911 г. после переноса в город столицы из Калькутты. Изменение административного статуса повлекло за собой быстрый рост населения города и повышение его роли в общенациональной политической жизни. Внимание уделяется и роли Дели в национально-освободительном движении. Вторая часть «Развитие органов управления столицей после 1947 г.» посвящена становлению органов исполнительной и законодательной власти Дели – прежде всего, институтов городского правительства, законодательной ассамблеи и местного самоуправления. Особое внимание уделяется статусу Национальной столичной территории на общеиндийском уровне и вопросу о возможном предоставлении Дели статуса полноправного штата.

Вторая глава «Городские сообщества: процессы социальной стратификации и формирование этноконфессиональной структуры населения столицы» описывает особенности существования традиционных общин в современном индийском мегаполисе и их влияния на городскую политику. В первой части «Демографическое развитие Дели в XX в.» исследуется процесс миграции в Дели – как миграции из Пакистана в ходе событий 1947 г., так и более поздние миграции из сопредельных штатов Индии. Отдельно рассматривается кастовый баланс мигрантов и их экономическая роль в столице. Вторая часть «Религиозные, этноязыковые и территориальные

общины в Дели» посвящена различным типам сообществ, встроенным в современную жизнь индийской столице. Освещается развитие индульской, мусульманской и сикхской общин, сообществ мигрантов из нехиндиязычных регионов и территориальных сообществ в отдельных делийских районах.

Третья глава «Политическая жизнь в Дели и её связь с общенациональными процессами» прослеживает историю развития политической жизни в Дели начиная с 1947 г. В первой части «Формирование основных политических сил в Дели в конце 1940-ых – начале 1960-ых гг.» рассказывается о создании и первых годах деятельности городских отделений общеиндийских политических сил – ИНК, БДС и Коммунистической партии Индии. Вторая часть «Трансформация политического облика столицы в 1960-1990-ые гг.» описывает партийно-политическую в столице вплоть до воссоздания законодательной ассамблеи в 1993 г. Особое внимание уделяется влиянию на городскую жизнь описываемого периода общеиндийских политических процессов. Третья часть «Политическая ситуация в Дели на современном этапе» касается партийной борьбы в городе в 1990-ые – 2010-ые гг. и появления в столице новой политической силы – ААП.

Глава I. Эволюция административно-правового статуса Дели

1.1 Становление Дели как политического центра Индии: 1911-1947 гг.¹¹⁰

Сравнивая Калькутту и Дели необходимо отметить, что в начале XX в. роль и влияние двух городов несопоставимы с современным положением. С точки зрения развитости экономики и инфраструктуры, явных причин для переноса столицы из Калькутты не было. Калькутта была крупнейшим городом Южной Азии - в границах муниципальной корпорации проживало 848 тыс. человек, а население города с пригородами составляло более полутора миллионов. С 1773 г. она была центром владений Ост-Индской компании, а с 1857 г. центром Британской Индии. Из города управлялись не только территории, на которых располагаются современные Индия, Пакистан и Бангладеш, но и британские владения вне Южной Азии, например, Бирма и Аден. Кроме того, Калькутта была центром провинции Бенгалия, включавшей современный Бангладеш и индийские штаты Западная Бенгалия, Бихар, Орисса и Ассам.

Калькутта также являлась важнейшим экономическим центром Индии. Британская торговля с восточной Азией во многом велась через Калькутту. Значимым обстоятельством было и то, что местоположение города обеспечивало контроль над всеми водными перевозками по Гангу. Калькутта была мировым центром джутовой промышленности.

Калькутта была одновременно и главным культурным центром страны. В городе впервые в Индии начали издаваться газеты на местных языках, с 1820-ых гг. действовали учреждения высшего образования (Хинду колледж, с 1857 г. – университет). Даже сейчас Калькутта является местом пребывания национальной библиотеки, крупнейших музеев и значительной части

¹¹⁰ Параграф основывается на материалах авторской статьи - Спектор И. Б. *Дели в британской колониальной политике начала XX века: обретение столичного статуса* // Новая и новейшая история, № 2, 2019, с. 185-189

государственных архивов. Культурные процессы XIX в., центром которых была Калькутта, позднее стали известны как «Бенгальское возрождение» - они были связаны с именами Рабиндраната Тагора, Бонкимчондро Чоттопадхья и т. д.

Положение Дели было совершенно иным. На момент принятия решения о переносе столицы в городе жило всего 232 тыс. человек. По населению Дели уступал не только Калькутте, но и Бомбею¹¹¹ (979 тыс.), Мадрасу¹¹² (518 тыс.) и даже Лакхнау (259 тыс.) лишь ненамного опережая панджабский Лахор (228 тыс.) и Агру (185 тыс.)¹¹³. До 1857 г. Дели был столицей империи Великих Моголов, но уже с 1801 г. фактическая власть в городе находилась в руках резидента Ост-Индской компании. В административном отношении город подчинялся британскому губернатору в Агре. После поражения сипайского восстания и низложения Бахадур-Шаха II Дели был присоединён к провинции Панджаб, центром которой являлся Лахор¹¹⁴. Таким образом, к 1911 г. Дели уже более 50 лет даже формально не являлся административным центром.

Следует обратить особое внимание на состав тогдашнего населения города. По сравнению с началом XXI в. в Дели была крайне высока доля мусульман. В 1901 г. они составляли 24,2% городского населения. После подавления сипайского восстания многие мусульмане покинули Дели, но затем община росла на протяжении всего XIX и начала XX вв., достигнув в 1941 г. трети городского населения (33,2%)¹¹⁵. Большую часть общины составляли представители образованных высококастовых групп¹¹⁶ – в

¹¹¹ *совр.* Мумбаи

¹¹² *совр.* Ченнаи

¹¹³ India – historical demographical data of urban centers. URL: <http://www.populstat.info/Asia/indiat.htm> (accessed 23.06.2018)

¹¹⁴ Chandra J. P. *Delhi: a political study*. New Delhi, 1969, p. 26.

¹¹⁵ Gopal K. Communal Violence in India: A Study of Communal Disturbance in Delhi // *Economic and Political Weekly*. Vol. New Delhi 1985, No. 3, p. 117.

¹¹⁶ Вопрос о том, можно ли применять термин «каста» в отношении различных социальных групп индийских мусульман, является дискуссионным, кроме того, мусульманские касты не были столь развитыми, как индуские. Вместе с тем несомненно, что отношения между различными группами в мусульманской общине в Индии приняли

результате, делийская мусульманская община играла важную роль в общественной и политической жизни всех мусульман Южной Азии. Значительная в наши дни сикхская община Дели в начале XX в. не играла практически никакой роли – в 1911 г. в городе и окрестностях насчитывалось всего 2985 сикхов¹¹⁷. В индульской общине, составлявшей большинство городского населения, была также очень высока доля высококастового населения. В 1911 г. в районе Дели жило 238 тыс. индусов из которых джаты составляли 15,7%, брахманы - 11,1%, банья – 10,3%, а раджпуты – 5%¹¹⁸.

На начало XX в. большинство жителей Дели было занято в ремесленном производстве и мелкой торговле. Обрабатывающая промышленность была не развита, что было особенно ясно видно в сравнении с крупными приморскими городами. Единственной отраслью, получившей некоторое развитие в Дели, было хлопкопрядение – к 1911 г. на четырёх фабриках трудилось чуть более 2 тысяч рабочих¹¹⁹.

Как мы видим, с точки зрения населения и экономической роли, Дели вряд ли мог претендовать на столичный статус, но в решении британской администрации первостепенную роль играли идеологические мотивы. С XIII в. город был центром различных государственных образований, доминировавших в Южной Азии. В 1857 г. британцы низложили последнего могольского правителя, но образ Дели как «имперской столицы» остался в умах многих индийцев. Уже со второй половины XIX в. колониальная администрация для упрочнения собственного положения пытается выстроить линию преемственности с традиционными индийскими правителями. Первым шагом в этом направлении стало принятие королевой Викторией в 1876 г. титула «императрицы Индии», инициированное премьер-министром Бенджаменом Дизраэли. Это действие показывало, что британцы в Индии являются «законными преемниками» Великих Моголов и позволяло

форму, очень близкую к кастовой.

¹¹⁷ *A Gazetteer of Delhi*, Part B, p. XVIII.

¹¹⁸ *A Gazetteer of Delhi*, Part B, pp. XXVI-XXVII.

¹¹⁹ *A Gazetteer of Delhi*, Part A, p. 160.

упрочить лояльность местной знати. Не случайно коронационные церемонии (дарбары), на которые приглашались все индийские князья, копировали собрания могольской аристократии. Очевидно, что и местом проведения дарбаров должен был стать Дели, где восходила на трон большая часть могольских правителей.

Виктория так и не посетила Индию и коронационный дарбар 1877 г. прошёл в отсутствие монарха. В 1903 г. ситуация повторилась, хотя вице-король Керзон прилагал значительные усилия, чтобы убедить посетить Индию Эдуарда VII. Король в Дели так и не приехал, также потерпели неудачу попытки британско-индийской администрации добиться от Лондона предоставления к коронации Индии некоторых налоговых льгот¹²⁰. При этом дарбары вызывали критику как в британской либеральной печати, так и со стороны индийских националистов из ИНК, которым не нравилось намеренное возрождение средневековых обычаев.

Дарбар 1911 г. стал кульминацией «имперской идеи». Прежде всего, это было связано с тем, что его посетил Георг V вместе с супругой – королевой Марией. Новый король посещал Индию ещё в качестве принца Уэльского. Он лично выступил в поддержку проведения дарбара, утверждая, что это мероприятие может "пресечь бунтарские настроения, которые, к сожалению, существуют в некоторых регионах Индии"¹²¹.

Это высказывание указывает на ещё одну причину переноса столицы т.к. под «отдельными регионами Индии» здесь, прежде всего, следует понимать Бенгалию и саму Калькутту. К 1911 г. у британской администрации сложилось устойчивое убеждение о нелояльности «старой столицы». Выше упоминалось, что в течении всего XIX в. Калькутта была всеиндийским образовательным центром и городом, где была наиболее активна общественная жизнь. Уроженцы Калькутты сыграли большую роль в

¹²⁰ Coleman, L. *Electrification in New Delhi: a moral technology*, p.46.

¹²¹ Volwashen, A. *Imperial Delhi. The British Capital of the Indian Empire*. Munich, 2004, p. 11.

основании в 1885 г. Индийского национального конгресса. В 1905 г. администрация вице-короля Керзона выступила с идеей раздела провинции Бенгалия, центром которой являлась Калькутта, на западную и восточную половины, где доминировали бы соответственно индусы и мусульмане. Это решение встретило активную оппозицию среди местного населения, которое вылилось в массовое антибританское движение, центром которого стала Калькутта. Движение активно поддержала образованная часть калькуттского общества, организовавшая кампанию за бойкот британских товаров. Кроме того, под влиянием европейских революционных движений, в Калькутте начинают возникать радикальные группы, призывавшие к борьбе за полную независимость Индии, к нападениям на британцев и к конечному вооружённому восстанию. Бенгальские радикалы, возглавляемые Ауробиндо Гхошем и Джатиндранатхом Мукерджи, организовали в 1900-ые гг. лишь несколько удачных антибританских акций, их реальная угроза для власти была очень низка, но резонанс от действий радикалов был силён и британские власти начали воспринимать Калькутту как «центр террористов». Непокойная обстановка в Калькутте явно контрастировала с ситуацией в Дели, где политическая активность казалось крайне низкой, а радикальных настроений не наблюдалось вовсе. Инициаторы переноса столицы исходили из того, что в Дели британская администрация будет в безопасности от террористической угрозы, а индийские политические силы, концентрирующиеся вокруг Бомбея и Калькутты, потеряют возможность оказывать влияние на процесс принятия решений.

Экономические соображения в решении о переносе столицы играли второстепенную роль, но, тем не менее, они присутствовали. Прежде всего, Калькутта была важна как торгово-финансовый центр и крупнейший транспортный узел. В начале XIX в. первостепенное значение имело местоположение Калькутты на реке Хугли, обеспечивавшее контроль над торговлей по Гангу. Но со второй половины века роль водных перевозок

начинает падать, уступая место железнодорожному транспорту. В 1864 г. было завершено строительство железной дороги Калькутта – Дели, а в 1873 г. из Дели была проложена ветка на Аджмер, связавшая будущую столицу с Раджастханом. Затем последовало строительство веток на Панджаб и Агру. В результате, Дели стал связующим звеном между северо-западными регионами и остальной частью страны. Одновременно начался быстрый рост индийской промышленности, опирающейся на ресурсы внутренних районов полуострова. Дели становится центром этих внутренних районов во многом из-за того, что уже стал центром железнодорожного сообщения. Если индийские предприниматели, создавшие состояние в XIX в. (например, семья Тата), разбогатели на посреднической торговле, то богатство индийских предприниматели начала XX в. (например, семья Бирла) делали состояние на промышленных предприятиях, созданных во внутренних районах – естественным местом концентрации «нового капитала» стал именно Дели.

Свою роль при принятии решения о переносе столицы сыграли соображения об удобстве размещения огромной массы британского бюрократического аппарата. Большая часть британских служащих привозила в Индию семьи, а климат приморской Калькутты считался нездоровым. В летние месяцы значительная часть британцев предпочитала перебираться в более комфортные для жизни районы Индии. Местностью с наиболее благоприятным для европейцев климатом считались горные районы современного штата Химачал-Прадеш. С 1830-ых гг. основным местом отдыха англичан в горных районах стал город Шимла. В 1863 г. вице-король Джон Лоуренс принял решение о переносе столицы в Шимлу из Калькутты на летние месяцы. Эту практику соблюдали все последующие вице-короли, но переезд из Калькутты в Шимлу и обратно был связан со значительными неудобствами. Идея о переносе «зимней столицы» в Дели стала гораздо более популярной после завершения строительства железной дороги между Дели и Шимлой.

Дискуссии о возможном переносе столицы велись несколько лет до 1911 г. Дели не был единственным вариантом - например, высказывались предложения последовать примеру США и Австралии, основав для столицы новый город. Любопытно, что специально созданная по данному вопросу комиссия рекомендовала перенести столицу не в Дели, а в Сагар (современный штат Мадхья-Прадеш)¹²², мотивируя свою рекомендацию тем, что город расположен близко к географическому центру страны, а местный климат сравнительно мягок.

Многие британские государственные деятели, в том числе, бывшие вице-короли Индии (лорд Керзон, лорд Минто) выступали против переноса столицы, но горячим сторонником этого шага стал новый вице-король Хардинг. Он придавал большое значение «исторической» аргументации и считал, что перенос столицы во внутренние регионы покажет твёрдость британской власти и улучшит отношения с индийскими князьями. На организованном Хардингом дарбаре в декабре 1911 г. присутствовали все значимые индийские князья, сама церемония коронация включала большое количество традиционно индийских черт, например, церемонию «даршана» («лицезрения») царствующих особ. 12 декабря 1911 г. Георг V объявил о переносе места пребывания колониальной администрации в Дели, назвав город «древней столицей». Одновременно было объявлено о повторном разделе Бенгалии из которой выделялось две новых провинции – Ассам и Бихар¹²³. В отличие от раздела Бенгалии на индусскую и мусульманскую части, это решение не встретило оппозиции со стороны индийского общества.

В январе-феврале 1912 г., вскоре после окончания дарбара, начался переезд административного аппарата из Калькутты в Дели. Параллельно шёл

¹²² Chandra J. P. *Delhi: a political study*, p. 29.

¹²³ Announcement of King George V at the Imperial Durbar, 12 December 1911// Ed. Mushirul Hasan/Dinyar Patel. *From Ghalib's Dilli to Lutyens' New Delhi: a documentary record*. New Delhi, 2014, p. 7.

процесс создания отдельного аппарата для британского губернаторства в Бенгалии, ранее управлявшегося непосредственно из центра. 27 марта 1912 г. произошёл официальный перенос в Дели резиденции вице-короля¹²⁴. Непосредственно после переноса резиденции, Хардинг отправился в поездку по близлежащим княжествам, посетив Удайпур, Джайпур, Биканер и Бхопал¹²⁵. Во многом, смена столицы обозначала и перемены во внутренней политике британской администрации, которая после событий 1905 г. решила делать ставку не на европеизированную элиту крупных городов, а на князей.

Первым вопросом, который безотлагательно требовалось решить британской администрации в Дели, была проблема размещения в городе огромной массы прибывающих из Калькутты служащих и членов их семей. К 1912 г. большая часть жителей ещё проживала внутри средневекового «Старого города». С начала XIX в. к северу от него существовал британский квартал, известный как Civil Lines. В целом, инфраструктура Дели явно не соответствовала уровню столицы Британской Индии.

Реформирование городской жизни началось с выделения Дели и окрестностей из состава Панджаба 1 октября 1912 г. и создания особой административной единицы для столичного региона. Одновременно началось проектирование комплекса зданий для британской администрации в Дели, которым руководил британский архитектор Эдвин Лаченс. Он был автором проектов резиденции вице-короля (1912-1929 гг.), здания Центрального секретариата (1912-1927 гг.), резиденции командующего армией и т. д. Строительство было прервано в период Первой мировой войны, но к началу 1930-ых гг. комплекс зданий «Нового Дели» был завершен. После 1947 г. в нём разместились правительственные учреждения, а резиденция вице-короля стала президентским дворцом.

¹²⁴ Hardinge C. *My Indian Years, 1910-1916: The Reminiscences of Lord Hardinge of Penshurst*. London, 1948, p. 67.

¹²⁵ Hardinge C. *My Indian Years, 1910-1916*, p.75.

Иллюзии о полной безопасности Дели были разрушены 23 декабря 1912 г., когда в центре города было совершено покушение на Хардинга. Бомба, брошенная в церемониальную процессию, убила погонщика слона, на котором ехал вице-король. Покушение спланировал Раш Бехари Бос, один из лидеров бенгальских радикалов, но в его подготовке принимали участие не только бенгальцы, но и уроженцы Дели.

Как уже отмечалось, низкий уровень общественно-политической активности был одним из главных аргументов в пользу переноса столицы. Действительно, на фоне чрезвычайной активности индийских националистов в Калькутте и Бомбее в первые годы XX в., Дели мог показаться аполитичным местом. Несмотря на это, в городе происходили политические процессы, общие для большинства индийских провинциальных центров конца XIX в.

Ещё до основания Индийского национального конгресса в 1885 г. в Дели существовали религиозно-реформаторские организации, действовавшие как среди индусов, так и среди мусульман. Среди индусов действовало общество «Арья самадж»¹²⁶, ставившее целью «очищение» индульской религии и распространение образования среди рядовых индусов. Центром деятельности арьясамаджистов был Бомбей, отделение в Дели возникло лишь в конце 1870-ых гг. Вместе с тем, для мусульманского реформаторского движения, возникшего после 1857 г., Дели стал основным центром. Саид Ахмад Хан, уроженец Дели и лидер данного движения, основал в 1875 г. в Алигархе (город в 140 км. от Дели) Мусульманский Англо-Восточный колледж – первое мусульманское учебное заведение, где изучались светские науки. Многие учреждения, патронируемые Саид Ахмад Ханом, возникли и в самом Дели. Осенью 1884 г. сторонники «алигархского движения» основали «Общество защиты ислама», которое действовало во всех городах северной Индии.

¹²⁶ «Общество ариев» (санскр.)

Деятели из обеих общин принимали участие в деятельности городского самоуправления. В Дели действовал муниципальный совет, жители города, владевшие имуществом стоимостью более 800 рупий, получили в 1884 г. право избирать половину (12 из 24) членов совета¹²⁷. Полномочия совета были ограничены, а выборы носили достаточно формальный характер – выборные места заранее распределялись между богатейшими семьями города. Тем не менее, даже в таком виде городской совет стал местом концентрации умеренной оппозиции британским властям в Дели. Одновременно в городе действовали различные общественные и экономические организации, такие как «Союз налогоплательщиков» или «Панджабская коммерческая палата».

В учредительном съезде Конгресса в 1885 г. делийские представители не принимали участия, но известия о произошедшем событии дошли до города достаточно скоро. В сентябре 1888 г. конгрессистский активист из Бомбея Али Мухаммад Бхимджи предпринял поездку на север, рассказывая о новой партии, и провёл первое собрание сторонников в Дели. Деятельность Бхимджи подверглась жёсткой критике со стороны Саид Ахмад Хана и его сторонников, которые провели митинги против Конгресса и в поддержку британской политики. Тем не менее, в декабре 1888 г. в Дели было проведено организационное собрание местной группы Конгресса, состоявшееся в доме Бабу Кедар Натха, чиновника из Бенгалии¹²⁸. На съезд ИНК в 1889 г. приехала делегация из Дели – интересно, что её возглавил мусульманин – Маулана Абу Мансур.

До 1893 г. на съездах неизменно присутствовали крупные делийские делегации, но затем начался временный спад интереса к деятельности ИНК. В 1894, 1895, 1897, 1898, 1900, 1902 и 1903 гг. – делийцы в сессиях ИНК

¹²⁷ Gupta N. *Delhi between two empires: 1803-1931: society, government and urban growth*. New Delhi, 1981, p. 119.

¹²⁸ Pernau M. *Ashraf into middle classes. Muslims in nineteenth-century Delhi*, p. 391.

участия вообще не принимали¹²⁹. Британская администрация не реагировала на ежегодные резолюции Конгресса с требованиями ограниченных реформ, казалось, что движение зашло в тупик.

Конгрессистское движение в Дели оживилось в 1905 г. – делийцы участвовали в общеиндийской кампании по бойкоту британских товаров. Одним из центров антибританского движения стало главное учебное заведение города – англиканский колледж св. Стефана, основанный в 1881 г. В ходе кампании бойкота преподаватели колледжа Саид Хайдар Раза, Амир Чанд и Рагхбар Даял создали радикальную «Организацию индийских патриотов». Саид Хайдар Раза начал издавать урдуязычную газету «Афтаб»¹³⁰, ставшую органом радикальных националистов. В 1908 г. делийские конгрессисты торжественно принимали Лала Ладжпат Рая, одного из лидеров радикального крыла ИНК.

Интересно, что в начальный период развития националистического движения в Дели доминировали политики-мусульмане. Это объяснялось большой экономической ролью и высоким культурным уровнем мусульманской общины, сохранившимися ещё с могольских времён. Помимо Саид Хайдара Разы, всеиндийскую известность получил Хаким Аджмал Хан, издатель газеты «Акмаль-уль Ашраф». Как и большая часть политиков мусульман той эпохи, Хаким Аджмал Хан происходил из знатной семьи – его дед был придворным врачом при падишахе Шахе Аламе II.

Внутри делийской мусульманской общины шла полемика между сторонниками Конгресса и участниками «алигархского движения». Лидер последних Мавлави Абдул Хак в 1911 г. выступил с идеей введения общинных квот при выборах членов городского совета¹³¹.

¹²⁹ Singh S. *Freedom movement in Delhi (1858-1919)*, p. 101.

¹³⁰ «Солнце» (урду)

¹³¹ *Freedom movement in Delhi (1858-1919)*, p.152.

Как и в других городах Индии, в Дели появились группы, которые не устраивала «умеренная» политика Индийского национального конгресса. В основном проводниками новых идей выступали студенты, вернувшиеся после обучения в Калькутте или в метрополии. В колледже св. Стефана действовала группа, поддерживавшая контакты с бенгальскими террористами. Члены этой группы участвовали в подготовке покушения на вице-короля, после чего делийское радикальное подполье было разгромлено британской полицией. Среди участников покушения, казнённых в мае 1915 г., было три делейца – Амир Чанд, Авадх Бехари и Бхаи Балмукунд¹³².

Естественно, что после 1911 г. различные политические движения в Дели только активизировались. Этому способствовал как новый статус Дели, так многочисленные внутригородские проблемы, связанные с переездом чиновников из Калькутты и масштабными строительными проектами. В 1917 г. представители различных политических сил (как конгрессисты, так и сторонники Мусульманской лиги) создали «Делийскую ассоциацию» добивавшуюся от британских властей введения в Дели полноценного городского самоуправления. Это же требование содержалось в резолюции, принятой в 1918 г. на общеиндийском съезде ИНК.

Отношение деятелей Конгресса и прочих активистов общеиндийских политических сил также радикально изменилось после 1911 г. На рубеже XIX-XX вв. ни один город не мог служить для индийских националистов полноценным объединяющим центром. У Калькутты эту роль оспаривали Бомбей и Мадрас, а все эти три города прочно ассоциировались с колониальной системой. Вместе с тем, на ранних этапах ИНК в принципе не выдвигал требований независимости, поэтому и вопрос о столице мог показаться преждевременным. Дели и другие города внутренних районов страны считались отсталыми как в экономическом, так и в политическом смысле. Характерно, что Конгресс, ежегодно проводивший всеиндийские

¹³² *Freedom movement in Delhi (1858-1919)*, p. 191.

съезды ни разу не проводил их в Дели до того, как вице-король Хардинг не принял решение о переносе столицы.

Однако, уже в 1910-ые-1920-ые гг. начинается переосмысление образа Дели, который теперь и в глазах индийских националистов превращается в исторический центр страны. С этой точки зрения будущее национальное государство, которое должно быть создано после ухода колонизаторов, воспринималось преемником Могольской империи и Делийского султаната. Восстание 1857 г., формальным центром которого был Дели, начинает восприниматься как «первая война за независимость».

Важное значение Дели приобрел не только для общеиндийского национального движения, но и для мусульманского движения, приведшего в итоге к созданию Пакистана. Для мусульман, независимо от действий британских властей, Дели всегда оставался важнейшим городом и центром мусульманской государственности в Южной Азии. Чаудхури Рахмат Али, один из идеологов «пакистанского проекта» и автор самого названия «Пакистан» считал, что именно Дели будет столицей будущего государства, войдя в него вместе со всеми панджабскими землями. До раздела Британской Индии в 1947 г. Дели был одним из главных центров как мусульманской политической активности, так и культурной жизни общины. В 1920 г. в Дели был основан «Мусульманский национальный университет», который ведёт свою деятельность и сейчас.

Роль мусульман в городской жизни Дели вызывала озабоченность со стороны политиков, выступавших от имени индульской общины. В концепциях идеологов индульского национализма (прежде всего, В. Д. Саваркара) Дели предстаёт как древний индульский город, попавший под власть мусульман, что символизировало утрату независимости страны. Акцентировалось внимание на том, что в древности на месте Дели находилась Индрапрастха - город, упоминающийся в Махабхарате и по преданию основанный Пандавами на берегах реки Ямуны. Подчёркивалось

то обстоятельство, что Дели является прямым продолжением Индрапрастхи и святым городом для всех индусов. Среди исторических деятелей, связанных с Дели, особое влияние уделяется Притхвираджу III Чаухану – последнему индусскому правителю города, который в конце XII в. упорно противостоял мусульманским войскам Мухаммеда Гури.

В начале 1920-ых гг. Дели становится основной ареной общеиндийских политических процессов, в том числе, кампаний гражданского неповиновения. Среди мусульманской общины в то же время набирало силу халифатистское движения – кампания в защиту прав турецкого султана и за пересмотр условий Севрского мирного договора. В Дели, основном центре этого движения, действовали братья Мухаммед и Шаукат Али, сотрудничавшие с Конгрессом. В 1932 г. в Дели вновь прошёл всеиндийский съезд ИНК, состоявшийся несмотря на полицейский запрет и арест председателя М. М. Малавии.¹³³ Вместе с тем, в городе продолжала усугубляться межконфессиональная напряжённость, впоследствии вылившаяся в межконфессиональные столкновения в период раздела Британской Индии и отъезд большей части делийских мусульман в Пакистан.

Решение британской администрации, принятое в конце 1911 г., не оказало существенного влияния на развитие колониальной системы в Индии. Вместе с тем, перемещение столицы оказало большое влияние именно на судьбы национально-освободительного движения. Дели к концу колониального периода признавали центром все политические силы, даже настроенные на вооружённую борьбу с британцами. Даже прояпонская «Индийская национальная армия» Субхас Чандра Боса, воевавшая против англичан в 1942-1945 гг. помещала на своих плакатах изображение Красного форта и лозунг «Вперёд, на Дели!». В результате, в 1947 г. Дели стал безальтернативным центром независимой Индии.

¹³³ Chaudhuri B. *Nationalist movement in Delhi 1911-1932*, p. 125.

События 1911 г. сказались не только на политическом развитии Индии. К примеру, перенос столицы в Дели, являвшийся центром хиндиязычного ареала, во многом предопределил статус хинди как официального языка будущего независимого государства. Статус же бенгали, к началу XX в. имевшего наиболее развитые литературу и прессу, был существенно ослаблен.

Влияние решений, принятых британскими правящими кругами относительно административно-территориально деления Индии, ощущаются до сих пор. Проблемы же, касающиеся особого статуса Дели и его отношений с другими регионами страны, возникли в 1911 г., но продолжают быть актуальными и сейчас, влияя на текущую политическую жизнь Индии.

1.2. Развитие органов управления столицей после 1947 г.

Местное самоуправление

На фоне делийского правительства и центральных органов власти, органы местного самоуправления могут показаться второстепенными. Между тем, делийские муниципалитеты важны по нескольким причинам. Во-первых, они имеют гораздо более долгую традицию существования, чем делийское правительство и законодательная ассамблея. Делийские муниципалитеты в разных видах существуют уже более 150 лет. В течение многих десятилетий муниципалитеты были вообще единственным выборным органом власти в столице. Наконец, муниципалитеты до сих пор сохраняют влияние в нескольких важных сферах городской жизни, действуя параллельно городскому правительству.

Появление городского самоуправления современного типа в Дели произошло вскоре после подавления Сипайского восстания. В декабре 1862 г. на Дели распространён «Акт о городском благоустройстве» 1850 г.,

согласно которому учреждался муниципалитет¹³⁴. К сфере деятельности городской власти относились школы, медицина, поддержание чистоты на улицах, организация приютов для коров. Делийский муниципальный комитет возглавлялся заместителем Главного комиссара, главы городской исполнительной власти.

Власть Муниципального комитета распространялась только на город, подчинявшиеся Дели сельские районы управлялись Делийским окружным советом, который был создан в 1884 г., в соответствии с «Актом об окружных советах Панджаба». Этот орган имел сходные с муниципальным комитетом полномочия.

В неизменном виде эта система существовала до обретения Дели столичного статуса в 1911 г. К этому времени, в связи с быстрым ростом населения, город вышел за пределы Шахджаханабада. Кроме того, создавались новые правительственные кварталы, где изначально была учреждена собственная система внутреннего управления, независимая от старого муниципалитета. В связи с этим, начинают появляться новые муниципальные советы в Сивил Лайнз (1912), Шахдаре (1916), Нареле (1919) и т. д.¹³⁵ В 1927 г. был создан отдельный муниципалитет в Нью-Дели.

К 1947 г. на территории Дели располагалось девять независимых муниципалитетов – Делийский муниципальный комитет, Шахдара, Нарела, Мехраули, Наджафгарх, Нью-Дели, Сивил Лайнз, Дели Форт и Дели Кантонмент. Вскоре после получения независимости, в городе появилось ещё два новых муниципалитета – Западный Дели и Южный Дели. Кроме того, в сельских районах продолжал действовать окружной совет.

Делийский муниципальный комитет продолжал оставаться самым крупным органом местного самоуправления. После многочисленных реформ,

¹³⁴ Ed. Chopra, P. *Gazetteer of India: Delhi*, p. 714.

¹³⁵ *10 local bodies made up MCD in 1958*. Hindustan Times: e-paper. 2012. URL: <https://www.hindustantimes.com/delhi-news/10-local-bodies-made-up-mcd-in-1958/story-Et5Byx1KYB0GYUs2mREvzI.html> (accessed 23.06.2018)

к 1947 г. в него входило 43 депутата. 28 из них избирались от 14 округов (по одному индусу и одному мусульманину), 6 – от различных коммерческих и промышленных объединений, 9 – назначались правительством¹³⁶. После независимости была проведена реформа избирательного процесса, отменены конфессиональные квоты и имущественный ценз и введены специальные квоты для неприкасаемых.

Схожая ситуация наблюдалась и в ряде других муниципалитетов - Шахдаре, Нареле, Мехраули, Наджафгархе – крупных пригородах Дели. Этим муниципалитеты также были полностью или частично выборными. С другой стороны, муниципалитеты Нью-Дели, Сивил Лайнз, Дели Кантонмент, Дели Форт, Западный Дели и Южный Дели состояли из назначаемых правительственными чиновников.

К 1951 г. абсолютное большинство населения ещё проживало в границах старого Делийского муниципального комитета. Тем не менее, с ростом пригородов ситуация начала быстро меняться.

Табл. 1: Население делийских муниципалитетов в 1951 г.¹³⁷

Делийский МК	914 790
Нью-Дели	276 314
Сивил Лайнз	83 273
Западный Дели	58 862
Дели	40 950
Кантонмент	
Шахдара	30 802
Дели Форт	10 022
Нарела	9 597
Мехраули	7 436
Наджафгарх	5 088

¹³⁶ Chopra, P. *Gazetteer of India: Delhi*, p. 716.

¹³⁷ *Gazetteer of India: Delhi*, p. 770.

Ещё с колониальных времён сохранилось подчинённое положение муниципалитетов по отношению к власти Главного комиссара. Им должны были утверждаться все акты муниципальных органов. У всех муниципалитетов был примерно одинаковый круг обязанностей. Их бюджет наполняли земельный и транспортный налоги, налог на недвижимость и плата за воду. Между округами не была проведена чёткая граница, муниципалитеты постоянно вмешивались в зону ответственности друг друга. Ситуация с несколькими муниципалитетами была аномальна, особенно на фоне того, что в Бомбее и Калькутте с конца XIX века действовали единые муниципальные корпорации. Реформировать систему городского управления в Дели ещё в 1938 г. предлагал Асаф Али, один из лидеров ИНК в городе. Тем не менее, реформа по бомбейскому образцу была проведена только в 1957 г.

Помимо ликвидации очевидных недостатков городского управления, муниципальная реформа была связана и с недавним «Актом о реорганизации штатов» по которому Дели лишился собственного правительства и законодательной ассамблеи, что вызвало недовольство населения столицы. Во многом, в качестве компенсации нужно было учредить в городе какой-либо единый выборный орган, которым и стала Делийская муниципальная корпорация (ДМК).

Акт о Делийской муниципальной корпорации 1957 г. объединял Делийский муниципальный комитет, окружной совет и все остальные муниципалитеты, кроме Дели Кантонмент и части Нью-Дели. Территория новой муниципальной корпорации- практически совпадала с границами союзной территории Дели.

Принципы работы нового органа фактически копировали устройство Бомбейской муниципальной корпорации. В состав ДМК входили 80 (с 1967 г. – 100) депутатов, представлявших одномандатные округа. Из своей среды

депутаты ДМК должны были избирать мэра и вице-мэра – первым мэром в 1958 г. стала Аруна Асаф Али.

За ДМК был сохранён прежний круг полномочий старых муниципалитетов – корпорация контролировала городские начальные школы и учреждения бесплатного здравоохранения, регистрировала рождения и браки, обеспечивала работу водопровода, уличного освещения и уборку мусора. Кроме того, ДМК контролировала часть налоговых поступлений. Тем не менее, корпорация не была самостоятельна в политических вопросах. В том случае, если ДМК вступала в противостояние с центральными властями, это обычно заканчивалось её роспуском – например, в 1980 и 1990 гг.¹³⁸. Политический расклад на выборах в ДМК соответствовал электоральным предпочтениям жителей Дели на выборах в Лок Сабху – в 1960-1970-ые гг. шло противостояние ИНК и БДС. Кроме того, до конца 1970-ых гг. было заметно влияние КПИ.

Кроме ДМК, в Дели продолжили существовать ещё два независимых муниципальных органа. Прежде всего, это Муниципальный совет Нью-Дели, контролирующей территорию с населением 257 тыс. человек (на 2011 г.), на которой располагаются федеральные органы власти. Выборы в муниципальный совет не проводятся. Часть членов совета назначается непосредственно центральным правительством, часть – центральным правительством по согласованию с правительством Дели (с 1993 г.). Членами совета также являются депутаты законодательной ассамблеи от Нью-Дели и глава делейского правительства.

Вторым независимым муниципальным органом является Дели Кантонмент, население которого насчитывает 110 тыс. человек. Являясь местом пребывания военных учреждений ещё с британских времён, он не был упразднён в ходе реформы 1957 г. Эта территория управляется в

¹³⁸ Singh, U. B. *Revitalised Urban Administration in India: Strategies and Experiences*. Delhi, 2002, p. 101.

соответствии с «Актом о кантонментах» 1924 г. Муниципальный совет включает 7 выборных представителей от невоенного населения и 7 назначаемых офицеров.

Дели Кантонмент и Муниципальный совет Нью-Дели контролируют крайне небольшую часть территории и населения столицы по сравнению с ДМК. После возрождения в 1993 г. делийского правительства ДМК во многом стало дублировать его функции. ДМК сохранил свои традиционные сферы, но контроль над частью важных систем жизнеобеспечения отошёл к городскому правительству, а ряд органов, например, полиция и Агентство по развитию Дели, осуществляющее городское планирование, продолжают оставаться в непосредственном подчинении центрального правительства и профильных министерств¹³⁹. Стремление установить единоначалие во многом определяет политику делийского правительства в начале XXI века.

Частично проблема дублирования функций делийского правительства и ДМК была решена после упразднения последней в 2012 г. и создания трёх отдельных муниципальных корпораций для Северного, Восточного и Южного Дели. Более всего эта реформа была выгодна именно последнему муниципалитету – новая Муниципальная корпорация Южного Дели представляет наиболее богатые части города и контролирует большую часть налоговых поступлений.

Законодательная ассамблея и правительство

Столичный статус Дели оказал влияние и на положение города в административной системе Британской Индии после 1912 г. Дели стал территорией, непосредственно управляемой из центра. Исполнительную власть в городе возглавлял главный комиссар, назначаемый вице-королём. Помимо округа Дели, в Британской Индии существовало ещё несколько подобных территорий - Белуджистан, Аджмер, Андаманские и Никобарские

¹³⁹ Singh, U. B. *Revitalised Urban Administration in India: Strategies and Experiences*, p. 104.

острова, Пантх-Пиплода и Кург. В отличие от Бомбейского, Бенгальского или Мадрасского президентств, а позднее и Панджаба, на этих территориях не существовало законодательных советов. После принятия в 1935 г. Акта об управлении Индией и расширения полномочий законодательных советов, изменений в положении Дели не произошло. Дели не был представлен в Панджабском законодательном совете, вместе с тем, в городе не был создан и собственный законодательный совет. В провинциальных выборах 1937 и 1946 гг. жители Дели участия не принимали.

Таким образом, к августу 1947 г. Дели был одним из пяти индийских регионов (вместе с Андаманскими островами, Аджмером, Кургом и Пантх-Пиплодой), управлявшихся непосредственно из центра. В связи с резким ростом населения после 1947 г., активизацией политической жизни и переносом в город правительственных учреждений, возникла потребность в реформировании системы городского управления.

Одна из главных сложностей административных преобразований в независимой Индии заключалась в неравнозначном статусе бывших британских владений – провинций, бывших княжеств и территорий, непосредственно управляющихся центральной администрацией. Все эти территории в первоначальной версии индийской конституции были поделены на четыре категории.

Девять штатов категории А были созданы из бывших провинций Британской Индии, управлявшихся губернаторами и имевших собственные законодательные собрания. Штаты категории В были созданы из бывших княжеств или княжеских союзов, большая часть из которых тоже имела собственные законодательные или законосовещательные органы к началу 1940-ых гг. Штаты категории С образовались из территорий центрального управления и части небольших княжеств, особенно на северо-востоке страны. К категории D относились только Андаманские и Никобарские острова.

В штатах категории С вводилось президентское правление. При этом парламент мог создать для любой из таких территорий представительский орган – выборный или назначаемый, с законодательными или законосовещательными функциями¹⁴⁰. Также в этих штатах возможно было создание собственного правительства и судебных органов.

В территориях категории D была фактически сохранена британская система управления и никаких собственных законодательных или законосовещательных органов предусмотрено не было. В 1949 г. к категории D относились только Андаманские и Никобарские острова из-за малой численности населения и специфики местных условий.

Учредительное собрание воспользовалось правом и учредило в части территорий С представительские органы. В 1951 г. был принят «Акт об управлении территориями С». В части данных территорий (в Дели, Химачал-Прадеше, Виндхья-Прадеше, Аджмере, Бхопале и Курге – но не в Трипуре и не в Манипуре) были учреждены собственные законодательные ассамблеи¹⁴¹. Учреждалось также и правительство, которое должно было формироваться законодательной ассамблеей. Вместе с тем, полномочия подобных правительств были жёстко ограничены – их основная цель состояла в «содействии главному комиссару в исполнении его полномочий, предоставление рекомендаций по вопросам, находящимся в ведении законодательной ассамблеи»¹⁴². Полномочия делейского правительства были ограничены даже на общем фоне союзных территорий. Из сферы деятельности правительства выведена полиция¹⁴³. Кроме того, к компетенции правительства в принципе выведены все вопросы, касающиеся территории Нью-Дели.

¹⁴⁰ The Gazette of India. Extraordinary, Nov. 26, 1949, p. 112.

¹⁴¹ *The Government of Part C States Act*, 1951, § 2.2.

¹⁴² *The Government of Part C States Act*, 1951, § 35.1.

¹⁴³ Chandra, J. P. *Delhi: a political study*, p.45.

В марте 1952 г. были проведены первые выборы в делийскую законодательную ассамблею и сформировано правительство, находившееся под контролем ИНК. Первым главой правительства стал Брахм Пракаш, вторым (с февраля 1955 г.) – Гурмух Нихал Сингх. Делийская законодательная ассамблея и делийское правительство просуществовали до ноября 1956 года, после чего были упразднены в соответствии с Актом о реорганизации штатов.

Акт о реорганизации штатов был принят в 1956 г. по итогам деятельности Комиссии по реорганизации штатов, работавшей с 1953 г. Основная цель реформы состояла в создании штатов на языковой основе и отходе от административного деления колониальных времён. В 1956 г. помимо новых 14 штатов было образовано 6 союзных территорий – Андаманские и Никобарские острова, Дели, Пондишерри, Химачал-Прадеш, Лакшадвип и Трипура. В основном, союзными территориями стали бывшие территории С и D, а также территория Французской Индии, совсем недавно включённая в состав страны. Согласно Акту 1956 г., союзные территории не имели собственных правительств и законодательных органов.

Дели стал единственным регионом, в котором законодательная ассамблея упразднялась за всю историю Индии. Существовало несколько причин этого шага и отнесения Дели к союзным территориям, а не к штатам. Во-первых, предоставление Дели статуса штата противоречило заявленному принципу создания штатов на языковой основе. Из-за этого происходило объединение земель бывших княжеств с бывшими британскими провинциями. Большинство территорий центрального подчинения также вошло в состав крупных штатов. Аджмер был включён в состав Раджастхана, Кург – в состав Майсура, Пантх-Пиплода – в состав Мадхья-Прадеш. Дели не был включён в состав соседних Панджаба или Уттар-Прадеша, так как столица не могла быть расположена на территории одного из крупнейших штатов. Вместе с тем, предоставление прав штата отдельному городу

противоречит языковому принципу, на котором основывалась реформа 1956 г.

Во-вторых, Дели был местом пребывания центрального правительства, парламента и прочих важнейших государственных органов. В связи с этим, правительство желало полностью контролировать политическую жизнь в настолько важном регионе. Особенностью политической ситуации в Дели были крайне сильные позиции оппозиционных сил – в данном случае, индусских националистов из Бхаратия джана сангх. Существовала достаточно высокая вероятность формирования в столице контролируемого БДС правительства, что было бы крайне нежелательно для центральных властей.

Роспуск законодательной ассамблеи вызвал недовольство среди всех политических сил в Дели – от коммунистов до индусских националистов из БДС и Хинду махасабхи. Недовольство существовало и среди руководителей делейского отделения ИНК, называвших 1956 г. началом «правления бюрократов»¹⁴⁴. Кроме того, в нескольких союзных территориях (в Химачал-Прадеше, Манипуре и Трипуре) были вскоре восстановлены хотя бы законосовещательные органы, но к Дели это не относилось¹⁴⁵. В городе фактически восстановилась система управления, существовавшая до 1947 г., во главе с главным комиссаром, представлявшим центральную власть. При главном комиссаре был создан консультативный совет, состоявший из представителей муниципальных корпораций, МВД, Делейского университета и депутатов парламента от Дели. Тем не менее – чёткого статуса этот совет не имел.

В 1956-1966 гг. какое-либо самоуправление в Дели существовало только на уровне муниципальных корпораций. Сложилась невыгодная ситуация для всех действовавших в городе политических сил. Видные

¹⁴⁴ Chandra, J. P. *Delhi: a political study*, p.55.

¹⁴⁵ *Territorial councils Act 1956*, § 2.9.

представители ИНК в Дели – Брахм Пракаш, Мехр Чанд Кханна, Джаг Парвеш Чандра – вели переговоры с правительством, лоббируя воссоздание ассамблеи. В результате переговоров начал свою деятельность «Правительственный комитет по расширению полномочий местного самоуправления в союзных территориях» во главе с министром юстиции Ашоком Сеном. Во время деятельности этого комитета в декабре 1961 г. в состав Индии были включены бывшие португальские владения в качестве союзной территории Гоа, Даман и Диу. Сложная внешнеполитическая ситуация в связи с присоединением Гоа диктовала необходимость предоставить союзным территориям максимальную степень самоуправления. В итоге, комиссия Сена рекомендовала восстановить в союзных территориях законодательные ассамблеи.

В 1963 г. был принят «Акт об управлении союзными территориями», а в 1966 г. – «Акт об управлении Дели», содержащий компромиссное решение по вопросу о самоуправлении в столице. Законодательная ассамблея восстановлена не была, вместо этого был создан городской совет. Выборы в него проходили в 56 одномандатных округах, по тому же принципу, что и в законодательную ассамблею¹⁴⁶. Тем не менее, городской совет был законосовещательным органом. По сравнению с законодательной ассамблеей, у городского совета были ещё более урезаны полномочия, а главное, у него не было полномочий формировать правительство. Исполнительная власть осталась в руках Главного комиссара (с 1966 г. – лейтенант-губернатора).

Ряд шагов, расширявших делейское самоуправление, был предпринят и в судебной сфере. Изначально Дели подчинялся Высокому суду Панджаба в Лахоре, который после 1947 г. был преобразован в Высокий суд Восточного Панджаба, базировавшийся в Шимле. В 1966 г. был принят Акт о Высоком Суде Дели и учрежден отдельный суд для столицы, в юрисдикции которого

¹⁴⁶ Seth, K. N., Malhotra, C. G. *Delhi Metropolitan Council: A Study, 1966-1989*, p. 8.

до 1970 г. находился и Химачал-Прадеш. До настоящего времени собственный Высокий суд существует не во всех штатах (сейчас его нет в Гоа, Нагаленде и Аруначал-Прадеше). Это ещё раз подчёркивает промежуточный статус Дели между союзной территорией и штатом.

Половинчатость решений 1966 г. и ограниченность полномочий Городского совета критиковались как политическими партиями, так и представителями городских общественных организаций. Городской совет стал требовать себе дополнительных полномочий, особенно после того, как на первых выборах 1967 г. победил БДС. В период нахождения у власти правительства Джаната партии (1977-1979 гг.) была предпринята попытка расширить полномочия местных властей. В 1978 г. в парламент на рассмотрение внесена поправка к Акту об управлении союзными территориями – предлагалось создать в Дели структуры исполнительной власти по образцу Гоа и Пондишерри, где, несмотря на статус союзной территории, правительство, ответственное перед законодательной ассамблеей, действовало с 1963 г. Тем не менее, из-за общей неэффективности правительства Джаната партии, поправки так и не были рассмотрены¹⁴⁷. Требования о расширении полномочий делийских властей звучали и после возвращения во власть конгрессистского правительства. В 1983 г. начала действовать правительственная комиссия под председательством Ранджит Сингха Саркарии, созданная для изучения распределения полномочий между центром и регионами. В своём отчёте комиссия коснулась и положения в союзных территориях, рекомендуя создать полноценные законодательные собрания и ответственные правительства там, где их ещё не было¹⁴⁸.

Рекомендации комиссии Саркарии дали толчок к реформированию политической системы в Дели. Реформы назрели и в связи со стремительным ростом населения в столице – к 1991 г. в Дели жило почти в пять раз больше

¹⁴⁷ Seth, K. N., Malhotra, C. G. *Delhi Metropolitan Council: A Study, 1966-1989*, p. 22.

¹⁴⁸ *Report of the Sarkaria Comission* § 20.2.17.

человек, чем в остальных союзных территориях вместе взятых. Гоа, самая крупная из бывших союзных территорий, получил права штата в 1987 г., что могло служить необходимым прецедентом и для Дели.

Статус Национальной столичной территории после реформы 1991 г. определялся двумя документами – правительственным «Актом об управлении Национальной столичной территорией» и 69-ой поправкой к индийской конституции. Эти документы предполагали воссоздание законодательного собрания и ответственного перед законодательным органом делийского правительства. Вместе с тем, они содержали ряд важных ограничений полномочий создаваемой законодательного собрания – например, законодательный орган не мог вводить новые налоги и сборы иначе как по представлению лейтенант-губернатора¹⁴⁹. Также под контролем лейтенант-губернатора оставалась городская полиция. Равным образом правительству остались неподконтрольными и муниципальные корпорации. Таким образом, положение Национальной столичной территории осталось промежуточным между полноправными штатами и союзными территориями – последние (кроме Пондичерри) не имели законодательных органов.

Вопрос о полномочиях делийской власти не был решён окончательно в 1991 г. Ряд политических сил продолжил лоббировать предоставление Дели статуса полноправного штата. Прежде всего, это были индуские националисты - БДС и БДП выступали за права штата для Дели с 1950-ых гг., БДП на волне борьбы за изменение статуса столицы победила на выборах 1993 г. Победа на этих выборах вылилась в противостояние с общенациональным правительством, в это время находившимся под контролем ИНК. Любопытно, что впоследствии БДП попала в прямо противоположную ситуацию, когда с 2015 г. началось противостояние контролируемого партией общенационального правительства и оппозиционного делийского кабинета ААП.

¹⁴⁹ *The Government of National Capital Territory of Delhi Act, 1991*, §. 22 (1) A.

После прихода к власти правительства Национально-демократического альянса в 1998 г. разработка «Закона о реорганизации Дели» началась на парламентском уровне. Предлагалось предоставить Дели права штата, передать делийскому правительству контроль над полицией и муниципальными корпорациями, исключая территорию Нью-Дели. Тем не менее, разработка закона не продвинулась далеко. Победа на выборах в Дели ИНК и формирование кабинета Ш. Дикшит сделали потенциальное предоставление Дели прав штата крайне невыгодным для правительства А. Б. Ваджпай.

Новая кампания за изменение статуса столицы началась в 2003 г. и отражала надежды БДП на победу на городских выборах. В это время Л. К. Адвани внёс в Лок сабху законопроект о статусе штата для Дели. Частью избирательной кампании было лоббирование принятия поправок в конституцию. После проигрыша БДП выборов в Дели в декабре 2003 г. вопрос вновь утратил актуальность.

Тем не менее, в годы нахождения у власти на общенациональном уровне правительства Манмохана Сингха в 2004-2014 гг., БДП регулярно пыталась поднять вопрос о реформе управления Дели. Предвыборный манифест БДП в 2013 г. вновь содержит требование о создании штата¹⁵⁰. В течение этого периода ИНК и Ш. Дикшит не высказывались по поводу реформы системы управления. Требование прав штата для Дели появились в программе ИНК только после поражения на выборах в 2013 г. от ААП.

Вопрос о статусе штата был ключевым в ранней риторике ААП. После победы на выборах в 2015 г. правительство А. Кеджривала опубликовало проект закона о статусе Дели¹⁵¹, фактически повторяющий предложение Л. К. Адвани. Однако на деле ААП не имела возможности как-либо повлиять на

¹⁵⁰ *Bharatiya Janata Party Delhi Pradesh Manifesto for the Delhi Vidhan Sabha Elections 2013*, p. 6.

¹⁵¹ *Draft Bill on Delhi statehood released*. The Hindu: e-paper. 2016. URL: <https://www.thehindu.com/news/cities/Delhi/draft-bill-on-delhi-statehood-released/article8617569.ece>

ситуацию, так как не располагала сколько-нибудь значимым количеством депутатов в Лок сабхе, а БДП резко изменила свою позицию по поводу статуса Дели после прихода к власти на общенациональном уровне.

В итоге ААП отказалась от активного лоббирования вопроса о статусе Дели, сосредоточившись на расширении полномочий правительства и урезании прав лейтенант-губернатора. Решение Верховного суда от 4 июля 2018 г. подтвердило приоритет решений правительства по всем вопросам, не касающимся поддержания общественного порядка и перераспределения земли в столице.

Скорее всего, разделение полномочий между лейтенант-губернатором, правительством и муниципальными корпорациями сохранится и в дальнейшем. Практически все политические силы, действовавшие в Дели с 1947 г., так или иначе использовали лозунг о «штате Дели» для привлечения голосов избирателей. Однако руководство общенациональных партий прекрасно осознаёт, что при нахождении у власти на общенациональном уровне им крайне невыгодно противостояние с полноправным оппозиционным делийским правительством. ААП, региональная делийская политическая сила, даже теоретически не имеет шанса добиться предоставления Дели статуса штата.

В общем и целом, значение вопроса о статусе штата для Дели сильно переоценивается в ходе политических дискуссий в столице. Одновременно происходит политическая борьба на уровне муниципальных корпораций, законодательного собрания и аппарата лейтенант-губернатора. На всех этих уровнях выстраиваются сложные взаимоотношения между этническими, кастовыми, религиозными и социальными группами.

Глава II. Городские сообщества: процессы социальной стратификации и формирование этноконфессиональной структуры населения столицы

2.1. Демографическое развитие Дели в XX в.:

Изучая политическую роль Дели во второй половине XX в., следует иметь в виду, что огромную роль для данной проблемы сыграло изменение демографической ситуации. С 1941 г. по 2011 г. население Дели выросло более чем в 18 раз. Речь идёт только о населении Национальной столичной территории, без учёта городов-спутников (Фаридабад, Газиабад, Нойда, Гургаон и т. д.). Делийская агломерация же к 2018 г. является третьей по размеру в мире, после Токио-Йокогамы и Большой Джакарты¹⁵². Численность населения Делийской агломерации составляет 27,2 млн. человек. При этом, уровень рождаемости в Дели всегда был существенно ниже среднеиндийского - в 1991 г. он составлял 2,1 ребёнка на женщину (3,8 в Индии), в 2016 г. – 1,7 (2,2 в Индии)¹⁵³.

Тем не менее, население в Дели растёт не только существенно быстрее, чем в соседних штатах, но и быстрее, чем в остальных индийских мегаполисах – Мумбаи, Колкате и т. д. Причина кроется в высочайшем уровне эмиграции, сохраняющимся на всём протяжении второй половины XX – начале XXI в. На протяжении всего периода после 1947 г., постоянно изменялся этногеографический состав миграции. Понимание особенностей идентификации мигрантов в Дели является ключевым моментом для анализа процессов, происходящих в столице сегодня.

Табл. 2: Рост населения крупнейших городов Индии в 1941-2011 гг.

	1941- 1951	1951- 1961	1961- 1971	1971- 1981	1981- 1991	1991- 2001	2001- 2011

¹⁵² Demographia world urban areas: 15th annual edition April 2018 (Built Up Urban Areas or World Agglomerations). URL: <http://www.demographia.com/db-worldua.pdf> (accessed 27.08.2019)

¹⁵³ SRS Statistical Report 2016. Ch.3: Estimates of Fertility Indicators. New Delhi, 2017, p. 48.

Дели	90%	52,4%	52,9%	53,0%	51,4 %	46,3%	21,6%
Мумбаи				38,1%	20,4 %	20,0%	4,7%
Колката					19,9 %	19,0%	7,6%
Ченнаи	82,1 %	22,1%	42,8%	32,3%	17,6 %	13,1%	63,2%*
Бангалур	91,5 %	54,9%	37,0%	76,7%	41,3 %	23,5%	65,2%*
Хайдараба д		3,0%	60,6%	41,%	20,2 %	18,9%	87,2%*
Ахмедабад	32,4 %	45,9%	69,6%	29,0%	31,7 %	36,6%	24,5%

*В 2011 были расширены границы Ченнаи, Хайдарабада и Бангалура.

Быстрый рост населения начался уже в 1910-ые гг., когда в Дели переехал бюрократический аппарат и оживилась экономическая жизнь. В 1911 г. в городе жило 413 тыс. человек, а в 1941 г. – уже 917 тыс. Вместе с тем, с Дели успешно конкурировали и крупные соседние города – экономическая жизнь Панджаба концентрировалась в Лахоре, население которого росло даже более быстрыми темпами. В 1930-ые гг. наблюдался быстрый рост населения Лакхнау, который оттягивал часть миграции из Соединённых провинций. Но коренные изменения в демографии Дели, сделавшие город безусловным центром севера Индии, начались только в 1947 г.

Раздел британских владений и провозглашение независимости Индии и Пакистана спровоцировали невиданную по масштабам миграцию. И лидеры ИНК, и лидеры Мусульманской лиги считали, что религиозные меньшинства смогут остаться в новых государствах, но столкновения между индусами и мусульманами, начавшиеся летом 1947 г., вынудили миллионы людей бежать в «свои» страны. Общее число беженцев насчитывало 14.5 млн. человек.

Количество убитых и умерших от болезней и голода в ходе переселения по разным оценкам составляет от 200 тысяч до 2 миллионов. Наибольший масштаб переселений пришёлся на граничащий с Дели Панджаб. Всего из Западного Пакистана переселилось 4,7 млн. беженцев индусов и сикхов и Дели стал одним из главных центров притяжения потока беженцев.

В августе 1947 г. правительства Индии и Пакистана ещё считали, что можно будет избежать масштабного переселения. Только 5 сентября в Индии была создана «Военная организация по эвакуации», занявшаяся организацией пеших военных конвоев и снабжением беженцев питанием. Последний такой конвой достиг границы в мае 1948 г.

Дели стал главным пунктом, куда прибывали поезда, военные конвои и немногочисленные самолёты, вывозившие состоятельных беженцев из крупных городов. В последние дни августа 1947 г., по оценкам газеты «Хиндустан таймс» в Дели прибывало по четыре тысячи беженцев в день.

К 21 августа 1947 г. в Дели находилось более 120 тысячи беженцев¹⁵⁴. Летом 1948 г. была введена система квот, которая должна была распределять беженцев по провинциям, но фактически эта система никогда не соблюдалась, а квоты для Дели были многократно превышены. В том же 1948 г. городская администрация заявила о невозможности далее принимать ещё больше беженцев и сообщила о грозящей столице продовольственной катастрофе. Беженцев предполагалось размещать в сельских районах Панджаба – тем не менее, рост их числа в Дели не прекратился. Всего за период 1947-1951 гг. из Дели в Пакистан уехало 329 тысяч мусульман и приехало 495 тысяч индусских и сикхских беженцев¹⁵⁵. К 1951 г. беженцы составляли более четверти населения столицы – впоследствии эта доля неуклонно снижалась из-за миграции из других регионов Индии.

¹⁵⁴ HT, 21 August 1947, p. 3.

¹⁵⁵ Kumari, A. *Delhi as Refuge: the Rehabilitation of Partition Refugees, 1947-1956* (Thesis). New Delhi, 2007, p. 52.

На первых порах, меры, предпринимаемые правительством для размещения беженцев, были явно неадекватны масштабам проблемы. Начался самозахват беженцами домов уезжающих мусульман – этот процесс особенно активизировался после мусульманских погромов сентября 1947 г., в которых часть беженцев приняла активное участие. Впоследствии, вопрос о легализации захваченной в 1947 г. мусульманской собственности станет одним из центральных во взаимоотношениях беженцев и городской администрации.

Осенью 1947 г. перед делийскими властями стоял целый ряд неотложных проблем – следовало обеспечивать беженцев питанием и расселять по экстренно создаваемым палаточным лагерям. Из-за скученности людей санитарная ситуация в столице стремительно ухудшалась, возникла реальная угроза эпидемии холеры. В сентябре правительство Джавахарлала Неру создало Министерство по делам реабилитации, которое должно было контролировать помощь беженцам по всей Индии. В декабре 1947 г. в Дели заработало Информационное бюро, где началась регистрация всех прибывших из Пакистана. Беженцев, изначально концентрировавшихся в районе железнодорожного вокзала, крепости Пурана-Кила и храма Лакшминараян, начали пытаться равномерно распределить по разным районам города. Началась публикация списков прибывших, многие семьи смогли воссоединиться. Для преодоления продовольственного кризиса в лагерях беженцев была временно введена карточная система.

Предоставить какое-либо жильё удавалось далеко не всем. Даже к октябрю 1948 г. в палатках жило более 43 тысяч человек, большая часть из них зависела от распределяемого по карточкам продовольствия. В палаточных лагерях находилась наиболее малообеспеченная часть беженцев, не имевшая ни денег, ни родственников. Неудовлетворительность условий в лагерях отмечала Сучита Крипалани, посетившая крупнейший лагерь «Курукшетра» - в её отчёте говорится о том, что на 20 тысяч беженцев

приходилось всего 800 палаток, а большинство обитателей лагеря спали под открытым небом¹⁵⁶.

На фоне тяжелейшего положения беженцев в первые годы после независимости вызывает особое удивление то высокое положение, которое выходцы из пакистанского Панджаба впоследствии заняли в столице. Быстрое восстановление положения беженцев в Дели во многом объясняется той ролью, которую они играли на территориях будущего Пакистана до 1947 г.

Абсолютное большинство оказавшихся в Дели беженцев (470 тыс. из 495 тыс.) происходило из городов¹⁵⁷. Наибольшее их количество перебралось в столицу из Лахора (82 тыс.), Равалпинди (39 тыс.), Мултана (36 тыс.), Гуджранвалы (25 тыс.), Лайялпура (25 тыс.), и Сиялкоты (18 тыс.)¹⁵⁸. В этих городах они важную роль, особенно в экономической сфере. Кроме того, индусы доминировали в образовании, медицине, адвокатуре, журналистике и инженерных профессиях. Если индусы из сельской местности в 1947 г. просто стремились перебраться в восточную часть Панджаба, то горожане стремились обосноваться именно в Дели. Амритсар, единственный достаточно крупный город на территории индийского Панджаба, многими беженцами обходился стороной из-за приграничного положения.

Таким образом, в Дели сконцентрировались индусские элиты Панджаба и Северо-Западной пограничной провинции. Часть семей сумела вывести из Пакистана сбережения, некоторые имели вклады в индийских банках, родственников и торговых партнеров в Дели. Многие беженцы были квалифицированными специалистами, в 1951 г. уровень грамотности среди беженцев (51,8%) выше общегородского (48,2%)¹⁵⁹. 34,5% беженцев занято в бизнесе (всего по городу – 22,7%). Уже к 1951 г. средний месячный доход

¹⁵⁶ Kumari, A. *Delhi as Refuge: the Rehabilitation of Partition Refugees*, p. 72.

¹⁵⁷ Datta V. *Punjab Refugees and the Urban Development of Greater Delhi*, p. 276.

¹⁵⁸ *Punjab Refugees and the Urban Development of Greater Delhi*, p. 296.

¹⁵⁹ *Punjab Refugees and the Urban Development of Greater Delhi*, p. 293

беженца (162.8 рупий) больше, чем доход коренного делийца (156.6 рупий)¹⁶⁰. Большая часть делийской торговли оказалась сконцентрирована на Пахаргандже, Карол Багхе и Конот-Плейс, ставших местами проживания беженцев.

Основание колоний беженцев оказало существенное влияние на развитие города. В 1947 г. большая часть населения Дели проживала внутри старых городских стен. За пределами старого города в основном располагались возведённые британцами правительственные районы – Сивил-Лайнз и Нью-Дели. Обосновавшиеся в Дели панджабцы (составлявшие 10% от общей массы прибывших в Индию беженцев) начали возведение собственных кварталов. Из-за заметных на первых порах этнографических различиях между панджабцами и делийцами, последние предпочитали селиться обособленно. Обычная колония беженцев концентрировалась вокруг индуcского храма (или гурудвары), включала в себя ряд социальных объектов и собственный рынок, который часто приобретал общегородское значение (например, в Пахаргандже или в Карол Багх).

Несмотря на то, что колонии беженцев возникли во всех частях города, в некоторых районах их доля была наиболее высокой. Прежде всего, это были районы вокруг железнодорожного вокзала, где возникли крупные колонии Патель Нагар и Карол Багх. На западе города возникли колонии Тилак Нагар и Раджендра Нагар, на севере, рядом с кампусом Делийского университета – Тимарпур, Азадпур, Мукерджи Нагар и Гудзон Лейн, к югу от гробницы Хумаюна – Малвия Нагар, Ладжпат Нагар и Джангпура. Часть беженцев селилась и за пределами подобных колоний, но большинство проживало совместно с земляками – тем более, что отношения с делийцами не всегда были безоблачными.

Культурные отличия между двумя группами существовали даже на уровне одежды и кулинарии – женщины из Панджаба носили шальвар-камиз,

¹⁶⁰ *Punjab Refugees and the Urban Development of Greater Delhi*, p. 298.

а не сари, что воспринималось делийским населением как мусульманская традиция. Кроме того, выходцев из Панджаба обвиняли в торговле мясом и алкоголем, забое животных и т. д. Кроме того, конфликты возникали и из-за того, что беженцы поселились во многих зданиях общественного пользования. Особо серьёзными были конфликты с местными торговцами, связанные с дележом мест для торговли. И местные, и беженцы неоднократно объявляют харталы, требуя вмешательства правительства в ситуацию.

Вопрос о занятых в первые месяцы после Раздела зданиях (как об имуществе мусульман, так и о городских школах, храмах и кинотеатрах) был ключевым во взаимоотношениях беженцев с городскими властями. Лидеры беженцев требовали легализовать захваты домов уехавших мусульман, разделить между беженцами владения вакфов и добиться от пакистанского правительства выплаты компенсации за оставленное имущество.

В вопросе о мусульманской собственности беженцам удалось добиться успеха. По данным делийского правительства, после Раздела в городе было брошено 25 тыс. жилых помещений, 5,5 тыс. магазинов и лавок и более трёхсот промышленных предприятий. Из этого количества беженцам было безвозмездно передано 15 тыс. жилых помещений, 2,5 тыс. магазинов и 230 предприятий.¹⁶¹ К декабрю 1950 г. две трети обеспеченных жильём беженцев жили в бывших домах мусульман.

Звучали предложения ввести по всей Индии «налог свободы» для компенсации имущественных потерь беженцев¹⁶². В Дели и Панджабе власти действительно выплатили беженцам незначительные компенсации, но решения вопроса видели в достижении соглашения на межгосударственном уровне. Действительно, в апреле 1950 г. Неру и Лиакат Али Хан подписали соглашение о правах меньшинств, которое предусматривало возможность

¹⁶¹ Datta V. *Punjab Refugees and the Urban Development of Greater Delhi*, p. 290

¹⁶² Kumari, A. *Delhi as Refuge: the Rehabilitation of Partition Refugees*, p. 97

возвращения брошенной в ходе раздела собственности. Однако, для этого беженцу надо было вернуться в место своего первоначального проживания до 31 декабря 1950 г.¹⁶³ Для бежавших из Пакистана индусов это практически всегда было невозможно – таким образом, имущество было окончательно потеряно, а соглашение Неру-Лиаката стало ещё одним поводом для конфликта между беженцами и правительством.

Вместе с тем, делийское правительство предпринимало целый ряд мер для интеграции беженцев в городское сообщество. Фирмам, нанимающим на работу беженцев, полагались налоговые льготы, организовывались строительные работы, к которым привлекались безработные, среди женщин-беженек бесплатно распределялись ткацкие станки. По приказу министерства реабилитации, не менее четверти принимаемых на работу в делийских школах учителей должны были составлять беженцы¹⁶⁴. С весны 1948 г. бежавших из Пакистана чиновников начали принимать на работу в органы муниципального управления.

Мероприятия властей объясняются и тем, что с первых недель пребывания в Дели беженцы начали активно и организованно бороться за свои права. Борьбу за экономические интересы осуществляли профсоюзы беженце-чиновников, учителей, адвокатов и железнодорожных работников. Панджабские сикхи и последователи Арья самадж создали в Дели собственные общинные организации. Большую роль играли и землячества – особенно, для выходцев из Синда, которые оказались в Дели в абсолютном меньшинстве среди беженцев – панджабцев. Был создан Всеиндийский комитет беженцев-студентов, концентрировавшийся вокруг выходцев из университета в Лахоре¹⁶⁵. Наконец, 16 октября 1947 г. на митинге на Конот-

¹⁶³ *Agreement between the Government of India and Pakistan regarding security and rights of minorities (Nehru-Liaquat agreement)*, New Delhi, 8 April 1950, § V.

¹⁶⁴ Kumari, A. *Delhi as Refuge: the Rehabilitation of Partition Refugees*, p. 18.

¹⁶⁵ Преподаватели и студенты Панджабского университета в Лахоре восстановили преподавание на индийской территории после 1947 г. Колледжи университета располагались в Солане, Дели и Амритсаре, с 1956 г. он был перенесён в Чандигарх.

Плейс была основана Делийская ассоциация беженцев.

В общем и целом, делийские беженцы крайне эффективно отстаивали свои интересы. Этому способствовало непосредственное соседство с правительственными органами. В конце 1940-ых гг. группы жителей палаточных лагерей постоянно пикетировали дома министров, в том числе, резиденцию премьер-министра. Позднее Неру вспоминал, что ни одной проблеме в первые годы после независимости он не уделял такого внимания, как проблеме беженцев и постоянно находился в контакте с их представителями¹⁶⁶. Особенно очевидны успехи делийских беженцев при сравнении с ситуацией в Западной Бенгалии, где беженцам не удалось добиться ни компенсаций, ни сколько-нибудь серьезной финансовой поддержки местного правительства.

В итоге, выходцы из Пакистана заняли важное положение в Дели, став не только крупной общиной, но и завоевав лидирующее положение в экономической жизни. В Дели обосновалось чуть более 10% всех беженцев, город стал местом сосредоточения индусско-панджабской культуры. Несмотря на то, что большая часть беженцев и их потомков к концу XX – началу XXI века перешла на хинди, панджаби оказал большое влияние на разговорный вариант языка в Дели.

Несмотря на то, что панджабские беженцы достаточно быстро смогли реабилитироваться после 1947 г., в их среде сохранялось резко отрицательное отношение к правительству и Индийскому национальному конгрессу. Во-первых, ИНК считался ответственным за политику компромиссов с Мусульманской лигой, приведшей к возникновению Пакистана. Во-вторых, крайне негативно оценивались действия государства летом-осенью 1947 г., когда индусские и сикхские меньшинства остались без защиты на территории Пакистана, а приём беженцев в Индии был

¹⁶⁶ Nehru to Chief Ministers, 15 August 1949, in G. Parthasarthy ed., Jawaharlal Nehru, Volume I, p. 437.

организован крайне плохо. Раздражение беженцев вызывала и последующие действия правительства – политика в Кашмире, отсутствие результатов в переговорах с Пакистаном по вопросу о компенсациях. В Дели к этому добавлялось постоянное стремление городской администрации расселить беженцев в сельских районах, в то время, как последние всеми силами стремились в столицу. Противоречиво воспринималась и деятельность Министерства по делам реабилитации – беженцы требовали, чтобы ведомство возглавляли выходцы из их среды¹⁶⁷.

С массовым наплывом беженцев в XX веке столкнулась не только Индия. Можно вспомнить пример Германии, после 1945 г. пережившей наплыв беженцев из областей, вошедших в состав Польши. Аналогичная ситуация возникла в 1920-ых гг. в Греции после обмена населением с Турцией и прибытия в страну большого количества беженцев из Малой Азии. И в Германии, и в Греции государство испытывало сложности в выстраивании взаимоотношений с беженцами, которые обвиняли власти в случившемся и часто поддерживали различные радикальные силы, как ультраправого, так и ультралевого толка. Казалось бы, для нашей ситуации гораздо более близким примером является Пакистан, куда после 1947 г. прибыло более 7 миллионов беженцев-мусульман (мухаджиров). Схожая с Дели ситуация сложилась в Карачи – крупнейшем городе Пакистана, первой столице и основном месте концентрации беженцев, которые в итоге стали составлять в городе большинство населения. Коренное различие состоит в роли беженцев в управлении двумя странами. Мухаджиры, несмотря на свою относительно малую долю в населении Пакистана, заняли доминирующие позиции в политике, армии и экономике. Достаточно вспомнить, что и Мухаммед Али Джинна и Лиакат Али Хан были именно мухаджирами. Фактически, летом-осенью 1947 г. основа будущего пакистанского

¹⁶⁷ В публицистике конца 1940-1950-ых гг. лидеры беженцев и политики из «индусского лагеря» предпочитали использовать термин *пурушартхи* («мужественные» на хинди) для обозначения выходцев из Пакистана.

государственного аппарата эвакуировалась из Индии, в том числе и из Дели. Беженцы в Пакистане сами стали властью – в отличие от беженцев в Индии.

Выше уже упоминалось о высоком социальном статусе индусов в Западном Панджабе до 1947 г. Несмотря на достаточно быструю адаптацию беженцев в Дели, восстановить это положение смогли не до конца. В политической сфере серьёзного представительства у беженцев изначально не было, достигнуть положения, сравнимого с положением мухаджиров в Пакистане было невозможно. Таким образом, наиболее реальным способом достижения политического представительства для беженцев была поддержка оппозиционных сил.

Стоит отметить, что антиконгрессистские настроения доминировали не только среди панджабских беженцев, но и среди беженцев из Восточного Пакистана. Однако в Западной Бенгалии изначально была другая политическая ситуация и беженцы-бенгальцы стали базовым электоратом КПИ – партии резко оппозиционной правительству. В районе Дели же влияние КПИ было незначительно, к тому же, среди партийных активистов в городе была высока доля мусульман. Поэтому большая часть беженцев в Дели поддерживала индусских националистов.

Осенью 1947 г. в Дели отмечались неоднократные случаи драк беженцев с активистами ИНК, на митингах звучали лозунги против Конгресса и Ганди¹⁶⁸. 7 декабря 1947 г. состоялась 50-тысячный митинг, на котором выступали лидер РСС Голвалкар, махараджа Алвара, представители ХМС и беженцев. Голвалкар говорил о роли РСС в защите беженцев и подчёркивал «сатанинскую» роль Неру в процессе раздела¹⁶⁹. Беженцы пикетировали дом семьи Бирла, где в последние месяцы жил Ганди. 27 января 1948 г. беженцы-сторонники Арья самадж организовали массовый

¹⁶⁸ Kumari, A. *Delhi as Refuge: the Rehabilitation of Partition Refugees*, p. 139

¹⁶⁹ Jaffrelot, C. *Religion, Caste and Politics in India*, New Delhi, 2010, p.287

антигандистский митинг – Ганди объявлялся главным виновником раздела страны.

Ещё до убийства Ганди, последовавшего через два дня после арьясамаджистского митинга, многие лидеры беженцев понимали бесперспективность радикальной позиции и опасались ответных действий со стороны государства. 9 декабря 1947 г. в Хиндустан таймс появилось письмо «представителей беженцев», призывавших к умеренности, сотрудничеству с правительством и отказу от конфронтации с другими общинами. Делийская полиция до начала 1950-ых гг. вела открытое наблюдение за организациями беженцев, рассматривая их как «антиконституционные силы», которые могут рассматривать планы по свержению правительства. Характерен полицейский отчёт о наблюдении за предвыборной компанией Хинду махасабхи в лагерях беженцев в 1951 г. На митинге 21 июля 1951 г. лидеры беженцев обещали после прихода ХМС к власти организовать судебный процесс над Неру и другими членами правительства. Также звучали призывы к немедленному переименованию «мусульманских» топонимов в Дели¹⁷⁰.

Индуские политические силы были популярны в Западном Панджабе ещё до 1947 г. Политические пристрастия беженцев часто проявляются уже в названиях делийских колоний – они носят имена Лала Ладжпат Рая, одного из основателей Хинду махасабхи, Валлабхаи Пателя, считавшегося главой «проиндуских» сил в ИНК и Шьям Прасада Мукерджи, одного из руководителей ХМС, позднее основавшего новую партию – Бхаратия джана сангх. Именно внутри БДС беженцы проявляли основную политическую активность.

Мукерджи работал с беженцами уже с 1947 г. Под его покровительством в Дели в июле 1950 г. прошла Всеиндийская конференция беженцев. В том числе, на конференции шли переговоры между Мукерджи и

¹⁷⁰ Delhi Archieves, 83/1951 - C Papers regarding public meeting held by Hindu Mahasabha in connection with the ensuring general elections

лидерами беженцев (Балраджем Мадхоком, Бхаи Махавиром, Махаша Кришнаном и т. д.) о союзе в рамках новой партии. Изначально БДС действовал в тесном союзе с РСС и именно в Дели сваямсеваки, вступившие в организацию ещё до 1947 г., сыграли наибольшую роль в политической жизни.

Первым главой организации БДС в Дели стал представитель беженцев - Вайд Гуру Датт, член общества Арья Самадж и бывший преподаватель из Лахора. Его заместителем был В. Р. Оке – один из основателей РСС и выходец из Махараштры. После раскола в руководстве БДС в 1953 г. люди, не связанные с РСС, полностью потеряли власть в организации, а руководство делийской организации перешло к прачаракам-беженцам. Председателем городской организации стал Балрадж Мадхок, выходец из пакистанской части Кашмира, выпускник колледжа Арьясамадж в Лахоре и член РСС с 1938 г. Его заместителем был Кедарнатх Сахни, прачарак из Равалпинди. Затем –руководителем БДС в Дели стал Л. К. Адвани, беженец из Синда и также давний член РСС. Из 5 депутатов от БДС, избранных в городское законодательное собрание в 1952 г. трое представляли беженцев. На муниципальных выборах 1950-ых гг. БДС стабильно получал большинство мест в районах расселения беженцев.

Вместе с тем, часть беженцев всё-таки оставалась лояльна ИНК. До 1947 г. в панджабском ИНК действовало сильное «индусское» крыло. Но основной поддержки Конгресса среди беженцев были выходцы из СЗПП, где индусы-конгрессисты работали вместе с пуштунскими националистами и Абдул Гаффар Ханом. Наиболее ярким политиком-конгрессистом среди делийских беженцев был Мехр Чанд Кханна, бывший министром в правительстве Абдул Джаббар Хана в Пешаваре. Уже в независимом Пакистане Кханна был арестован, затем перебрался в Индию и был министром реабилитации в 1954-1962 гг., будучи первым представителем

беженцев, занявшим этот пост. В 1962 г. он был избран в Лок сабху от Дели, выступая как кандидат от ИНК и победив в своём округе Мадхока.

Несмотря на массовую миграцию панджабцев в Дели во второй половине 1940-ых гг., неверно приписывать последствиям раздела Британской Индии и наплыву беженцев из Пакистана ключевую роль в быстром росте населения столицы. Одновременно с этим процессом началась миграция в столицу жителей хиндиязычного региона – прежде всего, из Уттар-Прадеша и Бихара. Выходцы из последних штатов составляли большую часть мигрантов на всём протяжении второй половины XX в.

Табл. 3: Происхождение делийских мигрантов¹⁷¹

	1971-1980	1981-1991	1991-2001
Бихар	19%	33%	24%
Уттар-Прадеш	22%	24%	14%
Другие хиндиязычные штаты ¹⁷²	17%	17%	15%
Другие штаты Северной Индии	19%	17%	14%

Доля мигрантов из Панджаба на протяжении данного периода неуклонно снижалась, что было обусловлено как улучшением экономического положения в регионе в ходе «зелёной революции», так и ухудшением отношения к выходцам из Панджаба из-за роста сепаратистских настроений в штате. В то же время, Бихар на протяжении всей второй половины XX века оставался одним из наиболее экономически отсталых регионов страны. Даже на 2017 г. Бихар находится на последнем месте по

¹⁷¹ Kumar, S. *Changing Electoral Politics in Delhi From Caste to Class*, p. 18

¹⁷² Хариана, Мадхья-Прадеш, Раджастхан, Чхаттисгарх, Химачал-Прадеш, с 2000 г. – Джаркханд и Уттаракханд

размеру ВВП на душу населения среди индийских штатов (2170\$ при средненациональном показателе в 7174\$). Кроме того, Бихар занимает последнее место и по уровню грамотности (63,8% в 2011 г., средненациональный показатель – 74%). Несмотря на то, что Бихар занимает третье место по населению, только Патна, столица штата, входит в 50 крупнейших городов Индии. Схожая ситуация в экономике и образовании наблюдается в примыкающих к Бихару восточных районах штата Уттар-Прадеш.

Все эти условия объясняют то обстоятельство, что выходцы из Уттар-Прадеша и Бихара массово переезжают в Дели, соглашаясь на самую низкооплачиваемую работу. Вместе с тем, многие приезжают также на учёбу в столичные университеты, оставаясь здесь и после окончания обучения. По некоторым оценкам, к началу XXI в. уроженцы Бихара и Уттар-Прадеша стали составлять абсолютное большинство населения Дели. Они обеспечили рост новых городских районов – прежде всего, на восточном берегу Ямуны.

По сравнению с «коренными делийцами» и особенно с уроженцами Панджаба, выходцы из Бихара и Уттар-Прадеша занимают более низкое экономическое положение. Большая их часть занимается неквалифицированным физическим трудом и мелкой уличной торговлей. Также, среди уроженцев этих штатов особенно высока доля лиц, находящихся в Дели незаконно и не имеющих места постоянного проживания. Например, по данным социологического исследования 2014 г., выходцы из Уттар-Прадеша и Бихара составляли более 70% делийских авторикш¹⁷³.

Табл. 4: Доля специальностей среди делийских общин¹⁷⁴

	Специалист	Специалист	Крупны	Малы	Рабочие	Улична
--	------------	------------	--------	------	---------	--------

¹⁷³ *A unique, informal banking system of rickshaw drivers in cities*. Ideas for India: e-paper. 2014. URL: <https://www.ideasforindia.in/topics/agriculture/a-unique-informal-banking-system-of-rickshaw-drivers-in-cities.html> (accessed 27.08.2019)

¹⁷⁴ Kumar, S. *Changing Electoral Politics in Delhi From Caste to Class*, p. 22

	ы с высшим образование м	ы среднего звена	й и средний бизнес	й бизне с	професси и	я торговл я
Коренные Делийцы (до 1947)	9%	16%	13%	17%	16 %	7 %
Уттар- Прадеш	8%	18%	5%	14%	27 %	9 %
Бихар	6%	14%	3%	10%	34 %	9 %
Южная Индия	30%	24%	6%	4%	10 %	3 %
Восток/ Северо- Восток	21%	20%	4%	9%	22 %	4 %
Пакистан	13%	17%	23%	21%	9%	5 %

Мы видим, что наиболее высокое экономическое положение занимают выходцы из Панджаба, доминирующие в сфере бизнеса. Также высокий социальный статус имеют выходцы из нехиндиязычных регионов, большая часть которых является государственными служащими и высококвалифицированными специалистами. Интересно, что, экономический и образовательный уровень «коренных делийцев» крайне низок по сравнению с панджабскими мигрантами. Возможно, это связано с тем, что среди первой группы высока доля мусульман, статус которых существенно ухудшился после 1947 г.

В связи с массовой миграцией изменилось и кастовое соотношение населения Дели. Стоит отметить, что любые данные о кастовом составе не могут претендовать на абсолютную точность. Переписи, учитывающие одновременно и кастовую, и религиозную принадлежность, проводились в

Дели в британский период - например, это переписи 1911 и 1931 гг. Тем не менее, из-за последовавших затем массовых миграций, мы не можем использовать данные этих переписей для сколько-нибудь объективной оценки кастового состава населения столицы. Переписи, проведённые в независимой Индии, фиксируют численность представителей зарегистрированных каст и племён, но не содержат данных о процентном соотношении остальных кастовых групп. Говоря о кастовом балансе делийского населения в конце XX – начале XXI вв., мы вынуждены опираться на данные социологических исследований – прежде всего, на опросы газеты Hindustan Times и Центра изучения развивающихся сообществ (Centre for the Study of Developing Countries), которые проводятся в ходе каждых региональных и общенациональных выборов в Дели. Эти опросы отличаются наибольшей репрезентативностью (например, в 2003 г. в городе было опрошено 38 тыс. человек во всех избирательных округах¹⁷⁵) – тем не менее, и оценки этих опросов колеблются в пределах 2-3%.

По данным HT-CSDC, брахманы составляют 10-12% населения Дели, панджабские кхатри – 7-9% населения, раджпуты – 5-6%, бания – 7-8%, джаты – 5%, гуджары – 4,5%, зарегистрированные касты – 17% ОВС – 23-29%¹⁷⁶¹⁷⁷. В последнем случае большой разброс в оценках вызван тем, что в списке «прочих отсталых классов» постоянно появляются новые группы. Что касается «зарегистрированных каст и племён», то в этой группе большую часть составляют чамары и ядавы (36,9% от численности зарегистрированных каст), балмики (15,5%) и балаи (6,1%)¹⁷⁸.

Таким образом, данные о кастовом составе населения Дели собираются прежде всего на неофициальном уровне. На этом же уровне обычно

¹⁷⁵ *Nuts and bolts of the HT-CSDS Delhi Survey 2003*. Hindustan Times: e-paper. 2003.
URL: <https://www.hindustantimes.com/india/nuts-and-bolts-of-the-ht-csds-delhi-survey-2003/story-clVck5A3S66OkaPi3FOzpK.html>

¹⁷⁶ Kumar, S. *Changing Electoral Politics in Delhi From Caste to Class*, p. 39

¹⁷⁷ Other Backward Classes – Прочие отсталые классы (англ.). Здесь и далее используется английская аббревиатура.

¹⁷⁸ *Census of India 1961: Delhi district census handbook*. New Delhi, 1964, p. 18

публикуются и оценки поддержки кастами различных политических сил. Традиционно считается, что БДП как в Дели, так и по всей Индии опирается на высококастовые слои населения, а ИНК – на ОВС и зарегистрированные касты. Тем не менее, опросы избирателей в Дели, проводившиеся НТ-CSDC, показывают более сложную картину.

Табл. 5: Поддержка крупнейшими кастовыми группами БДП и ИНК на выборах в законодательную ассамблею в 1993-2003 гг.¹⁷⁹

	1993		1998		2003	
	ИНК 34,5%	БДП 47,8%	ИНК 47,7%	БДП 34,0%	ИНК 48,1%	БДП 35,2%
Брахманы	31	58	43	46	43	47
Кхатри	31	64	40	52	40	53
Раджпут	34	53	43	42	44	45
ы						
Банья	24	66	40	56	35	54
Джаты	21	58	55	35	41	44
Гуджары	26	35	44	29	41	30
ОВС	36	42	51	35	51	34
Далиты	46	25	57	17	54	17

С одной стороны, мы действительно видим, что БДП на всех трёх выборах удавалось получать большинство голосов среди кхатри, банья и брахманов. Кхатри являются выходцами из Панджаба, а банья традиционно играли важнейшую роль в делийской торговле. Мы знаем, что ещё с начала 1950-ых гг. Бхаратия джана сангх опирался на панджабских беженцев и пользовался финансовой поддержкой предпринимателей-индусов. Вместе с тем, среди брахманов сторонники ИНК и БДП распределялись практически поровну.

Далиты стабильно поддерживали ИНК на выборах 1990-ых – начала 2000-ых гг., но вот поддержка всех остальных кастовых групп, в том числе

¹⁷⁹ Kumar, S. *Changing Electoral Politics in Delhi From Caste to Class*, p. 51

ОВС, нестабильна и зависит от текущей политической ситуации. ИНК, БДП, а в последние годы и ААП дежурно обвиняют друг друга в «кастовой политике», но интересно, что партии, открыто выступающие от лица конкретных кастовых групп, не получили в городе популярности.

В примыкающем к Национальной столичной территории штате Уттар-Прадеш действуют Бахуджан самадж партии¹⁸⁰ и Самаджвади партии¹⁸¹. Обе эти политические силы претендуют на представительство далитов и ОВС, лидеры БСП и Самаджвади возглавляли правительство штата. В Бихаре, откуда происходит значительная часть делийского населения, действует схожая по происхождению партия Раштрия джаната дал. В Дели далиты, ОВС и мусульмане составляют более половины населения. Тем не менее, результаты низкокастовых партий на выборах в столице никогда не были высоки.

В 1993 г. БСП сделала попытку выйти за пределы Уттар-Прадеша, мобилизовав низкокастовый электорат в соседних штатах. Партия смогла попасть в законодательное собрание Мадхья-Прадеша, но в Дели, где как раз состоялись первые выборы в восстановленный законодательный орган, получила всего 1,8% голосов. На выборах 1998 г. партия смогла увеличить долю поданных голосов до 3,6%, а в 2003 г. – до 5,7%. Тем не менее, ни одного депутата БСП провести не могла, хотя и выставляла кандидатов во всех избирательных округах – в том числе, в тех, где места были зарезервированы для зарегистрированных каст и племён.

Наибольшего успеха партия добилась в 2008 г., получив 14% голосов и проведя двух депутатов в законодательное собрание. Тем не менее, с появлением и ростом ААП, влияние БСП в Дели фактически сошло на нет. На выборах 2013 г. партия получила 5,35% голосов и не провела ни одного

¹⁸⁰ Партия большинства народа (*хинди*)

¹⁸¹ Социалистическая партия (*хинди*)

кандидата, выставив 69¹⁸². В 2015 г. за БСП проголосовало всего 1,3% избирателей.

Казалось бы, низкокастовые избиратели должны были поддержать на выборах партию, проводившую «далитскую политику». Далиты отстают от остальных кастовых групп как в экономическом, так и в образовательном планах – в 2001 г. уровень грамотности среди делийских далитов составлял всего 57,6%¹⁸³. Тем не менее, большая часть далитов и ОВС в Дели БСП не поддержала, оставшись сторонниками ИНК. Чтобы объяснить подобный феномен нам следует проанализировать выборы в соседнем штате Уттар-Прадеш.

Самаджвади возглавляла правительство штата в 1993 –1995, 2003 – 2007, 2012 –2017 гг., БСП - в 1995, 1997, 2002-2003 и 2007-2012 гг. Можно сказать, что с начала 1990-ых гг. и до выборов 2014 и 2017 гг. «низкокастовые» партии доминировали в политической жизни штата. Тем не менее, в крупных городах штата ситуация была не столь однозначна. На региональных выборах в округе Западный Лакхнау в 1991-2017 гг. 6 раз побеждала БДП, 1 раз ИНК и 1 раз – Самаджвади. В округе Восточный Лакхнау в этот период побеждала исключительно БДП. Такое же положение наблюдалось не только в столице штата, но и в большинстве крупных городов. В Северном Аллахабаде 5 раз побеждала БДП и 2 раза ИНК, в Южном Аллахабаде 5 раз избирался кандидат от БДП, по одному разу – от БСП и Самаджвади¹⁸⁴. В городах «далитские» партии всегда были не слишком популярны. Та же ситуация сложилась и в Дели, где далиты и ОВС были оторваны от деревенской проблематики и происходили из различных

¹⁸² Statistical report on General election, 2013 to the Legislative Assembly of NCT of Delhi, V. I. New Delhi, 2010, p. 10.

¹⁸³ Pai, S. BSP's Prospects in the Assembly Elections // *Economic and Political Weekly*, Vol. 38, No. 30 (Jul. 26 - Aug. 1, 2003), pp. 3135- 3138, p. 3137.

¹⁸⁴ Statistical report on General election, 2012 to the Legislative Assembly of Uttar Pradesh. New Delhi, 2010, p. 15.

районов. В общем и целом, экономические проблемы для жителей Дели важнее кастовой идентичности.

С другой стороны, региональный и кастовый факторы играют определённую роль в современной городской политике, где безусловно доминируют выходцы из Панджаба. Из семи глав делийского правительства четверо были панджабскими уроженцами (Мадан Лал Кхурана, Шейла Дикшит, Сушма Сварадж и Арвинд Кеджривал), а трое родились уже в столице (Чаудхури Брахм Пракаш, Гурмух Нихал Сингх и Сахиб Сингх Верма) – уроженцев Уттар-Прадеша или Бихара на высшем посту в городе не было ни разу. Диспропорция заметна и в законодательном собрании – из 70 депутатов, избранных в 2015 г., только четверо родились в Бихаре, 46 являются уроженцами Дели, 15 – Уттар-Прадеша (в основном, примыкающих к Дели пригородов) и 7 – Харианы¹⁸⁵.

Бихарцы происходят из хиндиязычной области и отсутствие языкового барьера помогло им успешно встроиться в городскую среду (хотя бихарский акцент в Дели очень легко узнаётся). Вместе с тем, у остального населения Дели продолжают сохраняться определённые предубеждения по отношению к мигрантам из соседних хиндиязычных штатов – в первую очередь, бихарцы обвиняются в занятии рабочих мест, которые должны были бы принадлежать «коренным делийцам». Периодически в подобном ключе выступают и некоторые политики. Например, в 2007 г. глава городского правительства Шейла Дикшит объяснила наплывом мигрантов с востока плохое состояние городской инфраструктуры и заявила, что бихарцы выкачивают деньги из Дели. Это заявление спровоцировало протест ряда бихарских политиков и общественных организаций и Дикшит была вынуждена извиниться¹⁸⁶.

¹⁸⁵ Members of th Sixth Assembly URL:

http://delhiassembly.nic.in/aspfile/whos_who/VIthAssembly/listmembers_VIth_AssemblyWsW.htm (accessed 27.08.2019)

¹⁸⁶ *Delhi CM criticises Biharis; uproar in Parliament*. Rediff India Abroad: e-paper. 2012. URL: <https://www.rediff.com/news/2007/may/10ls.htm> (accessed 27.08.2019)

Тем не менее, вопросы отношений между выходцами из различных регионов не являются центральными в делийской политике. Особенно это видно при сравнении с ситуацией в Мумбаи, где под лозунгом защиты «сыновей земли» («*бхумипутра*») от засилья мигрантов возникла и укрепилась партия Шив сена. Аналогичная ситуация наблюдается и во взаимоотношениях между кастами. Дели неоднократно затрагивался общенациональными протестами на кастовой почве (например, протестами против системы резервирования в 1990 г., кампанией джатов за включение их в список ОВС и протестами низкокастовых групп после самоубийства студента-далита Рохита Вемулы в 2016 г.). Тем не менее, поводы для подобных протестов обычно возникают за пределами Дели, в самом городе открытые конфликты на кастовой почве имеют место редко.

При анализе выборов в индийских регионах вопросы кастовой идентичности нередко ставятся на первое место. Нам кажется, что при рассмотрении выборов в Дели эти вопросы имеют меньшее значение, учитывая то, что мы изучаем голосование исключительно городских жителей. Тем не менее, нельзя полностью исключать роль касты и региональной идентичности в изменении политической ситуации в Дели в последние годы.

2.2. Религиозные, этноязыковые и территориальные общины в Дели

*Делийские мусульмане*¹⁸⁷

Дели играет особую роль для мусульман, как в Индии, так и во всей Южной Азии. На первый взгляд, такое положение не вполне понятно – доля мусульман в Дели (12%) меньше чем в двух остальных крупнейших индийских мегаполисах – Мумбаи (20,65%) и Колкате (20,6%). В

¹⁸⁷ Раздел основан на материалах авторской статьи - Спектор И. Б. *Мусульманская община Дели: проблемы политического представительства в независимой Индии*//Ислам в современном мире, том 13, № 4, 2017, с. 123-128.

Хайдарабаде и Лакхнау мусульмане составляют более четверти населения, эти города занимали и занимают важное место в жизни южноазиатских мусульман, но ни один из них не претендует на роль общеиндийского мусульманского центра. Дели же традиционно воспринимался мусульманами как политический центр, задолго до того, как город стал столицей независимой Индии в 1947 г. и даже до того, как в 1911 г. в Дели из Калькутты было перенесено местопребывание колониальной администрации.

В начале XIII века город стал центром Делийского султаната – первого крупного мусульманского государства на территории Южной Азии. В 1526 го. последний делийский султан Ибрахим-шах II Лоди был свергнут Бабуром – основателем империи Великих Моголов. В XVI-XVII вв. могольские правители контролировали большую часть территории современной Индии, но, после смерти падишаха Аурангзеба в 1707 г., начался быстрый процесс распада империи, сопровождавшийся усилением европейского влияния. К концу XVIII века реальная власть Великих Моголов сократилось до окрестностей Дели. К концу правления Шаха Алама II (1759-1806) реальной властью в Дели обладал резидент Британской Ост-Индской компании (ОИК). Несмотря на это, Великие Моголы воспринимались как главы огромной империи – они носили титул «падишахов Индостана», от их имени формально правила в своих владениях ОИК. В 1857 г. восставшие сипаи попытались вернуть власть Бахадур-шаху II, последнему Великому Моголу, но восстание потерпело поражение, могольская империя была окончательно упразднена, а Дели потерял свой многовековой статус центра мусульманской государственности, войдя в провинцию Панджаб Британской Индии.

Однако роль Дели как общеиндийского центра мусульманской культуры после 1857 г. вовсе не уменьшилась. Ещё последние могольские десятилетия ознаменовались расцветом литературы на языке урду. В городе жили и творили виднейшие мусульманские писатели и поэты - Мирза Галиб, Мохаммад Ибрахим Заук и т. д. Влияли на культурную атмосферу и

европейские новшества – в 1837 г. Маулави Мохаммад Бакир начал издавать газету на языке урду «Delhi Urdu Akhbar»¹⁸⁸.

После подавления восстания сипаев, Дели постепенно становится центром мусульманского движения за модернизацию, основные идеи которого заключались в необходимости сотрудничества с британской администрацией и овладения светскими науками. Лидером движения был делийский уроженец Саид Ахмад Хан. В 1875 г. в расположенном недалеко от Дели городе Алигархе Саид Ахмад Хан основал Мусульманский англо-восточный колледж, позднее преобразованный в Алигархский мусульманский университет – первое мусульманское учебное заведение в Южной Азии, где преподавались светские науки. Сформировавшееся в стенах университета «Алигархское движение» ставило целью распространение светских знаний и расширение представительства мусульман в политической и экономической сферах жизни. Виднейшую роль в движении играли делийцы - Саид Ахмад Хан и его сын Саид Махмуд, писатель Назир Ахмад Дехлави и т.д. Подобные же движения зародились и среди индусов, но несколько раньше – в первые десятилетия XIX века. К 1880-ым гг. уже развились идеи общеиндийского национализма, в 1885 г. основана партия Индийский национальный конгресс.

В раннем ИНК, формально считавшемся внеконфессиональной организацией, роль мусульман была незначительна. Мусульмане, участвовавшие в ранней деятельности ИНК, в большинстве своём представляли исмаилитскую общину, хоть и влиятельную экономически, но крайне малочисленную. «Алигархское движение» к деятельности ИНК относилось настороженно, Саид Ахмад Хан отверг приглашение участвовать в первом съезде.

¹⁸⁸ *Literary Notes: History, war paintings and journalist Moulvi Muhammad Baqir*. Dawn: e-paper. 2015. URL: <https://www.dawn.com/news/1208216> (accessed 27.08.2019)

Центрами общеиндийского национализма стали крупные центры экономической жизни и британской колониальной администрации – прежде всего, Калькутта, Бомбей и Мадрас. На их фоне Дели занимал явно второстепенную роль. Показательно, что за первые 30 лет существования ИНК съезд партии ни разу не собирався в Дели¹⁸⁹. Представление о Дели, как об общеиндийском политическом центре становится доминирующим только с 1910-ых гг., когда национальное движение пыталось связать себя с историческими государственными образованиями и особенно с восстанием 1857 г. Прежде же всего, имеет значение перенос центра британской администрации в 1911 г. из Калькутты в Дели. Для мусульманской общины сложилась несколько иная ситуация: хотя Мусульманская лига, основная политическая организация, представляющая общину, была основана и в Дакке, но Дели изначально воспринимался как центр мусульманской Индии.

Естественно, что Дели имел решающее значение и для нарождающегося движения за независимое мусульманское государство. Чаудхури Рахмат Али, один из его идеологов, придумавший само название будущего государства, предполагал включение в Пакистан всего британского Панджаба т. е. и Дели. В конце концов, Дели не вошёл в Пакистан, но деятельность Мусульманской лиги до последнего момента направлялась из города. Характерно, что даже первый флаг Пакистана был изготовлен в Дели.

Неверно думать, что пропакистанский настрой разделяла вся мусульманская община Дели. У Мусульманской лиги и Мухаммеда Али Джинны были противники как в среде консервативно настроенных улемов, так и среди «мусульман-националистов» поддерживавших ИНК. В 1920-ые гг. противоречия между сторонниками и противниками Мусульманской лиги

¹⁸⁹ Indian National Congress. INC Sessions. URL: <http://inc.in/INC Sessions.aspx> (accessed 27.08.2019)

в Алигархском университете привели к тому, что проконгрессиистски настроенные мусульмане основали собственное высшее учебное заведение – Национальный мусульманский университет (Jamia Millia Islamia), первым ректором которого стал делиец-конгрессиист Хаким Аджмал Хан.

Активность мусульманской политической жизни в Дели первой половины XX века связана с тем, что доля мусульман в городе была гораздо выше, чем сейчас. В 1901 г. – мусульмане в Дели составляли 24,2% населения, в 1931 г. в городе было 32.53% мусульман ¹⁹⁰, в 1941 г. – 33,2% (230 тыс.).

В Дели начала XX в. необычайно высокую (62%) долю мусульман составляли представители высококастовых групп (*аираф*) – шейхи, сейиды, патаны и моголы¹⁹¹. Представители этих групп претендовали на происхождение от арабских, персидских, афганских или тюркских переселенцев, они традиционно занимали главнейшие места в политической, религиозной и экономической жизни мусульманского сообщества. Этим объясняется высокий образовательный уровень делийской общины, высокая степень вовлеченности в политику, а впоследствии – и высокий уровень эмиграции в Пакистан.

Появление в 1947 г. независимого Пакистана привело к коренному изменению положения делийских мусульман. Теперь в Южной Азии было мусульманское государство, но Дели остался за пределами его границ и уже никак не мог претендовать на роль центра исламской жизни в регионе. Вскоре после провозглашения независимости Индии и Пакистана 15 августа 1947 г. началась массовая миграция мусульман в Пакистан и индусов в

¹⁹⁰ Krishna, G. Communal Violence in India: A Study of Communal Disturbance in Delhi//*Economic and Political Weekly* Vol. 20, No. 3 (Jan. 19, 1985), pp. 117-131, p. 117.

¹⁹¹ *Census of India 1901 [Vol 17A]* Imperial tables, I-VIII, X-XV, XVII and XVIII for the Punjab, with the native states under the political control of the Punjab Government, and for the North-west Frontier Province Table XIII Part II A – The Castes and Tribes of the Punjab by Districts and States

Индию, сопровождавшаяся кровавыми межобщинными конфликтами, одним из центров которых стал Дели.

В то время, как в Панджабе и Бенгалии в августе 1947 г. бушевали разрушительные столкновения, в Дели ещё сохранялся мир. В город стекались массы мусульман из сельских районов, рассматривавшие город как перевалочный пункт на пути на запад. Обстановка обострилась после прибытия в город сикхских и индусских беженцев из Пакистана – именно они стали инициаторами сентябрьских погромов в индийской столице.

Погром начался 3 сентября, в тот день, когда закончилась резня в другом крупнейшем индийском городе, Калькутте, где Махатма Ганди смог примирить враждующие стороны. 3 сентября прибывшие в Дели из Панджаба беженцы напали на мусульман-служащих железнодорожной станции. Через несколько часов погром начался по всему городу.

Обычно утверждается, что инициаторами и основными участниками погрома в Дели были активисты сикхской партии Акали дал¹⁹² и Раштрия сваямсевак сангх. Действительно, представители обеих организаций принимали участие в нападениях, но партийные различия в сентябре 1947 г. играли не слишком существенную роль – в погромах участвовали даже члены Индийского национального конгресса, на погромщиков сквозь пальцы смотрели многие полицейские¹⁹³. На несколько дней власти фактически утратили контроль над городом, на Коннот Плейс премьер-министру Джавахарлалу Неру пришлось лично останавливать погромщиков¹⁹⁴. Ища защиты, мусульмане собирались у домов единоверцев-членов индийского правительства – Абул Калам Азада и Рафи Ахмеда Кидваи. Огромные массы мусульман собрались в Красном форте и в крупных мечетях, ожидая эвакуации в Пакистан. К 9 сентября в Дели прибыл Ганди, гражданская и военная администрации начали восстанавливать контроль над городом.

¹⁹² Союз бессмертных (*панджаби*)

¹⁹³ Domimique Lapierre, Larry Collins *Freedom at Midnight*, New Delhi 2011, p. 481.

¹⁹⁴ Там же

Количество погибших в ходе сентябрьских беспорядков обычно оценивается в 20-25 тысяч человек, количество мусульман, выехавших из Дели в Пакистан – 330 тыс.¹⁹⁵ Следует, однако понимать, что далеко не все выехавшие были делийцами, город был перевалочным пунктом для беженцев со всей Северной Индии. К 1951 г., когда миграционные процессы в общем и целом завершились, в Дели проживало 85 тысяч мусульман – почти в три раза меньше, чем за десять лет до этого. На место уехавших прибыли сикхи и индусы – беженцы из западной части Панджаба. Немусульманские меньшинства покинули Пакистан практически поголовно, а Дели стал одним из главных мест их концентрации. В итоге, в 1951 г., в городе, население которого приближалось к полутора миллионам, мусульмане составляли только 5,7%

Интересен социальный состав уехавших: прежде всего Дели покидали мусульмане-представители образованных слоёв общества. Для обеспеченных мусульман эвакуация была сравнительно безопасна и осуществлялась прямыми авиарейсами в Карачи ещё до начала сентябрьских погромов. Правительство Пакистана организовало эвакуацию в Карачи госслужащих – Дели был центром колониальной системы, а эвакуированные чиновники составили костяк пакистанской бюрократии. Из делийских высших учебных заведений эвакуировалась большая часть мусульманских преподавателей и студентов – многие из них приняли активное участие в основании в 1953 г. университета в Карачи. В том же направлении переместилась и мусульманская пресса. Нынешние крупнейшие пакистанские газеты – *Jang* (урдуюзычная) и *Dawn* (англоязычная) – изначально издавались в Дели, но переехали в Пакистан летом 1947 г. Многие эмигранты (мухаджиры) и их потомки заняли виднейшие места в политической жизни Пакистана.

¹⁹⁵ Pandey, G. Partition and Independence in Delhi: 1947-48 // *Economic and Political Weekly*, Vol. 32, No. 36 (Sep. 6-12, 1997), pp. 2261-2272, p. 2263/

Например, ещё в августе 1947 г. Дели покинула семья 4-летнего Первеза Мушаррафа, который пришёл к власти в Пакистане в 1999 г.¹⁹⁶

Таким образом, в 1947 г. роль мусульманской общины в Дели полностью изменилась. В начале 40-ых гг. она была сравнима с индусской по численности и экономической мощи. К началу 1950-ых. мусульмане оказались небольшим религиозным меньшинством, немного превосходя по численности сикхов, переселившихся из пакистанского Панджаба. На протяжении второй половины XX века их доля вновь постепенно возрастала (в 1991 г. – 9.5%, в 2015 г. – 12.8%), но даже сейчас она в три раза меньше, чем в начале 1940-ых гг.

Кроме того, община была обезглавлена переселением 1947 г. – уехала большая часть представителей интеллектуальной, политической и экономической элиты. В настоящее время, уровень грамотности среди мусульман Дели ниже общегородского, уровень доходов также самый низкий среди религиозных общин.

Снижение культурной и экономической роли мусульманского сообщества закономерно привело к выдавливанию мусульман на периферию политической жизни Дели. Если в колониальную эпоху мусульмане-делийцы играли важную роль в общенациональной политической жизни (достаточно вспомнить Саида Ахмад Хана или Хакима Аджмал Хана, в 1921 г. избранного председателем ИНК), то в независимой Индии добиваются влияния мусульманские политические силы из других регионов – Кералы, Теланганы, Кашмира и т. д. Дели не потерял полностью свою роль, так как нахождение в городе столицы государства приводит к концентрации в городе различных общеиндийских мусульманских учреждений. Дели во многом сохранил роль мусульманского культурного центра, но в политическом смысле роль местной общины резко упала.

¹⁹⁶ Musharraf, P. *In the Line of Fire: A Memoir*. London, 2006, p.11.

Рассматривая политическую жизнь мусульманской общины в Дели после 1947 г. важно понимать, что она несколько поменяла свой характер т. к. город потерял своё значение общеиндийского центра мусульманского политического движения, уступая в этом смысле таким городам, как Мумбаи и Хайдарабад. Политическая жизнь мусульман Дели сосредотачивается скорее не вокруг общенациональных вопросов, а вокруг внутригородских проблем, волнующих население стремительно растущего мегаполиса (население Дели выросло с 1744 тыс. в 1951 г. до 16 753 тыс. в 2011 г.¹⁹⁷). Важно также учитывать, что мусульмане в Дели расселены не равномерно, а концентрируются в определённых городских районах.

Традиционно мусульмане проживают в «Старом городе» - районах средневекового Дели, расположенных вокруг Соборной мечети и «Красного форта». Однако с 1947 г. Дели многократно увеличился в размерах, и мусульмане Старого города теперь не составляют большинства общины. Основная часть мусульман проживает в новых районах на восточном берегу реки Ямуны.

Табл. 6: Конфессиональный состав

населения делийских районов¹⁹⁸

	Мусульман	Индусы	Сикхи
	е		
Северо-Западный Дели	7.97%	87.82%	2.52%
Южный Дели	16.32%	78.91%	2.54%
Западный	5.89%	82.07%	10.69%

¹⁹⁷ "Census of India: Provisional Population Totals for Census 2011: NCT of Delhi". Censusindia.gov.in.

¹⁹⁸ Delhi Religious Census 2011 – Delhi Districts. URL: <http://www.census2011.co.in/data/religion/state/7-delhi.html> (accessed 27.08.2019)

Дели			
Юго- Западный Дели	4.91%	91.7%	1.38%
Северо- Восточный Дели	29.34%	68.22%	0.78%
Восточный Дели	10.46%	82.54%	3.1%
Северный Дели	13.49%	81.81%	2.15%
Центральны й Дели	33.36%	62.53%	2.24%
Нью-Дели	5.97%	87.66%	2.07%

Как мы видим, наибольшая доля мусульман сконцентрирована в Центральном Дели (Старый город) и в Северо-Восточном Дели (восточный берег Ямуны). Самая незначительная доля мусульман приходится на Нью-Дели, где сосредоточены органы власти и на уважаемые районы Западного и Юго-Западного Дели.

С 1993 г. в городе существует 70 избирательных округов, в 10 из которых мусульмане составляют большинство. Пять «мусульманских» округов расположены на восточном берегу Ямуны, четыре – в центральном Дели, а один – на юге¹⁹⁹.

Дели лишился собственного законодательного органа, но от него всегда избирались депутаты в общеиндийский парламент – на первых выборах от города избиралось 3 депутата, с 1956 г. – 4, с 1961 г. – 5, а с 1966 г. – семь депутатов. Из всех ныне существующих избирательных округов только в Чандни Чоук (центральный округ, включающий район старого города) доля

¹⁹⁹ Kumar, S. Changing electoral politics in India: from caste to class p.52.

мусульман позволяет им оказывать решающее влияние на выборный процесс.

Традиционно считается, что мусульмане являются базовым электоратом Конгресса т. к. своей партии в Дели не имеют, а поддерживать индусских националистов не могут. Рассмотрим общенациональные и городские выборы в Дели с точки зрения участия мусульман.

Как уже отмечалось, мусульмане составляют большинство в десяти избирательных округах, из них – в пяти (Матиа Махал, Баллимаран, Окхла, Силампур и Мустафабад) – большинство абсолютное. От этих пяти округов с 1993 г. избирались исключительно кандидаты-мусульмане.

В округе Матиа Махал доля мусульманского населения наиболее высока. Здесь кандидаты-мусульмане выдвигаются от всех основных партий. Видно, что партийная принадлежность играет второстепенную роль для кандидата. В 1993-2013 гг. депутатом от Матиа Махал в законодательном собрании был Шоаиб Икбал, попеременно выдвигавшийся от пяти различных партий. В 2013 г. Икбал проиграл выборы Асим Ахмед Хану, представлявшему молодую партию ААП²⁰⁰. Интересно, что в данном округе даже обвиняемая в исламофобской политике БДП выставила и выставляет исключительно кандидатов-мусульман. В округе Окхла мусульман несколько меньше, поэтому БДП выдвигает уже кандидатов-индусов. Но общая ситуация такая же – в 1993-2008 гг. депутатом от округа был Парвиз Хашми, представлявший как ИНК, так и партию Джаната дал²⁰¹. В 2009-2015 гг. его сменил Асиф Мухаммад Хан, в первый раз избиравшийся от партии Раштрия джаната дал²⁰², а второй раз – от ИНК. В 2015 г. он проиграл Аманатулле Хану, кандидату ААП²⁰³.

²⁰⁰ Statistical Report on General Election, 2013 to the Legislative Assembly of Delhi. New Delhi, 2013, p. 39.

²⁰¹ Народная партия (*хинди*)

²⁰² Национальная народная партия (*хинди*)

²⁰³ Statistical Report on General Election, 2015 to the Legislative Assembly of Delhi. New Delhi, 2015, p. 110.

В округе Силампур был установлен своеобразный рекорд – Матин Ахмед был депутатом 22 года подряд – он избирался и как конгрессист, и как независимый кандидат. Только в 2015 г., как и почти во всех делийских округах, победила ААП, которую представлял Мохаммад Ишрак. В округе Баллимаран (в Старом Дели) политическая ситуация также была достаточно стабильна – Харун Юсуф в 1993-2015 гг. был депутатом от ИНК. Теперь его сменил Имран Хуссейн (ААП), занимающий министерский пост в нынешнем правительстве Кеджривала.

Рассмотрев ситуацию в «мусульманских» округах, можно сделать вывод, что мусульмане далеко не безоговорочно лояльны Конгрессу – почти все политики-мусульмане несколько раз за свою карьеру меняли партийную принадлежность или избирались как независимые кандидаты. Помимо ИНК, мусульмане предпочитают избираться от партий, представляющие низкокастовые слои населения – Джаната дал или Раштрия джаната дал. В крупном североиндийском штате Бихар, где эти партии играют первостепенное значение, также происходит имеет место мусульман и низкокастовых индусов. От БДП мусульмане выдвигаются гораздо реже, но подобная практика также не является чрезвычайной.

Конкуренция на выборах в «мусульманских» округах несколько слабее, чем в остальных. Как мы видим, в двух округах (Силампур и Баллимаран) депутаты занимали свои кресла более 20 лет подряд. Особенно редко встречается ситуация реального соперничества на выборах индусского и мусульманского кандидатов. Религиозному меньшинству практически невозможно провести в округе своего депутата. Примечательное исключение представляют выборы 2015 г. в округе Мустафабад. Это ещё один округ с мусульманским большинством, образованный в 2008 г. Мустафабад располагается в традиционном районе расселения мусульман на восточном берегу Ямуны, но здесь проживает и значительное индусское меньшинство. С 2008 г. округ в законодательном собрании представлял конгрессист Хасан

Ахмед, но на выборах 2015 г. против него выступил член ААП Мохд Юнус. Кандидаты практически поровну поделили мусульманский электорат, а победил с небольшим отрывом индус-член БДП²⁰⁴.

Схожая ситуация наблюдается и на парламентских выборах. Единственный из парламентских округов в Дели, где мусульмане могут провести своего кандидата – Чандни Чоук, в центральной части города. Ни разу с первых выборов в 1951 г. Конгресс не выставлял в округе кандидата-мусульманина. На многих выборах (1957, 1962, 1989, 1998) в Чандни Чоук выдвигались кандидаты-мусульмане, набравшие по 20-25%, но ни разу их не поддерживали общенациональные партии. Мусульмане выдвигались либо как независимые, либо как кандидаты от маловлиятельных в Дели политических сил (Джаната дал и т. д.). Единственным исключением стало выдвижение на выборах 1977 г. антиконгрессиистским альянсом мусульманина Сикандера Бахта, который стал единственным мусульманином-депутатом от Дели за всю историю независимой Индии. В остальных округах, где процент мусульман меньше, чем в Чандни Чоук, кандидаты-мусульмане практически никогда не выдвигаются. Конгресс ни разу не выдвигал от Дели кандидата-мусульманина ни в одном из округов.

Как мы видим, электоральный процесс в Дели имеет ярко выраженный конфессиональный характер, а религиозная идентичность является первенствующей даже в условиях мегаполиса. В округах с немусульманским большинством мусульманин практически не имеет шансов на избрание. Крупные партии не выдвигают мусульман, понимая, что они ни при каких обстоятельствах не победят в округе. В таких округах мусульмане лишь иногда выдвигаются от второстепенных партий. Такая ситуация приводит к тому, что доля мусульман в законодательном собрании Дели ниже доли

²⁰⁴ Statistical Report on General Election, 2015 to the Legislative Assembly of Delhi, p. 116.

мусульман в населении города. В нынешнем законодательном собрании всего 5.7% мусульманских депутатов.

Мусульмане-политики в Дели привязаны не к партийным группировкам, а к собственному району, поэтому они могут многократно менять партийную принадлежность, но никогда не пойдут на выдвижение от иного избирательного округа. Из-за этого и ИНК, и БДП легче проводить политику опоры на традиционную элиту мусульманских районов, чем пытаться выдвинуть в них собственных людей.

В конце 1940-ых – начале 1950-ых гг. монополия ИНК на власть, как в Дели, так и по всей Индии, не вызывала сомнений, на первых городских выборах партия получила более 52% голосов²⁰⁵. Естественно, что с Конгрессом сотрудничали и мусульманские политики в Дели. Но к 70-ым гг. позиции партии существенно ослабли, а особенно конгрессистское руководство испортило отношения с делийской мусульманской общиной в период чрезвычайного положения 1975-1977 гг., введённого правительством Индиры Ганди. В 1976 г. делийское руководство, при поддержке сына Индиры Санджая Ганди, приняло программу по сносу трущоб в Старом городе и переселению их жителей в пригороды. Программа натолкнулась на сопротивление мусульман, которые составляли большинство населения многих сносимых районов. Жителей переселяли на восточный берег Ямуны, вместе с трущобами было снесено большое количество домов, возведённых вполне законно. В апреле 1976 г. очередной снос домов в Старом городе вызвал столкновения местных жителей с полицией и человеческие жертвы. В ситуацию вмешался глава правительства Кашмира Шейх Абдулла, взявший делийских мусульман под покровительство. Индира Ганди отдала распоряжение прекратить снос, но к этому времени из центральной части города было переселено около 250 тысяч человек, значительную часть

²⁰⁵ Statistical Report On General Election, 1951 to the Legislative Assembly of Delhi. New Delhi, 1951, p. 6.

которых составляли мусульмане²⁰⁶. В результате, среди столичных мусульман усилились оппозиционные настроения – перед парламентскими выборами 1977 г. имам Соборной мечети (Джама масджид) Абдулла Бухари призвал мусульман поддержать коалицию антиконгрессистских сил.

Имамы Соборной мечети достаточно часто выступали и выступают по политическим вопросам. В 1980-ые гг. они поддерживали Конгресс, а в 2000-ые гг. - партии, представляющие низкокастовые группы. Перед выборами 2015 г. имам Саид Ахмед Бухари призвал избирателей-мусульман отдать голоса Арвинду Кеджривалу²⁰⁷.

Делийское духовенство имеет большое влияние как на городскую общину, так и на другие общины индийских мусульман. Ещё одним местом концентрации мусульманской жизни в городе являются высшие учебные заведения – прежде всего, Национальный мусульманский университет, где учится более двадцати тысяч студентов-мусульман со всей Индии, и Университет Джавахарлала Неру. Последний имеет внеконфессиональный характер, но количество студентов и преподавателей-мусульман в нём достаточно велико. В университете действуют различные политические группировки, преимущественно левого толка.

Наличие развитой университетской системы приводит к тому, что в Дели и сейчас концентрируется большое количество представителей мусульманской интеллигенции, в том числе, многие учёные-гуманитарии. В делийских университетах преподают такие видные индийские историки-мусульмане, как Ирфан Хабиб и Муширул Хасан. Известный экономист Наджиб Джанг долгое время занимал руководящие посты в Национальном мусульманском университете, а в 2013-2016 гг. даже занимал должность

²⁰⁶ 'Menon, K. D. Security, Home, and Belonging in Contemporary India: Old Delhi as a Muslim Place// *Etnofoor* Vol. 27, No. 2, Security (2015), pp. 113-131, p. 124

²⁰⁷ *Delhi Jama Masjid Shahi Imam Bukhari asks Muslims to support Aam Aadmi Party*. News18: e-paper. 2015. URL: <http://www.news18.com/news/politics/shah-imam-breaking-965848.html> (accessed 27.08.2019)

лейтенант-губернатора Дели. Стоит, однако отметить, что практически все подобные люди происходят не из Дели, не имеют прочных связей с местной мусульманской общиной, а в городе проживают из-за расположенных здесь образовательных и государственных институтов.

Как мы видим, отношения мусульман и ИНК существенно ухудшились к концу 1970-ых гг., но и до этого с общиной пытались установить отношения представители других политических сил. Интересно, что уже в 1960-ые гг. это попытался сделать Бхаратия джана сангх – политическая сила, базирующаяся на идеологии индуcского национализма. В 1930-ые гг. идеологи этого движения не оставляли мусульманам места в независимом индийском государстве, но в 1960-ые гг. идеологические противоречия отошли на второй план и в 1967 г. партия впервые выдвигает на муниципальных выборах кандидата-мусульманина Анвара Али Дехлеви, победившего в своем округе²⁰⁸.

Выше уже упоминались эпизоды сотрудничества делийских мусульман с низкастовыми политическими силами, но они так и не смогли получить в столице существенного влияния. Мусульманам в Дели приходилось лавировать между секулярно-националистическим Конгрессом и индуcско-националистическим БДС/БДП. Но в 2010-ые гг. Дели стал местом появления третьей политической силы - ААП, руководимой Арвиндом Кеджривалом. Партия выросла из общенационального антикоррупционного движения и подчёркивала собственную эгалитарность и чуждость «общинной» политике. ААП впервые приняла участие в делийских выборах в 2013 г., сенсационно заняв первое место и сформировав правительство во главе с Кеджривалом.

Вместе с тем выборы 2013 г. показали, что делийские мусульмане осторожно относятся к новым силам в политике – ААП поддержало только

²⁰⁸ Puri G. *Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology*. Delhi: a Case Study, p. 41.

13% мусульман, большая часть общины осталась верна Конгрессу²⁰⁹. Парадоксальным образом, мусульмане в 2013 г. стали главной опорой ИНК. Из 8 членов фракции в законодательном собрании четверо представляли мусульманские районы. Правительство ААП продержалось у власти меньше месяца и вынужденно было уйти в отставку из-за неспособности сформировать коалицию. Но на внеочередных выборах 2015 г. за ААП проголосовало уже 77% мусульман. Большую роль сыграла ориентация ААП на нужды жителей беднейших городских кварталов (электрификация, обеспечение питьевой водой). В 2015 г. мусульмане перешли на сторону Кеджривала практически всей общиной. В нынешнем правительстве ААП есть мусульмане, но непонятно, как будут развиваться отношения при минимальном ослаблении новой власти.

Мусульманская община Дели так и не смогла целиком и полностью преодолеть последствия событий 1947 г. Речь идёт не только о демографических последствиях эмиграции в Пакистан, но о всём характере общественно-политической жизни общины. Второстепенная роль общины в экономической и культурной жизни города и низкий уровень жизни выдавливают делийских мусульман на обочину политического процесса. Коренная проблема состоит в том, что политический процесс в Дели, да и во всём остальной Индии до сих пор в огромной степени зависит от конфессиональных, этнических и кастовых факторов. При «общинном» характере политического процесса, мусульманское меньшинство в любом случае будет оставаться в проигрыше. Вместе с тем, отношение к мусульманской общине со стороны основных политических сил трансформируется с течением времени. Характерно, что даже БДП, изначально считавшаяся исключительно индусской политической силой, уже с 1980-ых гг. начала попытки достижения компромисса с отдельными

²⁰⁹ 77% Muslims, 57% Sikhs voted AAP. The Indian Express: e-paper. 2015. URL : <http://indianexpress.com/article/india/india-others/77-muslims-57-sikhs-voted-aap/> (accessed 27.08.2019)

группами мусульман, в том числе и в Дели. Последние десятилетия отмечены также усилением роли низших каст в политике, а их интересы во многих штатах традиционно совпадают с интересами мусульманского сообщества. Все эти процессы могут оказать положительное влияние на делийских мусульман и способствовать их интеграции в общеиндийский политический процесс.

Сикхская община

Делийские сикхи являются третьей по численности религиозной общиной города – согласно данным переписи населения 2011 г., сикхи составляют 3,4% населения столицы. Сикхская община имеет очень короткую историю – несмотря на значимость Дели для сикхской религии, ещё в начале XX в. в городе существовала очень небольшая община, а основная масса сикхов переселилась в город с территорий современного Пакистана в ходе раздела Британской Индии в 1947 г. Начиная с этого времени, сикхская община играет важную роль в политической жизни столицы, а её лидеры, помимо отстаивания интересов сикхов в Дели, часто выступают как представители всех сикхов Индии. На сегодняшний день одна из крупнейших в Индии и самая экономически значимая сикхская община оказывает влияние как на положение дел в Панджабе, так и на политическую ситуацию в самом Дели.

В британский период Дели имел для сикхов прежде всего религиозное значение. Город был одним из направлений путешествий Гуру Нанак, основателя религиозного учения. Здесь же в могольскую эпоху были казнены девятый сикхский гуру Тег Бахадур и Банда Сингх Бахадур, предводитель антимогольского восстания 1708-1715 гг. С именами выдающихся персонажей раннего периода сикхизма связана большая часть знаменитых делийских гурудвар – Мата Сундри была возведена на месте смерти жены Гуру Гобинд Сингха, гурудвара Бангла Сахиб – на месте смерти восьмого гуру Хар Кришана в 1664 г. Другие известные делийские гурудвары были

связаны с местами мученичества и кремации гуру Тег Бахадура (гурудвары Сис Гандж и Ракаб Гандж), пребыванием в Дели Гуру Нанак (гурудвары Маджну-ка-Тилла и Нанак Пиао) и Гуру Гобинд Сингха (гурудвара Мотибагх Сахиб).

Таким образом, к началу XX века Дели для сикхской общины был одним из важнейших центров исторической памяти, который напоминал сикхам об истории возникновения общины, первых гуру и взаимоотношениях с Великими Моголами. Дели был одним из основных направлений сикхского религиозного паломничества и жизнь общины концентрировалась практически исключительно вокруг значимых гурудвар. Численность сикхов, постоянно проживавших в Дели, была крайне незначительна – в 1912 г. в городе проживало всего 2985 представителей общины, т. е., сикхов в Дели было меньше, чем джайнов или христиан²¹⁰. Основную часть сикхского населения составляли служители при гурудварах и сезонные рабочие, прибывающие из Панджаба. Это обстоятельство иллюстрирует и гендерно-возрастной состав общины – более 50% делийских сикхов составляли мужчины в возрасте от 20 до 40 лет. В кастовом отношении доминировали джаты (1683) и мазхаби (457)²¹¹.

Делийская община начала XX века не могла остаться в стороне от тех реформаторских процессов, которые начались среди сикхов в Панджабе в 1920-ые гг. Среди большинства сикхов росло недовольство тем, что контроль над большинством гурудвар находился в руках небольшой общины *удаси*, представители которой ввели в храмах многие элементы индуских богослужений. В 1920 г. реформаторски настроенные представители сикхских общин во главе с Тара Сингхом основали «Комитет по управлению гурудварами» и начали брать под контроль храмы. Изменившуюся ситуацию зафиксировал в 1925 г. правительственный «Акт о сикхских гурудварах»,

²¹⁰ *A Gazetteer of Delhi* (1912), p. XVIII

²¹¹ *A Gazetteer of Delhi*, p. XXIX

передававший всех храмы этой религии в ведение располагавшегося в Амритсаре «Верховного комитета по управлению гурудварами».

Параллельно событиям в Панджабе, те же изменения происходили и в структуре сикхской общины Дели. Здесь в отличие от Панджаба, где конфликты вокруг гурудвар иногда заканчивались кровавыми столкновениями, события протекали мирно. В 1925 г. был создан Делийский комитет по управлению гурудварами, который и установил контроль над всеми городскими святынями. «Делийский комитет» подчинялся «Верховному комитету» в Амритсаре, в него вошли 11 представителей городской общины²¹².

Одним из важнейших требований Движения за реформу управления гурудварами была выборность руководства общины. Поэтому в «Делийский комитет» были также проведены выборы, изначально носившие формальный характер из-за крайней малочисленности городской общины.

В 1940 г. председателем «Делийского комитета» был избран Тара Сингх, глава всего реформаторского движения, возглавлявший также и Комитет по управлению гурудварами в Амритсаре²¹³. Одновременно Тара Сингх был председателем сикхской партии Акали дал, возникшей на волне реформаторского движения в 1920 г. Делийские сикхи стали всё более вовлекаться в партийную политику, но совершенно новый этап в общественно-политической жизни общины начался после раздела Британской Индии в 1947 г.

Сикхи составляли значительную часть полумиллионной массы беженцев, прибывших в Дели из Западного Пакистана в 1947-1948 гг. Точное количество сикхов, оказавшихся в Дели в первые месяцы после раздела страны, неизвестно, но, по данным переписи 1951 г., в городе насчитывалось

²¹² Kaur, J. *The role of pressure groups in decision making in India : a study of the Delhi sikh gurdwara management committee*, p. 37.

²¹³ Kaur, J. *The role of pressure groups in decision making in India : a study of the Delhi sikh gurdwara management committee*, p. 38.

137 096 членов общины и абсолютное большинство из них совсем недавно прибыло с пакистанской территории²¹⁴.

Появление беженцев из Панджаба в Дели сопровождалось беспорядками и антимусульманскими погромами, в которых приняли активное участие новоприбывшие сикхи. Большая часть сикхов первоначально была размещена в лагерях беженцев, которые в срочном порядке создавали делийские власти. В последующие годы началось расселение сикхов в различных кварталах западной и южной частей Дели. Юго-западные районы города с 1940-ых гг. стали местом наивысшей концентрации беженцев из Пакистана, но сикхи нигде не составляли абсолютного большинства. Согласно данным переписи 2011 г., наибольшую долю населения (10,7%) сикхи составляли в Западном Дели. Отдельных «сикхских кварталов» в городе так и не возникло, что оказало влияние и на дальнейшую политическую жизнь, предопределив отношения сикхов с городскими властями и остальными общинами.

Большую часть сикхских беженцев в Дели составляли выходцы из крупных городов – Лахора, Мултана, Пешавара и т. д. До 1947 в этих местах активную деятельность вела Акали дал и союзные ей организации. Практически сразу же после раздела Британской Индии эти организации возобновили деятельность в Дели – одним из главных направлений сикхской политики стала борьба за контроль над «Комитетом по управлению гурудварами», значение которого резко возросло вместе с количественным ростом общины.

Борьба за контроль над Комитетом в 1940-1950-ые гг. вылилась в политическое противостояние между сторонниками Акали дал и Индийского национального конгресса, к которому после 1947 г. примкнула часть сикхских политиков в Панджабе и Дели. Ситуация осложнялась тем, что

²¹⁴ *Census of India 1951*, Volume VIII. Punjab, PEPSU, Himachal Pradesh, Bilaspur&Delhi. Part II-A – General Population, Age, Social Tables, p. 298.

«Верховный комитет» в Амритсаре имел право назначать половину членов делийского комитета – таким образом, политическая ситуация в Панджабе оказывала непосредственное влияние на жизнь сикхской общины в Дели. Например, пришедшие в 1951 г. к власти в «Верховном комитете» представители Акали дал просто распустили комитет в Дели, назначив в новый состав исключительно представителей своей партии. Такую же операцию проделали вернувшиеся во власть в 1958 г. конгрессисты²¹⁵, но Делийский комитет, который на тот момент контролировался Акали дал, отказался повиноваться панджабцам. «Верховный комитет» восстановил власть силой – в мае 1959 г. группа его вооруженных сторонников силой захватила крупнейшую гурудвару Бангла Сахиб. Была предпринята попытка создания в Дели коалиционного комитета из представителей ИНК, Акали дал и независимых общинных деятелей, но он не просуществовал и нескольких месяцев. Из-за фракционных противоречий работа любых органов сикхской общины чрезвычайно затруднилась, нередко возникали параллельные общинные органы, управляемые ИНК или Акали.

Межпартийные столкновения обострились в 1967 г. после смерти Тара Сингха, своим авторитетом удерживавшего обе партии от насильственных действий. Джатхедар Сантокх Сингх, член партии Акали дал, возглавлявший Делийский комитет, вышел из партии и вступил в конфликт с Фатех Сингхом, возглавлявшим панджабский «Верховный комитет».

1 января 1971 г. вооружённые сторонники Фатех Сингха силой захватили гурудвары Бангла Сахиб и Сис Гандж, объявили об отставке Сантокх Сингха и о проведении новых выборов. В ситуацию вмешалось национальное правительство – была достигнута договоренность об

²¹⁵ Kaur, J. *The role of pressure groups in decision making in India : a study of the Delhi sikh gurdwara management committee*, p. 42.

освобождении захваченных зданий, в мае 1971 г. был сформирован Комитет из пяти беспартийных представителей сикхской общины, а в декабре того же года правительство утвердило «Акт о сикхских гурудварах в Дели», регулирующий как связи столичной сикхской общины с панджабскими единоверцами, так и с городскими и федеральными властями.

По распоряжению лейтенант-губернатора Дели учреждался «Делийский комитет по управлению сикхскими гурудварами» (Delhi Sikh Gurudwara Management Committee – ДСГМК), полностью независимый от каких-либо других сикхских общинных учреждений. ДСГМК должен был состоять из 55 членов, 46 из которых должны были избираться представителями сикхской общины Дели от соответствующего числа мажоритарных округов, а двое – по пропорциональной системе. Четверо членов ДСГМК должны были представлять крупнейшие гурудвары в Амритсаре, Анандпуре, Нандеде и Патне, двое назначались делийской Сингх сабхой²¹⁶ и только один представлял панджабский «Верховный комитет по управлению сикхскими гурудварами»²¹⁷.

В Акте детально излагаются требования к лицам, которые могут принимать участие в выборах в ДСГМК. К ним допускались только делийские сикхи, постоянно проживающие на территории своего избирательного округа на протяжении хотя бы полугода, достигшие восемнадцатилетнего возраста и не бреющие бороду. Кандидаты в ДСГМК также должны были в обязательном порядке не брить бороду, уметь читать и писать на панджаби и не употреблять алкоголя или табака. Кроме того, свои кандидатуры могли выставлять исключительно сикхи-амритдхари, т. е., прошедшие церемонию вступления в хальсу, установленную Гуру Гобинд Сингхом в 1699 г.²¹⁸

²¹⁶ Сингх сабхи были созданы в местах проживания сикхов в 1880-ые гг., в рамках первого этапа религиозно-реформаторского движения.

²¹⁷ *The Delhi Sikh Gurudwaras Management Act, 1971* [Amended upto 15th September, 2008], Part II, 4.

²¹⁸ *The Delhi Sikh Gurudwaras Management Act*, Part II, 10.1 (d).

Нормы, установленные актом 1971 г., отсекали от участия в жизни ДСГМК секуляризированную часть сикхской общины. Тем не менее, Акали дал в Панджабе была крайне недовольна созданием в Дели неподконтрольной структуры, особенно на фоне постепенного обострения отношений между центральным правительством и сикхской общиной.

В ведение ДСГМК перешли как «исторические» гурудвары, так и храмы, основанные беженцами после 1947 г.. Кроме того, комитет упорядочил систему сикхского образования, создав сеть общеобразовательных школ им. Гуру Нанака и Гуру Хар Кришана. Кроме того, с ДСГМК аффилированы некоторые учреждения высшего образования – несколько колледжей в Делийском университете и Университете Индрапрастхи им. Гуру Гобинд Сингха. Комитет руководит разветвлённой социальной сферой, включающей больницы и дома престарелых.

Таким образом, современный ДСГМК одновременно выполняет несколько функций – во-первых, это высший религиозный орган делийских сикхов, во-вторых – крупнейшая общественная организация, социальные проекты которой влияют на жизнь сотен тысяч людей в столице. В-третьих, ДСГМК выступает перед лицом городского и национального правительств как единственный представитель общины и лоббист интересов всей сикхской общины. Символично, что ДСГМК располагается в гурудваре Ракаб Гандж, находящейся буквально в сотне метров от здания национального парламента.

Первой общенациональной политической проблемой, по которой делийские сикхи проявили активность ещё до создания ДСГМК была дискуссия о создании штата Панджаб. Акали дал лоббировала создание штата с сикхским большинством, этому проекту оппонировал как Конгресс, так и КПИ и индусские националисты из БДС. Альтернативой могло быть создание «Большого Панджаба», где сикхи оказались бы в меньшинстве. В начале 1960-ых гг. делийская община под руководством Сантокх Сингха организовывала многочисленные митинги и марши, требуя от правительства

принять решение о создании штата Панджаб. Итогом такой деятельности стало принятие правительством «Акта о реорганизации Панджаба», в соответствии с которым создавались два отдельных штата – Панджаб и Хариана. В первом из них сикхи составляли большинство.

Создание штата Панджаб было одним из примеров успешного давления на федеральное правительство, но большая часть задач, решаемых общиной и ДСГМК относилась к положению именно делийских сикхов. Одним из самых важных вопросов был статус языка панджаби. В 1947 г. в Дели появилась огромная масса населения, не владевшего хинди, но панджабские школы поначалу отсутствовали. В 1965 г. Делийский комитет по управлению гурудварами обратился к правительству с требованием признать панджаби официальным языком в столице. Это требование поддержали депутаты от Акали дал и БДС в муниципальном совете. Согласно переписи 1961 г., панджаби был родным языком для 11,9% населения Дели, но сторонники придания ему официального статуса утверждали, что эти данные занижены в несколько раз²¹⁹. Процесс придания панджаби официального статуса завершился уже после 1977 г., когда к власти в стране и городе пришла Джаната парти. На первом заседании нового городского совета члены Акали дал и другие депутаты-панджабцы принесли присягу на родном языке²²⁰. 24 ноября 1978 г. Муниципальная корпорация приняла решение об установлении дорожных знаков на четырёх языках – хинди, английском, урду и панджаби. В мае 1979 г. делийская комиссия по делам меньшинств приняла окончательное решение по статусу панджаби: на нём должно было осуществляться начальное образование, приниматься официальные документы и публиковаться все законодательные акты.

Акали дал и ДСГМК поддержали оппозиционную ИНК Джаната парти на выборах марта 1977 г. Большая часть сикхских политиков крайне

²¹⁹ Kaur, J. *The role of pressure groups in decision making in India : a study of the Delhi sikh gurdwara management committee*, p. 212.

²²⁰ *The role of pressure groups in decision making in India : a study of the Delhi sikh gurdwara management committee*, p. 217.

отрицательно относилась к введённому Индирой Ганди чрезвычайному положению, а делийская община имела дополнительные поводы для недовольства городскими властями из-за затягивания вопроса о придании панджаби официального статуса и ряда нерешённых земельных споров.

Для правительства Джаната партии была критически важна поддержка сикхов и Акали дал, поэтому Морарджи Десаи, которого делегация ДСГМК посетила в первые дни после вступлении его в должность премьера шёл навстречу сикхским требованиям. Был быстро решён вопрос и со статусом панджаби, и с принадлежностью ДСГМК гурудвары Сис Гандж в районе Чандни Чоук.

В июле 1977 г. полиция обязала носить шлемы всех мотоциклистов, исключая сикхов-мужчин. ДСГМК выступил с протестом, заявив, что от ношения шлема должны были быть освобождены и женщины. Сикхские активисты стали организовывать пикетирование государственных органов и городской департамент транспорта в итоге передал решения вопроса на уровень общенационального правительства. В итоге, в июле 1979 министерство транспорта уступило ДСГМК и заявило, что женщины-сикхи также освобождаются от ношения мотоциклетного шлема по религиозным соображениям²²¹.

Несмотря на хорошие отношения с правительством Джаната партии, положение делийских сикхов в конце 1970-ых гг. осложнялось, в том числе, из-за дестабилизации обстановки в самом Панджабе.

В апреле 1978 г. в Амритсаре произошли кровавые столкновения сикхов и ниранкари, в ходе которых погибло 17 человек²²². Межобщинные отношения обострились и в Дели. Делийские сикхи направляли петиции к

²²¹ Kaur, J. *The role of pressure groups in decision making in India : a study of the Delhi sikh gurdwara management committee*, p. 182

²²² Ниранкари – реформаторское движение, зародившееся в рамках сикхизма в середине XIX века. Сикхское большинство не признаёт ниранкари частью общины из-за того, что последние почитают «живых гуру» - потомков основателя учения Бабы Дайал Сингха

городским властям, требуя запретить ниранкари заявлять о своей принадлежности к сикхской общине, а также запретить издание литературы и проведение шествий ниранкари. Наиболее жёсткую позицию занимал лидер ДСГМК Сантокх Сингх, обвинявший панджабских лидеров Акали дал в сговоре с ниранкари. В сентябре 1978 г. сикхские демонстрации в Дели привели к столкновениям с полицией, погибло три человека²²³. В знак протеста Акали дал вышла из коалиционного правительства Морарджи Десаи.

Конфликт вокруг ниранкари, завершившийся убийством лидера общины Гурбачан Сингха, был одним из этапов дальнейшего осложнения политической жизни в Панджабе, сопровождавшегося ростом влияния сторонников создания Халистана – независимого сикхского государства. В Дели эти процессы вылились в конфликт между Акали дал и фракцией Сантокх Сингха, исключённого из партии за поддержку политики Индиры Ганди в период чрезвычайного положения. После возвращения на премьерский пост Индиры Ганди, в конфликт вмешались городские власти, поддерживавшие Сантокх Сингха. В 1981 г. делийское правительство внесло ряд поправок в устав ДСГМК – были сняты образовательные ограничения для кандидатов, срок полномочий продлён с четырёх до пяти лет и запрещено повторное занятие должностей. Представители Акали дал утверждали, что поправки играли на руку Сантокх Сингху и помогли ему занять пост председателя ДСГМК.

22 декабря 1981 г. Сантокх Сингх был застрелен активистом Акали дал, которого немедленно после этого убили телохранители главы ДСГМК²²⁴. Покушения на сикхских политиков в Дели случались и до этого – например, в 1965 г. на выезде из города был застрелен Пратап Сингх Кайрон, бывший глава панджабского правительства от ИНК. Но с начала 1980-ых сикхская

²²³ Kaur, J. *The role of pressure groups in decision making in India : a study of the Delhi sikh gurdwara management committee*, p. 199

²²⁴ Saksena, N. S. *India: Towards Anarchy (1967-1992)*. New Delhi, 1993, p. 49.

легальная политика во многом уступала место экстремистским движениям. Большую роль сыграла и близость Дели к эпицентру кризиса в Панджабе, где быстро нарастал уровень насилия, кульминацией которого стала операция «Голубая звезда» в Амритсаре и последовавшее вслед за ней убийство Индиры Ганди.

Дели стал центром антисикхских погромов, начавшихся сразу после убийства премьер-министра. События 31 октября – 3 ноября 1984 г. стали самым серьёзным эпизодом межобщинных столкновений в столице со времён погрома сентября 1947 г. По официальным данным, в эти дни в Дели было убито 2100 сикхов, по неофициальным – более трёх тысяч.

Первые нападения начались сразу же после того, как в 11.00 31 октября по Всеиндийскому радио было объявлено, что в Индиру Ганди стреляли телохранители-сикхи. Одним из первых пострадал президент Заил Сингх – его кортеж был атакован толпой, собравшейся около Медицинского института, куда доставили умирающего премьер-министра. К ночи того же дня начались массовые нападения на гурудвары и принадлежащие сикхам предприятия. Эти нападения подогревались слухами о том, что сикхи празднуют смерть Индиры Ганди. Также распространялись слухи об отравлении сикхами водопровода и об убийствах пассажиров-индусов в поездах, следующих из Панджаба.

Большая часть наблюдателей отмечала странную пассивность делийской полиции и городских властей в дни погрома. Ряд источников сообщает, что полицейские-сикхи, составлявшие около 20% личного состава полиции в столице, были разоружены ещё 31 октября²²⁵. Сикхи также были разоружены и в ряде воинских частей. В опубликованном по горячим следам расследовании «Народного союза за гражданские свободы» отмечалось, что во многих районах (например, в Ладжпат Нагаре) полиция присутствовала на улицах 1 ноября, но не предприняла никаких мер для предотвращения

²²⁵ Singh, S. *The Sikhs in History*, p. 403.

убийств сикхов и разграбления сикхских магазинов. В ряде других районов (Трилокпури и т. д.) полицейские напрямую участвовали в погромах и предоставляли бензин из своих автомашин для совершения поджогов²²⁶. В районе Султанпури полиция не обратила внимания на действия погромщиков, но разоружила сикхскую самооборону. В тех немногих районах, где полиция действовала активно (например, в Карол Багхе) удавалось избежать больших жертв. В недостаточности принятых мер и позднем принятии решения о введении войск в столицу обвинялись министр внутренних дел Нарасимха Рао и делийский лейтенант-губернатор П. С. Гаваи.

Особую роль в погроме 1984 г. сыграли представители политических партий. В нападениях на сикхов участвовали многие активисты ИНК – в том числе, конгрессиистской молодёжной организации в столице Брахма Ядав и депутаты Лок сабхи от ИНК Джагдиш Тайтлер и Санджан Кумар. Также в участии в погромах обвинялся секретарь ИНК в Дели Х. К. Лал Бхагат.

Большому количеству жертв способствовало и то, что сикхи были заметны в городе как из-за своего внешнего вида, так и из-за того, что их основные сферы деятельности (работа в такси, мелкая торговля и т. д.) предполагали их постоянное нахождение на оживлённых городских улицах. Отмечалось активное участие в погромах представителей низших каст и организованная перевозка погромщиков с помощью автобусов Делийской транспортной корпорации.

Погром 1984 г. имел серьёзнейшие последствия для сикхской общины. Прежде всего, события 1980-ых гг. спровоцировали рост сикхской эмиграции из Индии в Северную Америку и Великобританию. Это обстоятельство, а также более низкий, по сравнению с мусульманами и индусами уровень рождаемости, вызвали постепенное снижение доли сикхов в населении Дели.

²²⁶ ed. Kothari, R. *Who Are The Guilty?* New Delhi, 1984, p. 4.

Кроме того, снижению доли сикхов в Дели способствовал и крайне быстрый приток в город мигрантов-индусов из Уттар-Прадеша.

Табл. 7: Изменение доли сикхского населения в Дели: 1951-2011 гг.²²⁷

	Доля населения Дели	Численность
1951	7,8%	137 096
1961	7,7%	203 916
1981	7,2%	291 123
1991	4,8%	455 657
2001	4,0%	555 602
2011	3,4%	570 581

События 1984 г. также оказали влияние и на политические предпочтения делийских сикхов. Роль отдельных членов ИНК в погромах и то обстоятельство, что практически никто из них не понес наказания, оттолкнули большую часть сикхских избирателей от Конгресса.

Несмотря на то, что Акали дал с 1947 г. имела большую массу сторонников в Дели, партия не выставляла своих кандидатов на городских и общенациональных выборах в столице, предпочитая действовать в сикхских общинных организациях. Выставление кандидатов от Акали дал при мажоритарной системе не имело смысла т. к. сикхи не составляли большинства ни в одном из районов. Для сикхских избирателей стоял выбор между Конгрессом и БДС. Джана сангх воспринимался как исключительно индусская партия, кроме того, партия имела отличную от сикхской общины позицию по ключевому «панджабскому вопросу». В этой ситуации, в период нахождения у власти Джавахарлала Неру большая часть делийских сикхов поддерживала ИНК. На выборах в городское законодательное собрание в 1951 г. депутаты-сикхи были избраны только от Конгресса. В их числе был и Гурмух Нихал Сингх, который в 1955-1956 гг. возглавлял конгрессиистское правительство Дели. Электоральная поддержка Конгресса резко упала только

²²⁷ Government of NCT of Delhi – *Statistical Abstract of Delhi 2012*, p. 19

в 1980-ые гг., одновременно начался рост популярности БДП среди сикхской общины Дели. Последнее обстоятельство объясняется и союзом, который БДП и Акали дал заключили на общенациональном уровне. По данным социологических опросов, на выборах в законодательное собрание 1993 г. БДП поддержало 57% сикхов, а ИНК – 33%²²⁸. Союз Акали дал и БДП сохранялся на всех выборах в законодательное собрание Дели. Начиная с выборов 2008 г., БДП уступает право выдвижения в избирательном округе Радурри Гарден кандидату от Акали дал. На выборах 2013 г. кандидат от Акали дал Махиндер Сингх Сирса получил 40.9% голосов избирателей и стал первым представителем партии в законодательном собрании²²⁹.

Акали дал не слишком активно выступает в городской политике, играя роль младшего партнера БДП. Вместе с тем, одним из главных политических событий в жизни сикхов Дели являются выборы в ДСГМК. Эта процедура затрагивает большую часть членов сикхской общины – на выборах 2017 г. было зарегистрировано 383 тыс. избирателей, 175 тыс. приняли участие в голосовании²³⁰. Участие секуляризированной части сикхской общины в выборах затруднено Актом 1971 г., поэтому за места в ДСГМК борются фракции Акали дал.

Начиная с 2002 г., главными конкурентами на выборах в ДСГМК стали фракции Пракаш Сингха Бадала, многолетнего главного министра Панджаба, и Гурчаран Сингха Тохры, бывшего председателя Верховного комитета по управлению гурудварами в Панджабе, которого Бадал отстранил от должности. Сторонники Тохры были исключены из Акали дал, но основали в столице собственную партию – Акали дал (Дели), во главе с Харвиндер Сингхом Сарной. На выборах 2007 г. Акали дал (Дели) победила в 27 из 46 избирательных округов, установив контроль над ДСГМК²³¹. Оппозиция

²²⁸ Kumar, S. *Changing Electoral Politics in Delhi: From Caste to Class*, p. 54.

²²⁹ Statistical Report on General Election, 2013 to the Legislative Assembly of NCT of Delhi. New Delhi, 2015, p. 100.

²³⁰ Ward Wise Final Result of Gurudwara Election 2017, p. 2.

²³¹ Singh, S. *The Sikhs in History*, p. 562.

Пракаш Сингху Бадалу и большинству партии Акали дал поддерживалась правительством Манмохана Сингха. Таким образом, впервые с 1984 г. у власти в Комитете по управлению гурудварами находились союзные ИНК силы.

Тем не менее, уже на выборах 2013 г. Широмани Акали дал Пракаш Сингха Бадала смогла вернуть себе контроль над ДСГМК, победив в 38 округах. На выборах 2017 г. партия вновь одержала победу, получив 35 мест, тогда как Акали дал (Дели) победила лишь в 7 округах. Интересно, что на выборах 2017 г. с обеими фракциями Акали дал стала соперничать новая политическая сила – партия Патхик сева дал²³², созданная Автар Сингхом, членом законодательного собрания от ААП. Патхик сева дал получила всего 8,4% голосов сикхских избирателей и не смогла провести ни одного депутата²³³ - тем не менее, сама попытка свидетельствует о стремлении ААП и Арвинда Кеджривала установить контроль над политической жизнью сикхской общины.

Несмотря на то, что силы, поддерживаемые Кеджривалом, потерпели неудачу на выборах в ДСГМК, новая партия смогла заручиться поддержкой община на городских выборах. На выборах в законодательное собрание 2013 г. ААП поддержало 26% сикхов, на выборах в Лок сабху – 16%, но на выборах 2015 г. за ААП проголосовало абсолютное большинство сикхской общине – более 57%²³⁴. От ААП в законодательное собрание прошло четыре кандидата-сикха. Кроме уже упоминавшегося Автар Сингха, общину представляли Джарнейл Сингх (от Раджури Гарден), Джагдип Сингх (от Хари Нагар - в своих округах оба победили кандидатов от Акали дал) и Джарнейл Сингх (от Тилак Нагар)²³⁵.

²³² Партия приверженцев [истинного] пути (*хинди*)

²³³ Ward Wise Final Result of Gurudwara Election 2017, p. 3

²³⁴ 77% Muslims, 57% Sikhs voted for AAP. The Indian Express: e-paper. 2015. URL: <https://indianexpress.com/article/india/india-others/77-muslims-57-sikhs-voted-aap/> (accessed 27.08.2019)

²³⁵ Only 4 Sikh candidates emerge victorious, all of AAP. The Tribune: e-paper. 2015. URL: <https://www.tribuneindia.com/news/nation/only-4-sikh-candidates-emerge-victorious-all-of-aap/>

Индусская община

81,7% населения Дели составляют индусы. Роль религии в жизни столицы проявляется в различных сферах, но в данной работе нас, прежде всего, интересует политическая роль индуизма – влияние на расстановку политических сил и результаты выборов.

Во многом, Дели можно считать родиной «политического индуизма». Сейчас это понятие в первую очередь ассоциируется с организациями «Сангх паривар». – Раштрия сваямсевак сангх и Вишва хинду паришад. Но зачинателем индусского движения в Дели первоначально выступало общество Арья самадж.

Несмотря на то, что местом основания Арья самадж в 1875 г. был Бомбей, уже через несколько лет члены общества распространили свою деятельность на северные регионы страны. В 1878 г. руководитель Арья самадж Даянанда Сарасвати основал первое отделение организации в Дели²³⁶. В дальнейшем появилось множество отделений по всему Панджабу, в том числе, в западных областях региона, где преобладали мусульмане. Именно в городах, где существовали крупные неиндусские общины (Лахор, Пешавар и т. д.) деятельность арьясамаджистов проходила с наибольшим успехом. Проповеди Арья самадж давали результат и в Дели - городе с очень большой мусульманской общиной, кроме того, бывшим одним из центров деятельности христианских проповедников в Северной Индии. Именно противостояние распространяющемуся среди низкастовых групп христианству было одной из главных целей Арья самадж.

В противостоянии миссионерам сторонники Даянанды Сарасвати старались копировать их методы. Члены Арья самадж основывали школы, социальные учреждения, приюты для сирот. В 1886 г. в Дели был создан Комитет по управлению англо-ведийскими школами Даянанды Сарасвати.

[40614.html](#) (accessed 27.08.2019)

²³⁶ Jaffrelot, C. *Religion, Caste, and Politics in India*, p. 282.

Подобная деятельность Арья самадж была достаточно эффективна. По данным британских властей, в 1931 г. из 400 тыс. делийских индусов более 50 тысяч участвовало в деятельности общества²³⁷. В 1909 г. из Бомбея в Дели была перенесена штаб-квартира Арья самадж. Общество выстраивало сеть образовательных и социальных учреждений, которую впоследствии скопирует «Сангх паривар».

Изначально Арья самадж не связывалась напрямую с индусским политическим движением, которое с 1915 г. олицетворяла партия Хинду махасабха, деятельность которой в северных районах страны также управлялась из Дели²³⁸. Несмотря на то, что Хинду махасабха являлась политической организацией, фактически в 1920-ые – 1930-ые гг. она занималась практически той же деятельностью, что и Арья самадж, концентрируясь на организации религиозной жизни внутри индусской общины. Индусские организации в Дели в тот период действовали совместно. Одна из знаковых фигур того периода, объединяющей все общинные организации города, стал Свами Шраддхананда.

Шраддхананда (при рождении Мунши Рам Видж) был уроженцем Панджаба. Он родился в семье полицейского офицера и получил западное воспитание. В 1880-ые гг. он познакомился с Даянандой Сарасвати и стал его учеником и последователем. С 1910-ых гг. Свами Шраддхананда начал проповедь в Дели, став одним из самых ярких представителей индусского движения в городе.

С одной стороны, Свами Шраддхананда был одним из лидеров движения гражданского неповиновения в Дели, сотрудничая с представителями мусульманской общины. В 1919 г., вместе с Хаким Аджмал Ханом, он участвовал в халифатистских митингах²³⁹. Он состоял в хороших отношениях с Махатмой Ганди, а по кастовым вопросам

²³⁷ Census of India, Delhi, 1933, p. 120.

²³⁸ Bapu, P. *Hindu Mahasabha in Colonial North India, 1915-1930*. New York, 2013, p.23.

²³⁹ Chaudhuri B. *Nationalist movement in Delhi 1911-1932*, p. 51.

конфликтовал с консервативной частью Хинду махасабхи. На сессии ХМС в августе 1923 г. Свами Шраддхананда выступил за «принятие неприкасаемых в состав великого арийского братства»²⁴⁰. В знак протеста против кастовой политики ХМС он покинул организацию в 1926 г.

С другой стороны, Свами Шраддхананда был главным организатором и идеологом практики шуддхи²⁴¹ - «возвращения индийских христиан и мусульман в индуизм. Наиболее активно Арья самадж организовывала подобные кампании именно в Дели и Панджабе. Большинство церемоний шуддхи, проведённые Арья самадж не признавались ХМС, но наибольшее раздражение подобная практика вызывала в среде мусульман. Проблема шуддхи стала поводом для нескольких межобщинных конфликтов в Дели в 1920-ые гг. В декабре 1926 г. Свами Шраддхананда был убит мусульманином, что спровоцировало новые столкновения в городе.

Таким образом, с конца 1870-ых гг. в Дели происходит организационное оформление индусской общины. Под руководством Арья самадж, ХМС и других организаций (Санатан дхарма сабха²⁴² и т. д.) происходит постепенное установление контроля над храмами, создание общинных школ, органов социального обеспечения и т. д. Именно с этими структурами столкнулся РСС, когда в конце 1930-ых гг. начал распространять своё влияние на Дели и другие североиндийские регионы, и именно они обеспечили организации быстрый рост.

РСС был создан в 1925 г. на основе Хинду сабхи в Нагпуре (современный штат Махараштра). Изначально группа воспринималась как молодёжное крыло Хинду махасабхи, но к концу 1930-ых гг. произошло охлаждение отношений между лидером ХМС Саваркар и главой РСС К. Б. Хедгеваром²⁴³.

²⁴⁰ Вару, Р. *Hindu Mahasabha in Colonial North India, 1915-1930*. New York, 2013, p. 52.

²⁴¹ Очищение (санскр.)

²⁴² Общество изначальной веры (санскр.)

²⁴³ Andersen, W. *The Brotherhood in Saffron: The Rashtriya Swayamsevak Sangh and Hindu Revivalism*, p. 36.

И Хедгевар, и практически все основатели РСС, были маратхскими брахманами, на рубеже 1920-1930-ых гг. РСС действовал практически исключительно в восточных районах Махараштры. Но, с середины 1930-ых гг. началось постепенное расширение сферы влияния. Во-первых, РСС объединился с рядом групп схожего направления в Бомбее. Во-вторых, посланцы Хедгевара направились на север, установив связи с индускими организациями Панджаба – прежде всего, с Арья самадж. Хедгевар – с Бхай Парманандой – одним из руководителей арьясамаджистов в Панджабе, посетил Дели и Карачи. Тем не менее, несмотря на сходства с другими индускими движениями, РСС коренным образом отличался от них в организационной сфере.

Базовой единицей РСС является *шакха*²⁴⁴. Шакхой называется регулярно собирающаяся группа сваямсеваков, объединенная по территориальному признаку. Такие группы Хедгевар стал организовывать уже в первые месяцы после создания организации в 1925 г. Через 90 лет, в 2015 г., на территории Индии действовало более 51 тысячи шакх²⁴⁵. Голвалкар говорил, что «только на уровне шакхи можно полностью проникнуться духом нашей организации»²⁴⁶. Действительно, основная функция шакхи – поддержание постоянного контакта между членами организации и создание чувства братства сваямсеваков. Внутренняя же структура шакхи во многом повторяет структуру РСС на общенациональном уровне.

Рекомендованная численность шакхи – около сотни полноправных членов-сваямсеваков. Естественно, численность шакхи может несколько отличаться в зависимости от специфики конкретного региона. Члены шакхи разделены на шесть возрастных групп – *шишу* (до 7 лет), *бал* (7-11 лет), *кишор* (12-16 лет), *тарун* (17-25 лет), *юва* (25-39 лет) и *праудха* (40 лет и

²⁴⁴ Ветвь (*санскр.*)

²⁴⁵ Times of India, Aug 16 2015

²⁴⁶ Golwalkar M. S. *Bunch of Thoughts*, p. 512.

старше)²⁴⁷. Каждую возрастную группу (*гату*) возглавляет *гатанаяк*. Кроме того, к каждой гате приставлен *шикишак* (учитель), отвечающий за физическую и идеологическую подготовку. Помимо руководителей возрастных групп и учителей, в шакхе есть уполномоченные (*прамукхи*) по определенным направлениям деятельности – идеологии, социальной работе, физподготовке, связям с дружественными организациями. Фактически, мы видим, что любой активный сваямсевак может претендовать на руководящую должность, хотя бы на низшем уровне.

Над шакхой существует многоступенчатая иерархия. Первый уровень – это организация на уровне городского района (*мандал*). Мандалы РСС объединяются в организацию на уровне города (*нагар*). Именно на этом уровне происходит большая часть повседневной работы. Руководство городского комитета построено по тому же принципу, что и в низших звеньях. Следующая ступень – уровень района (*зила*), объединяющий уже городские и сельские шакхи.

На региональном уровне РСС делится на 11 *кшетр* и 40 *прантов*. Интересно, что границы региональных отделений не всегда совпадают с границами штатов. Кшетра чаще всего включает в себя несколько штатов, объединенных по географическому признаку (Юг, Центр, Северо-восток и т. д.).

Как и на всех уровнях организации, руководство прантов и кшетр (*сангхчалаки*) не избирается, а назначается. Но если на уровне шакх и районов руководители назначаются из местных активистов, то сангхчалаки присылаются непосредственно из центра. Многие из них не являются уроженцами подопечных регионов, что устраивает центральное руководство, которое старается чаще перемещать руководителей по разным штатам.

²⁴⁷ Kanungo P. RSS Tryst with politics. From Hedgewar to Sudarshan, p. 69

На провинциальном уровне существуют и избранные органы – собрания представителей (*Пратинидхи сабха*). Общенациональным представительным органом является Всеиндийское собрание представителей (*Акхил Бхаратия Пратинидхи Сабха*), собирающаяся раз в год. На ней присутствуют делегаты, избранные провинциальными собраниями, праچارаки, отвечающие за развитие конкретных регионов и представители союзных организаций. Фактически, это единственный орган, представляющий весь «Сангх Паривар». Из-за слишком большого количества участников и всего трёхдневного срока заседаний Всеиндийское собрание не является действительным центром принятия решений, скорее играя роль своеобразного форума, где общаются представители союзных организаций. Тем не менее, формально, Пратинидхи сабха является органом, избирающим Генерального секретаря (*саркарьяваха*), который формирует Центральный Рабочий Комитет (*Кендрия карьякари мандал*)²⁴⁸.

Должность сарсангхчалака официально появилась в ноябре 1929 г., когда лидеры РСС окончательно утвердили в организации принцип единоначалия²⁴⁹. Естественно, Хедгевар и до этого возглавлял РСС, но после 1929 г. руководитель организации обладал практически неограниченными полномочиями, в том числе, правом самостоятельно выбирать собственного преемника. Должность сарсангхчалака является пожизненной и несменяемой, попыток отправить Верховного руководителя в отставку за всю историю РСС не было.

Институт праچارаков имеет более позднее происхождение – он был сформирован в конце 30-ых – начале 40-ых гг. Голвалкар, попытавшимся создать внутри организации некий орден или «внутреннюю партию». Праچارаком становится сваямсевак, решивший полностью посвятить себя работе в организации. Единственной его деятельностью становится работа на РСС, который и обеспечивает праچارака необходимыми средствами.

²⁴⁸ Kanungo P. *RSS Tryst with politics. From Hedgewar to Sudarshan*, p. 75

²⁴⁹ *RSS Tryst with politics. From Hedgewar to Sudarshan*, p. 46.

Прачараки принимают обеты безбрачия и нестяжательства – обеты могут приниматься как пожизненно, так и на определенное время. Ключевым моментом является то, что сваямсевак не может стать прачараком по собственному желанию – его должны счесть достойным старшие члены сообщества. Обычно обеты принимают молодые люди 15-25 лет из сравнительно обеспеченных и образованных высококастовых семей²⁵⁰. Чаще всего, эти семьи связаны с РСС уже не в первом поколении.

Для создания отделения РСС в Дели Голвалкар направил в город Васанта Рао Оке. Этот человек происходил из семьи брахманов-читпаванов, состоял в РСС со дня основания, был прачараком и секретарём Хедгевара. Оке отвечал за создание тренировочных лагерей РСС в Махараштре и основывал отделения организации в Бомбее и Пуне. Посылка Оке в Дели показывала исключительную важность направления для РСС. Он и далее оказывался на первых ролях в организации, выступив в начале 1950-ых гг. одним из основателей Бхаратия джана санха.

Оке организовал первую шакху в Дели в ноябре 1936 г. – развитию РСС на местах помогало сотрудничество с Арья самадж и с другими индускими организациями, но особую роль сыграла помощь РСС со стороны бизнесменов-индусов. Первоначальный центр активности РСС в городе располагался в храме Лакшминараян, здесь проводились первые собрания шакхи и велась вербовка сторонников²⁵¹. Храм Лакшминараян, самый большой индульский храм в Дели, был построен в середине 1930-ых гг. на средства семейства Бирла. Глава семьи Балдео Дас Бирла финансировал и раннюю деятельность сваямсеваков в Дели.

Организацию поддерживали и другие представители индийского бизнеса – в 1940 г. сангхчалаком РСС в Дели становится Лала Харичандра Гупта, член муниципального совета и крупный землевладелец. Финансовую

²⁵⁰ Andersen W. K. *The Brotherhood in Saffron: The Rashtrya Swayamsewak Sangh and Hindu Revivalism*, p. 88.

²⁵¹ Jaffrelot, C. *Religion, Caste, and Politics in India*, p. 283.

помощь РСС в городе оказывал и Лала Хансрадж Гупта, председатель Всеиндийской ассоциации промышленников.

Быстрому росту РСС в Дели (в 1937 г. в городе было всего шесть шакх, в 1947 г. – более сотни) способствовала не только поддержка бизнеса и сотрудничество местных торговых элит с выходцами из Махараштры. Большую роль играла активность РСС на низовом уровне – организация массовых мероприятий, тренировочных лагерей и т. д. РСС был изначально нацелен на пропаганду среди городского населения, имеющего хотя бы начальное образование. Именно в больших городах организация развивалась быстрее всего. Кроме того, руководство РСС первоначально обходило политические конфликты и не шло на конфронтацию с англичанами.

К августу 1947 г. на Дели и Панджаб приходилось более 20% членов РСС²⁵². В самом городе сваямсеваки стали одной из главных сил. Летом 1947 г. руководители ИНК консультировались с Голвалкарсом по поводу поддержания порядка в городе. Дополнительно усилил делийский РСС поток беженцев из ставшего независимым Пакистана.

Шакхи РСС действовали в Панджабе, Синде и Северо-западной пограничной провинции – в этих местах индуские организации с начала XX в. пользовались высокой популярностью. В ходе раздела Британской Индии сваямсеваки участвовали в организации эвакуации индуского населения, что объясняет высокий авторитет РСС среди беженцев в Дели. Осенью-зимой 1947 г. в столицу прибыл ряд деятелей РСС из западных районов – эти люди впоследствии сыграли ключевую роль в развитии городской организации.

Наиболее известные членами РСС среди беженцев стали Лал Кришна Адвани, бывший прачарак в Карачи, и Балрадж Мадхок из Кашмира. Кевалрам Малкани, впоследствии ставший президентом БДП, также был членом РСС и перебрался в Дели из Карачи. Практически все будущие

²⁵² Religion, Caste, and Politics in India, p. 191.

лидеры БДС/БДП в Дели были эмигрантами из Пакистана и активистами РСС с юношеских лет – Кедарнатх Сахани родился в Равалпинди, Виджай Кумар Малхотра из Лахора, Мадан Лал Кхурана, будущий глава делийского правительства, родился в Фейсалабаде. «Пакистанцы» составили костяк организации в Дели. Многие из них занимались исключительно работой в РСС – раньше большинство сваямсеваков совмещали общественную работу с бизнесом или государственной службой.

Сваямсеваки принимали участие в погромах мусульман в октябре 1947 г. Вместе с тем, РСС не выступал единственным инициатором погромов. В событиях октября 1947 г. участвовали и беженцы из Пакистана, как индусы, так и сикхи. Активное участие в погромах принимали и активисты ИНК на низовом уровне. При этом, никаких мер против делийского РСС со стороны властей принято не было – конфликт с властями начался только после убийства Ганди в январе 1948 г.

Надхурам Годзе и его сообщники представляли организацию Хинду раштра дал, базировавшуюся в Махараштре. Они вышли из РСС в 1942 г., так как их не устраивала «умеренность» Голвалкара. Скорее всего, непосредственно руководство РСС не было причастно к покушению, хотя к Ганди относилось крайне негативно. Тем не менее, после убийства Ганди на деятельность РСС 4 февраля 1948 г. был наложен запрет и начались аресты членов организации.

В Нагпуре был арестован Голвалкар и другие руководители организации, в Дели аресты также носили массовый характер. Полицейские данные того периода дают представление как о численности организации в городе, так и о её социальном составе.

Всего с начала февраля 1948 г. и по 1 февраля 1949 г. было задержано 2 020 активистов РСС в Дели (эти цифры включают и отпущенных сразу после беседы в полиции). Основную массу арестованных составляли

торговцы (664 человек) и студенты различных городских учебных заведений (437 человек)²⁵³. Таким образом, основную базу РСС, как ранее у Арья самадж и у всех индусских политических движений, составляли городские предпринимательские круги. Вместе с тем, была создана устойчивая база в среде учащихся – именно в период запрета РСС в июле 1948 г. произошло объединение студенческих групп в Делийском университете и ряда групп панджабских студентов-беженцев во Всеиндийский союз студентов (Акхил бхаратий видьяртхи паришад), позднее тесно сотрудничавший с РСС и Бхаратия джана сангх. Также – среди арестованных в Дели сторонников РСС. Среди арестованных была достаточно велика и доля государственных служащих (146 человек). В этот период многие высшие руководители ИНК, например, Патель и Тандон, сочувствовали «индусскому делу». Среди чиновников низового уровня ещё более велико сочувствие к РСС, которое до 1948 г. не осуждалось. Факт сотрудничества госслужащих со сваямсеваками стал вызывать озабоченность только после убийства Ганди.

Даже после того, как запрет на деятельность РСС был формально снят в июле 1949 г. – связи организации с государственными органами строго контролировались. Тем же летом 1949 г. МВД рекомендовало начальнику делийской полиции продолжить негласное наблюдение за чиновниками, состоящими (или ранее состоявшими) в РСС²⁵⁴. Указывалось, что, хотя РСС формально прекратил противоправную деятельность и чиновники, состоящие в организации, не нарушают закона, МВД всё равно считает сваямсеваков опасными для конституционного строя и для порядка в столице.

Среди членов РСС, делам которых давали ход, чиновников непропорционально много – на 16 февраля 1949 г. под следствием в тюрьмах

²⁵³ Delhi Archives, 46/1949 – C. RSS activities/fortinghtly statements of convictions and detentions

²⁵⁴ Delhi Archives, 138/1949 – Governmental servants taking part in RSS activities
Confidential/Chief Comissioner

содержалось 136 человек, из них 54 госслужащих. Но с марта 1949 г. началось быстрое снижение количества арестов и постепенный выход РСС из подполья.

Развитие РСС в Дели после 1947 г. шло не только в рамках увеличения количества шакх. После заключения союза с Бхаратия джана сангх началось выстраивание системы союзных организаций самого различного профиля, позже ставшей известной как «Сангх паривар». Именно система профсоюзных, образовательных и религиозных организаций стала основой деятельности индусских националистов как в столице, так и по всей Индии. С конца 1940-ых гг. – линия на преодоление изоляции.

Профсоюзное движение было наиболее спорным начинанием с точки зрения тогдашнего руководства РСС и Джана сангх. С начала 1920-ых гг. в зарождающемся индийском профсоюзном движении – очень сильно влияние коммунистов, поставивших под контроль крупнейшую рабочую организацию – Всеиндийский конгресс профсоюзов. Немарксистские профсоюзы, как конгрессисты, так и индусские националисты, находились в меньшинстве. В 1955 г. произошло объединение индусских рабочих организаций в Бхаратия маздур сангх²⁵⁵ под эгидой РСС. Идеология БМС строилась на отрицании концепции классовой борьбы и необходимости противодействия «антинациональным силам» в экономике. Главой нового движения стал Д. Тхенгаде, сваямсевак из Бомбея.

Ещё в 1960-ые гг. БМС был маргинальной организацей на фоне левых профсоюзов. Последние и сейчас доминируют в восточных и южных регионах страны. Но хиндиязычный пояс постепенно становился зоной влияния БМС. Особенно это относится к Дели, где БМС стал самым крупным профсоюзом в городе – в 1987 г. городская организация насчитывала 655 тыс.

²⁵⁵ Индийский рабочий союз (хинди)

членов, в 2002 г. – 526 тыс. Его ближайшим конкурентом в столице является внепартийный профсоюз Хинд маздур сабха²⁵⁶ (196 тыс. членов в 2011 г.)²⁵⁷.

БМС приобрёл большую популярность после организации забастовок в ходе чрезвычайного положения. Тем не менее, после того, как БДП оказалась у власти, выявились серьёзные противоречия между партийным и профсоюзным руководством в вопросах экономической политики. Действия БМС в профсоюзной сфере обуславливаются его связями с другими организациями «Сангх паривар». Например, в январе 2019 г. руководство БМС отказалось поддержать всеобщую забастовку, направленную против политики правительства Нарендры Моди. В периоды нахождения БДП у власти неизменно происходит отток членов из БМС в другие профсоюзы как в Дели, так и по всей стране. Тем не менее, и сейчас профсоюзы являются важной составляющей политического влияния индусских националистов в столице.

Индусское студенческое движение представлял Акхил бхаратия видьяртхи паришад²⁵⁸ (АБВП), который был основан в Дели в 1948 г. Развитие студенческого и профсоюзного движений имеют много общих черт – изначально в студенческом движении доминируют сторонники коммунистов, индусские националисты находились в меньшинстве. АБВП первоначально опирается на поддержку студентов-беженцев из Пакистана.

Базой АБВП в столице с самого начала был Делийский университет. Традиционно индусская организация являлась одной из главных сил в университете, соперничая за места в студенческом совете только с Конгрессом. На выборах 2015 г. противниками АБВП были не только конгрессисты, но и новая организация – Чхатра юва сангхарш самити – студенческое крыло ААП, одержавшей впечатляющую победу на делийских выборах в феврале 2015 г. Однако настроения в университете отличались от

²⁵⁶ Союз индийских рабочих (*хинди*)

²⁵⁷ <http://www.hindmazdoorsabha.com/hms-members.php>

²⁵⁸ Всеиндийский союз студентов (*хинди*)

общегородских – все четыре места в совете университета получил АБВП²⁵⁹. В отличие от JNU, большинство студентов Делийского университета происходит из хиндиязычных областей. Можно предположить, что подобные настроения типичны для их родных штатов.

Университетские выборы 2018 г. вновь принесли победу АБВП²⁶⁰. В других учебных заведениях ситуация гораздо менее однозначная. Например, в JNU АБВП находится в явном меньшинстве. Тем не менее, на сегодняшний день инусское студенческое движение имеет представительство в большинстве высших учебных заведений города.

Параллельно с установлением влияния в высших учебных заведениях «Сангх паривар» предпринимал усилия по созданию собственной системы начального и среднего образования. Корни этой системы следует искать в школах Арья самадж, а с 1940-ых гг. происходит создание сети школ под патронажем РСС. С 1977 г. эти школы были объединены в ассоциацию Видья Бхарати.

Координационная структура Виьдья Бхарати на 2015 г. охватывала около 3,5 млн. учеников (в самом Дели - 54 школы и 26 тыс. учеников)²⁶¹. С одной стороны, эти школы следуют государственным образовательным прогромамам, с другой стороны, на них оказывает сильное влияние РСС.

Распорядок учебного дня, форма учеников и т. д. вызывают ассоциации с шакхами РСС. Особый упор делается на преподавание хинди, санскрита и региональных языков. Естественно, наибольшая доля пропаганды приходится на преподавание гуманитарных предметов. В классах часто

²⁵⁹ *BJP's Student Wing ABVP Sweeps Delhi University Elections*. NDTV: e-paper. 2015. URL: <http://www.ndtv.com/delhi-news/bjps-student-wing-abvp-sweeps-delhi-university-elections-1216833> (accessed 27.08.2019)

²⁶⁰ *After ABVP Sweeps DUSU Elections, Cong Cries Foul Over EVM Tampering*. News18.com; e-paper. 2015. URL: <https://www.news18.com/news/politics/after-abvp-sweeps-dusu-elections-cong-cries-foul-over-evm-tampering-1877527.html> (accessed 27.08.2019)

²⁶¹ *Vidya Bharati Akhil Bhartiya Shiksha Sansthan*. URL: <http://vidyabharatinri.org/location/delhi> (accessed 27.08.2019)

присутствовали портреты Голвалкара и карты «Великой Индии», включающей территории Пакистана и Бангладеш²⁶².

История социальных программ «Сангх Паривар» восходит к 1947 г., когда в Дели было основано Хинду Сахаята Самити²⁶³, основной целью которого была реабилитация беженцев из Пакистана и помощь новоприбывшим с жильем и работой. В 1940-ые – 50-ые гг. большая часть социально-благотворительных проектов РСС была направлена на помощь беженцам раздела, но позднее развернул деятельность и среди прочих слоев населения.

Наиболее значимой организация индусских националистов после РСС являлся Вишва хинду паришад. Начиная с 1940-ых гг. индусские националисты начали стремиться установить полный контроль над религиозной жизнью. ВХП был основан в Аллахабаде в 1964 г., первоначально декларировался умеренный характер организации и делался упор на деятельность в диаспоре. В 1984 г. под эгидой ВХП и видного индусского деятеля Свами Чинмаянанды в Дели был созван *Дхарма сансад* – «парламент религий», включавший представителей индусов, сикхов, джайнов и буддистов.

Деятельность ВХП была изначально направлена на то, чтобы координировать работу глав крупнейших храмов и наиболее авторитетных представителей индусской религии. Особенных успехов ВХП достигал в крупных городах, в том числе, в Дели. В Дели ВХП чаще приходилось не устанавливать контроль над старыми храмами, а строить новые. В начале XX века в Дели практически не было крупных храмов, общенациональных объектов паломничества.

²⁶² Sarkar, T. *Educating the Children of Hindu Rashtra: notes on RSS Schools*. South Asia Bulletin, XIV (2), 1994, p. 201.

²⁶³ Индусское общество взаимопомощи (*хинди*)

Ещё в 1930-ые гг. Лакшминараян, крупнейший храм в Дели, возведённый на средства семейства Бирла, сразу стал центром индуистской политической активности. После 1947 г. началось массовое строительство новых храмов.

Часть храмов основывалась объединениями различных землячеств, во множестве появляющихся после начала бурного роста делийского населения в конце 1940-ых гг. Примерами подобных храмов могут служить Уттара Свами Малай, построенный в 1973 г. на средства выходцев из Тамилнаду и Кералы, или возведённый в 1970-ые гг. крупный храм Джаганнатх, вокруг которого концентрировались выходцы из Ориссы. К той же группе относится бенгальский храм в Читтаранджан-Парке. Тем не менее, храмы, объединяющие прихожан по этническому признаку, составляют незначительное меньшинство. Большая часть храмов строилась в новых городских районах – за период после 1947 г. в Дели было возведено более шести сотен новых индуистских храмов.

Параллельно шло строительство крупных общегородских храмов – в 1974 г. был основан храм Чхатарпур-мандир, на тот момент крупнейший в Дели. С начала 1990-ых гг. – на восточном берегу Ямуны было начато строительство храмового комплекса Акшардхам, продолжавшееся до ноября 2005 г. Акшардхам стал вторым по площади храмовым комплексом Индии.

Формально ВХП не осуществляет контроль над Акшардхамом, но ассоциация, организовавшая строительство храма ещё с 1960-ых гг. имела тесные связи с ВХП. По тому же принципу можно говорить и о ситуации в других храмах столицы. Господство ВХП в этой сфере безальтернативно – не существует другой «зонтичной» организации, претендующей на объединение всех индуистских религиозных групп.

Одним из основных направлений деятельности ВХП в Дели стала борьба за запрет убоя коров. В 1966 г. началась совместная кампания Арья

Самадж, ВХП и БДС за полный запрет убоя, активисты блокировали здание парламента. Кульминацией кампании стали события 7 ноября 1966 г., когда сторонники ВХП попытались прорвать полицейский кордон и ворваться в парламент – полицейские применяют дубинки и слезоточивый газ, затем открыли огонь. Погибло семеро сторонников ВХП и один полицейский²⁶⁴.

Активные кампании ВХП в Дели в итоге увенчались успехом – делийский закон о защите крупного рогатого скота 1993 г. был принят законодательной ассамблеей в жёстких формулировках, строже, чем в среднем по стране. Был запрещён забой не только коров, но и волов, также запрещался вывоз скота из Дели в другие штаты и союзные территории для забоя, торговля и владение говядиной²⁶⁵.

Крупнейшей акцией, организатором которой выступил ВХП на рубеже 1980-ых – 1990-ых гг., была кампания за строительство храма Рамы в Айодхье на месте мечети Бабура. Позднее к движению присоединились и другие организации «Сангх паривар». Возглавляемая одним из лидеров БДП Л. К. Адвани религиозная процессия (*Ратх ятра*) прибыла в Дели 14 октября 1990 г., что было одним из кульминационных моментов всей кампании. После разрушения мечети Бабура в Дели, особенно в старом городе, имели место межконфессиональные столкновения. Тем не менее, на фоне событий в Мумбаи, где погибли сотни человек, в Дели столкновения не приняли слишком масштабный характер.

Кампания в Айодхье даёт пример слаженных действий «Сангх паривар». Она была начата Вишва хинду паришад, только впоследствии подключились РСС и БДП. Несмотря на определённые внутренние противоречия внутри «Сангх паривар», например, между профсоюзами и политическими лидерами, индусские организации неизменно сохраняют

²⁶⁴ Katju, M. *Vishwa Hindu Parishad and Indian politics*, p. 15.

²⁶⁵ *The Delhi Agricultural Cattle Preservation Act, 1994 (Delhi Act No.7 of 1994)*, § 15.1-7

единство. БДП имеет самую организованную базу поддержки среди всех политических партий в столице.

Нехиндиязычные меньшинства: пример тибетской общины²⁶⁶

Выходцы из хиндиязычных регионов составляют абсолютное большинство делийского населения. К ним примыкают выходцы из Панджаба, практически ассимилировавшиеся в языковом отношении. Общины уроженцев южных и западных регионов составляют незначительное меньшинство жителей столицы. Они появились в городе в XX веке, уже после того, как Дели получил столичный статус. Тем не менее, эти общины играют в городской жизни достаточно значимую роль из-за высокого образовательного и экономического уровня их представителей.

Наиболее крупной нехиндиязычной общиной являются бенгальцы. Согласно переписи населения 2011 г., бенгальская община составляла 213 тыс. человек - 1,3% населения столицы. В колониальный период уроженцы Бенгалии отличались высоким уровнем образования, их было много в колониальном бюрократическом аппарате и среди технических специалистов. Именно в качестве железнодорожных и почтовых служащих бенгальцы массово появились в Дели после переноса столицы в 1911 г. Но наибольшее количество бенгальцев прибыло в Дели после событий 1947 г. - Восточная Бенгалия стала частью Пакистана, из неё выехало почти 2,6 млн. человек. Большая часть из них обосновалась в Западной Бенгалии, но некоторые, особенно бывшие колониальные чиновники, выехали в Дели. Бенгальцы в столице стали достаточно заметны. В 1954 г. была создана Восточно-Пакистанская ассоциация перемещённых лиц, которой покровительствовали высокопоставленные бенгальцы в Дели. В 1968 г. Ассоциация добилась от правительства выделения земли для строительства

²⁶⁶ Раздел основан на материалах авторской статьи - Спектор И. Б. *Индия: тибетская община в Дели (проблемы автономного сообщества в условиях современного мегаполиса)* // Азия и Африка сегодня, № 5, 2018, с. 53-58.

бенгальской колонии²⁶⁷. В Южном Дели была создана Восточно-пакистанская колония перемещённых лиц (East Pakistan Displaced Persons Colony - EPDPC), впоследствии названная в честь Читтаранджана Даса, видного политика начала XX века, выходца из восточной части Бенгалии. К началу XXI в. квартал Читтаранджан-Парк стал центром бенгальской культуры в столице. Рынок бенгальской колонии стал известен и среди остальных делийцев – прежде всего, из-за рыбных продуктов и традиционной бенгальской кухни.

Несколько уступают по численности бенгальцам общины выходцев из Южной Индии – тамилы (82 тыс.) и малаяли (88 тыс.)²⁶⁸. По большей части, они появились в городе уже во второй половине XX в. Их статус в городе схож с бенгальской общиной – высока доля правительственных служащих и образованных специалистов, особенно в медицинской сфере. Южноиндийские общины также группируются вокруг «своих» районов. Для тамилы это Рама Кришна Пурам, для малаяли – Маюр Вихар на восточном берегу Ямуны.

Кроме бенгальцев и уроженцев Южной Индии, в Дели существует большое количество менее крупных землячеств. Особняком стоят выходцы из северо-восточных штатов – Мизорама, Манипура, Нагаленда и Мегхалаи. Это сравнительно малонаселённые территории, имеющие слабые экономические связи с делийским регионом. В основном, прибывающие в Дели уроженцы северо-востока направляются на обучение в городских высших учебных заведениях (прежде всего, в JNU) и на работу в федеральных органах власти. Всего в Дели проживает несколько тысяч представителей северо-восточных народов, концентрирующихся в районе Хумаюнпур около Университета Джавахарлала Неру. Большую роль играет работа представительств штатов (прежде всего, Нагаленда). Кроме того, в

²⁶⁷ *East Bengal Displaced Persons' Association*. URL: <http://ebdp.weebly.com/about-us.html> (accessed 27.08.2019)

²⁶⁸ *Census of India, 2011* URL: <http://www.censusindia.gov.in/2011Census/Language-2011/Part-A.pdf> (accessed 27.08.2019)

различных университетах действуют региональные студенческие организации – например, Студенческий союз мизо.

Активная деятельность нехиндиязычных общин связана с созданием собственной образовательной системы. Бенгальскими школами в Дели управляет общество им. Читтаранджана Даса. Также в столице работает Тамильская образовательная ассоциация и несколько школ с преподаванием на малаялам.

Важную роль в консолидации этнических общин играет религиозная жизнь. Одним из религиозных центров южной диаспоры является Малаи Мандир – этот храм объединяет и тамилы, и малаяли, и телугу. Мигранты с юга настороженно относятся к «северному индуизму», ассоциирующемуся с ВХП. Религиозная жизнь бенгальцев концентрируется вокруг храма Кали в Читтаранджан-Парке. Центральным событием в жизни общины является праздник Дурга-пуджа, который проводится в Дели с начала XX века. Что касается северо-восточных общин, то их религиозная активность определяется принадлежностью к различным протестантским церквям (для нага – баптистской, для мизо и кхаси – пресвитерианской)²⁶⁹.

И бенгальцы, и южноиндийцы являются выходцами из регионов, где политическая ситуация сильно отличается от делийской и не определяется борьбой БДП и ИНК. Тем не менее, региональные политические партии сколько-нибудь серьезной деятельности в столице не проявляют. Западнобенгальский Тринамул конгресс несколько раз без особого успеха пытался выставлять кандидатов на городских выборах. Остальные региональные политические партии заметны только в рамках деятельности своих фракций в Лок сабхе. В городской политике нехиндиязычные меньшинства традиционно выступали на стороне Конгресса, а в последние годы – Конгресса или ААП.

²⁶⁹ McDuie-Ra, D. *Northeast Migrants in Delhi: Race, Refuge and Retail*, p.159.

Занимающиеся квалифицированным трудом бенгальцы, и южноиндийцы не ассимилируются в хиндиязычной среде и поддерживают связи со своими штатами. В Дели достаточно легко формировались автономные этнолингвистические сообщества - ярким примером такого сообщества может являться тибетская община.

Первые тибетцы оказались в Дели уже к 1959 г. Главным местом концентрации беженцев на первых этапах стал квартал Ладакх Буддх Вихар в центре города.

Поселение выходцев из Ладакха (региона с преобладающим буддийско-тибетским населением в составе современного штата Джамму и Кашмир) появилось в Дели после 1947 г. В это время Ладакх приобрёл важность как передний край кашмирского конфликта. Бакула Ринпоче, один из лидеров ладакхских буддистов, пропагандировал связь Ладакха с Индией. Ему принадлежала идея строительства странноприимного дома (*вихар*) для ладакхцев, приезжающих в Дели²⁷⁰. Джавахарлал Неру выделил для строительства участок на берегу реки Ямуна рядом с районом Сивил-Лайнз – традиционным местом проживания британцев в Дели с начала XIX в.

В 1950-ые гг. Ладакх Вихар не был местом постоянного проживания – здесь размещались только буддийская школа и странноприимный дом. Но именно Ладакх Вихар было единственным буддийским центром тибетской традиции в Дели и именно это место стало центром притяжения тибетских беженцев в 1959 г. и позднее.

До 1962 г. количество тибетцев в Дели было крайне небольшим. Действительно массовый наплыв беженцев произошёл в ходе китайско-индийской войны – боясь вторжения китайской армии, тибетцы из приграничных лагерей массово бежали в Дели. Ладакх Вихар не мог

²⁷⁰ Dodin T. The Ladakh Buddh Vihar of Delhi: the fate of the Ladakhi Outpost in the Indian Capital// *Proceedings of the Ninth Seminar of the International Association for Tibetan Studies*, Part I. Leiden 2002, pp. 387-415, p. 390.

разместить всех беженцев, буддийской общине понадобилась финансовая и организационная помощь правительства. Для индийского руководства привлечение внимания к проблеме тибетских беженцев было важно для того, чтобы получить поддержку международного сообщества в противостоянии с Китаем. В Дели оказание помощи тибетским беженцам организовывала лично Индира Ганди.

После войны часть тибетцев вернулась обратно в лагеря беженцев, но часть осталась в Дели, занявшись мелкой торговлей. Возле Ладакх Вихара возник тибетский рынок, ориентированный в основном на туристов. Это провоцировало напряжённость в отношениях между ладакхцами и тибетцами – в 1989 г. столкновения между ладакхцами-студентами буддийской школы и тибетскими торговцами потребовали вмешательства представителей «тибетского правительства».

Конфликты с ладакхцами и небольшие размеры поселения вынудили тибетцев искать другое место для размещения в Дели. Крупнейший тибетский лагерь в Дели возник к северу по берегу Ямуны, рядом с сикхской гурудварой Маджну-ка-Тилла. Это одна из первых сикхский святынь Дели, связанная с именами Гуру Нанак и Гуру Харгобинда. Тем не менее, в 1960-ые гг. район Маджну-ка-Тиллы был малонаселённой городской окраиной.

Статус тибетского поселения в Маджну-ка-Тилле (официальное название – Нью Аруна Нагар Колони, тибетское название – Самъелинг) не определён. С точки зрения «тибетского правительства» в Дхарамсале, район населяют граждане независимого Тибета. С точки зрения индийского правительства, район населяют лица без гражданства, которые находятся в Дели до гипотетического разрешения тибетской проблемы. Статус земли, на которой расположена тибетская колония тоже не до конца ясен –

периодически делийские власти выдвигают проекты перемещения или расселения тибетской колонии в рамках обустройства берегов Ямуны²⁷¹.

По данным «тибетского правительства» к 2000 г. в Дели проживало 378 тибетских семей – всего около 2500 человек²⁷². Кроме того, некоторое количество тибетцев проживает в Ладакх Вихаре или вообще за пределами «тибетских» районов. Тибетское население Дели зависит и от времени года так как сезонная миграция из лагерей беженцев является важной составляющей экономической жизни общины.

В первые годы жизни в Дели основной доход тибетские беженцы получали от продажи чанга – традиционного слабоалкогольного напитка на основе ячменя. По некоторым данным, в конце 1960-ых гг. изготовление и продажа чанга были основным источником дохода для более чем 50% населения Маджну-ка-Тиллы, которая стала известна под названием «Чангтаун». То, что тибетская колония ассоциировалась именно с торговлей алкоголем первоначально не способствовало положительному образу мигрантов в глазах делийского населения. В конце 1960-ых гг. власти Дели установили контроль над торговлей чангом и большая часть тибетцев нашла другие способы заработка.

Основным занятием тибетских мигрантов долгое время была продажа изделий традиционных ремёсел как в самой Маджну-ка-Тилле, так и по всему Дели. Прежде всего, продается шерстяная одежда, которая особенно востребована делийской зимой. В декабре-январе тибетское население города увеличивается вдвое – из поселений в Химачал-Прадеш и Уттаракханде прибывают торговцы. Таким образом, часть тибетцев в Дели имеет слабые связи с городом, не располагая даже постоянным местом жительства.

²⁷¹ *Can we still save Majnu-ka-Tilla?* Phayul.com. e-paper. URL: <http://www.phayul.com/news/article.aspx?id=13796&t=1> (accessed 21.06.2018)

²⁷² Klieger P. C. Engendering Tibet: Power, Self, and Change in the Diaspora // *Proceedings of the Ninth Seminar of the IATS, 2000 - Tibet, Self, and the Tibetan Diaspora: Voices of Difference*. Leiden 2002, pp. 139-154, p. 143.

В последние годы одним из главных источников дохода для тибетцев в Дели стал туристический сектор. Тибетская община с самого своего появления в Дели вызывала повышенный интерес у западных туристов. С 1960-ых гг. в Маджну-ка-Тилле были гостиницы, но останавливались в них в основном буддийские паломники, или сами тибетцы, приезжавшие в Индию из США, Европы или Австралии. В начале XXI в. «тибетский квартал» становится одним из туристических центров Дели – в 2017 г. здесь было 65 гостиниц и хостелов²⁷³, район уже можно было сравнить с кварталом Пахаргандж, который десятилетиями был известен своими дешёвыми гостиницами. Популярность «тибетского квартала» среди западных туристов можно объяснить относительно небольшим расстоянием от Маджну-ка-Тиллы до центра города и тем, что внешний вид тибетского поселения существенно отличается от остальных районов Дели. Кроме того, следует учитывать популярность тибетской кухни, которая с 1960-ых гг. распространилась не только по Дели, но и по большинству северных районов Индии. Многие тибетцы в Дели содержат уличные кафе (*дхабы*) или работают поварами в крупных ресторанах города.

С начала 1960-ых гг. Дели стал одним из центров международной активности тибетской эмиграции. Главное тибетское политическое учреждение в городе – Бюро Его Святейшества Далай-ламы – было основано в 1960 г. для взаимодействия с индийским правительством и иностранными посольствами и консульствами. До 1988 г. Бюро фактически выполняло для «правительства в изгнании» роль министерства иностранных дел. Затем в Дхарамсале был создан собственный «департамент информации и иностранных дел», но делийское Бюро до сих пор играет главную роль. В помещении Бюро чаще всего проходят встречи Далай-ламы с европейскими

²⁷³ *Paharganj is old news, Tibetan refugee colony is Delhi's new hub of backpackers*. Hindustan Times: e-paper. <https://www.hindustantimes.com/delhi-news/paharganj-is-old-news-tibetan-refugee-colony-is-delhi-s-new-hub-of-backpackers/story-JOLe24OSAJqDqFmCKgvUnM.html> (accessed 21.06.2018)

и американскими политиками. Например, в декабре 2017 г. состоялась встреча Далай-ламы с бывшим президентом США Бараком Обамой²⁷⁴. Должность представителя Далай-ламы в Дели считается одной из наиболее значительных в «тибетском правительстве» - на данный момент её занимает Касур Нгодуп, ранее возглавлявший департамент безопасности в Дхарамсале²⁷⁵.

Любые встречи с официальными представителями иностранных государств крайне важны для тибетской эмиграции, вызывая резко негативную реакцию властей КНР. Помимо международных контактов, Бюро играет важную роль для рядовых тибетцев, помогая им оформлять документы для поездок за пределы Индии и Непала.

Ещё одним важным органом является «Культурный центр Его Святейшества Далай-ламы» - более известный как «Тибетский дом». Центр занимается пропагандой тибетской культуры, организацией курсов тибетского языка и буддийских праздников, в том числе, на международном уровне. При Культурном центре действуют музей и буддийская библиотека.

Тибетская эмиграция в Дели поддерживает не только внешнеполитические контакты. Важную роль играет лоббирование интересов общины в индийских государственных структурах и установление связей с различными политическими силами внутри страны. В общем и целом, представители всех партий благожелательно относятся к тибетской эмиграции, но наиболее часто используют «тибетскую карту» индусские националисты из БДП. В 1960-ых гг. «противостояние коммунистической угрозе» занимало ключевое место в риторике БДС. Индусские националисты крайне негативно относились к КНР, обвиняя Конгресс и Джавахарлала Неру

²⁷⁴ *Spiritual leader of Tibet and Barack Obama call for action for world peace // Tibet Post International. The Tibet Post: e-paper. 2017. URL: <http://www.thetibetpost.com/en/news-in-focus/5840-the-buddhism-of-tibet-is-the-pure-nalanda-tradition-tibetan-leader> (accessed 21.06.2018)*

²⁷⁵ Kasur Dongchung Ngodup // Bureau of His Holiness Dalai Lama - <http://tibetbureau.in/kasur-dongchung-ngodup/> (accessed 21.06.2018)

в нерешительной международной политике и неспособности защитить Тибет. Во время нахождения в оппозиции «тибетский вопрос» неизменно занимал для БДС и БДП очень важное место. Под патронажем индусских организаций в Дели был создан «Комитет индийско-тибетской дружбы».

После прихода к власти БДП «тибетский вопрос» отошёл на второй план – естественно, правительство Нарендры Моди не поддерживает тибетскую эмиграцию официально. Тем не менее, многие индусские организации имеют по этому вопросу более радикальную позицию – прежде всего, РСС и АБВП. Традиционно эти организации высказывают более жёсткую позицию, чем политическое крыло индусских националистов.

Тибетские лидеры являются активными участниками митингов за бойкот китайских товаров²⁷⁶. Тибетский вопрос представляет удобный повод для критики Нарендры Моди «справа» - понятно, что призывы РСС об официальном признании правительства в Дхарамсале индийское правительство не выполнит.

Большую роль «тибетский вопрос» играет и в риторике студенческого крыла индусских националистов – АБВП. В делийских университетах, прежде всего, в университете им. Джавахарлала Неру, идёт активная борьба различных студенческих группировок. Агитация за «Свободный Тибет» помогает АБВП в борьбе против левых группировок, которые обвиняют в прокитайской направленности.

Интересно, что практически все тибетские организации, занимающиеся международными делами, расположены за пределами «тибетского квартала». Жителей Маджну-ка-Тиллы более интересуют местные проблемы. По этим вопросам главным учреждением является «Тибетская социальная служба», подчиняющаяся департаменту внутренних дел в Дхарамсале. Этот орган

²⁷⁶ *RSS Mega Rally Urged PM Modi To Demand Free Tibet* // Tibetan Journal - <http://www.tibetanjournal.com/rss-mega-rally-urged-modi-demand-free-tibet/> (accessed 21.06.2018)

занимается социальными объектами, контролируемые тибетской диаспорой в Дели. Прежде всего, это тибетские школы - порядок обучения в них регулируется «Центральной тибетской школьной администрацией» совместно с индийским министерством образования. Несмотря на то, что тибетская эмиграция пытается создать собственный центр высшего образования в Бангалуре, большая часть делийских тибетцев получает высшее образование в Делийском университете или в Университете им. Джавахарлала Неру.

Руководство «Тибетской социальной службы» назначается из Дхарамсалы. Кроме того, существуют и местные институты, которые, во многом, определяют жизнь тибетской колонии в Дели. Например, в 2005 г. была основана «Тибетская торговая палата», объединяющая предпринимателей района Маджну-ка-Тилла.

Согласно «Тибетской хартии» 1991 г., в лагерях беженцев вводилось местное самоуправление и должна была избираться местная ассамблея для решения текущих проблем. Действует подобная ассамблея и в Маджну-ка-Тилле, но, в силу особенности положения тибетской колонии в большом городе, большая часть полномочий даже по местным вопросам передана органам «правительства в изгнании».

Гораздо большее значение имеют выборы в общетибетский парламент, в которых принимают участие и жители Дели. После реформ начала 1990-ых гг., когда парламент получил реальные полномочия, выборы стали центральным событием в политической жизни тибетской эмиграции. Избирательные округа отражают географию исторического Тибета, а не тибетских поселений в Индии, поэтому собственного представительства колония в Дели не имеет. Тем не менее, представительство делийских тибетцев в парламенте в Дхарамсале достаточно высоко. На выборах 2016 г. из 45 депутатских мандатов 4 получили делийцы – Ачарья Йеши Пхунцок (получил 6820 голосов избирателей), Аукацанг Юдон (3516 голосов), Кунчок

Ярпхел (2468) и Драза Сонам Норбу (707)²⁷⁷. В выборах принимают участие различные политические партии – (Национально-демократическая партия Тибета, Народная партия Тибета, Тибетский национальный конгресс), но низовой структуры они практически не имеют и в Дели какой-либо регулярной деятельности не ведут²⁷⁸. Гораздо активнее в городе действует Тибетский молодёжный конгресс – главный организатор массовых демонстраций. Наиболее массовые демонстрации проводятся ежегодно 10 марта, в день начала восстания 1959 г., а также во время визитов китайских официальных лиц.

В марте 2017 г. Высокий суд Дели постановил, что тибетцы, родившиеся на территории Индии после 1950 г., имеют право на индийское гражданство. Это решение спровоцировало дискуссии в среде эмиграции. «Центральная тибетская администрация» в Дхарамсале выступает против принятия индийского гражданства, опасаясь, что с исчезновением «особого статуса» тибетцев в Индии понизится и их политическая роль. Вместе с тем, многие тибетцы в Дели за последний год получили индийские паспорта. Это объясняется тем, что статус беженцев создаёт для делийских тибетцев дополнительные проблемы, прежде всего, при путешествиях за границу и при получении кредитов в индийских банках. Одновременно тибетцы всё более интегрируются в городскую политическую жизнь – в 2015 г. они впервые получили право участвовать в выборах в законодательное собрание

²⁷⁷ Dotoe, Domey and U-Tsang // Central Tibetan Administration - <http://tibet.net/wp-content/uploads/2015/12/Dotoe-Domey-and-U-Tsang3.pdf> (accessed 21.06.2018)

²⁷⁸ Национально-демократическая партия была основана в 1994 г. и почти 20 лет оставалась единственной политической силой в среде тибетской эмиграции. Партия выступает за безусловную независимость Тибета, она активно поддерживается представителями диаспоры в западных странах. НДП также поддерживается главой «тибетской администрации» Лобсангом Сангаем. В 2011 г. гражданский активист Тэнцзин Рабгъял основал Народную партию Тибета, которая поддерживает проект достижения полноценной автономии Тибета в составе КНР. На данный момент НДП имеет 16 мест в парламенте, а Народная партия - 13

Дели. Далай-лама лично поздравил победившего на этих выборах Арвинда Кеджривала²⁷⁹.

Мы видим, что небольшая тибетская община, оказавшаяся в Дели в середине XX в., смогла противостоять ассимиляции в полностью иноязычном и инорелигиозном окружении. Во многом это произошло потому, что тибетцы в Дели создали замкнутое поселение внутри мегаполиса, поддерживая постоянные связи со своими соотечественниками в Индии и других странах. Специализация многих тибетцев на традиционных видах экономической деятельности также поддерживает замкнутый характер общины.

Тибетцы в Дели обращают на себя внимание из-за отдельного района проживания, высокой политической активности и особого юридического статуса. Тем не менее, тибетцы являются далеко не единственным этнорелигиозным меньшинством в индийской столице. Помимо традиционных мусульманской и сикхской общин, в городе существует множество сообществ выходцев как из соседних стран, так и из различных индийских штатов. На примере тибетцев мы видим, что небольшая община в индийском мегаполисе может в течении долгого времени поддерживать автономное существование. Роль подобных этноконфессиональных общин играет значительную роль в экономическом и политическом развитии Дели и других индийских мегаполисов.

Специфика делийских районов

Рост населения Дели и быстрое увеличение площади города привели к формированию различных по структуре и истории районов с различным социальным составом населения и формами его политической активности.

²⁷⁹ *When Delhi CM Arvind Kejriwal, Manish Sisodia met Dalai Lama* // India Today - <https://www.indiatoday.in/india/story/dalai-lama-arvind-kejriwal-delhi-cm-deputy-manish-sisodia-245395-2015-03-22> (accessed 21.06.2018)

Быстрота увеличения делийской территории хорошо видна в изменении положения Старого Дели. До 1911 г. практически весь город помещался внутри стен Шахджаханабада, будучи ограничен Кашмирскими воротами на севере, Аджмерскими и Туркменскими на юго-востоке и Делийскими – на юге. Основные центры торговли располагались вокруг улицы Чандни Чоук. Также Старый город был местом сосредоточения основных религиозных центров – внутри стен находятся Соборная мечеть, Фатехпури-масджид, Лал масджид, Шиитская соборная мечеть у Кашмирских ворот, джайнский храм на Чандни Чоук, сикхская гурудвара Сис Гандж. До 1857 г. в Красном форте на территории Старого города находился и городской политический центр. Главенствующая экономическая роль района сохранялась и в начале XX века. В районе действовал и собственный муниципалитет, долгое время сохранявший независимость от муниципалитетов «новых районов».

Однако, уже с 1910-ых гг. намечается снижение роли Старого города и постепенный перенос торговли на Конот-Плейс. Окончательное изменение роли Старого города произошло после событий 1947 г. Отъезд мусульман в Пакистан и наплыв беженцев привёл к расстройству старых бизнес-связей. Роль экономического центра окончательно ушла из Старого города. Новые центры стали возникать в Нью-Дели и на месте быстро разраставшихся лагерей беженцев.

На данный момент бывшие районы Старого города относятся к административному округу Центрального Дели. По сравнению с остальными районами, в Центральном Дели высока доля мусульман (33.4% в 2011 г.)²⁸⁰, более низок уровень грамотности и доходов населения. Ещё с 1970-ых гг. здесь начали работать программы по переселению жителей в новые районы из ветхого жилья. Центральный Дели является одним из немногих районов

²⁸⁰ *Central Delhi District : Census 2011-2019 data. URL: <https://www.census2011.co.in/census/district/173-central-delhi.html> (accessed 28.08.2019)*

города, где население стабильно уменьшается. В 2001 г. в районе жило 646 тыс. человек, в 2011 г. – 582 тыс.²⁸¹

Нью-Дели непосредственно граничит с районами Старого города, играя принципиально иную роль в жизни столицы. В Нью-Дели самая низкая в столице плотность населения (3820,37 чел./км²) и самый высокий уровень грамотности. В районе действуют автономные органы самоуправления и отдельный муниципальный совет. Всего в Нью-Дели проживает 257 тыс. человек. Деятельность большей части населения связана с работой общенациональных учреждений – Нью-Дели является местом расположения важнейших государственных органов. Несмотря на важное общенациональное значение, численность населения Нью-Дели не позволяет району играть большую роль в общегородском политическом раскладе. На Нью-Дели приходится только один округ из семидесяти в столичном законодательном собрании. Тем не менее, именно от Нью-Дели обычно пытаются избираться лидеры основных партий в столице. Например, в 2013 г. Арвинд Кеджривал в Нью-Дели выступал против Шейлы Дикшит, тогдашней главы делийского правительства.

Основная масса населения столицы проживает не в Старом городе и не в Нью-Дели, а в новых районах, появившихся во второй половине XX века. Вместе с тем, наблюдаются существенные различия среди новых районов.

Районы к западу от Старого Дели в основном возникали на основе лагерей беженцев, расселявшихся в Пахаргандже и Карол Багх – эти кварталы стали основными места торговли. В дальнейшем лагеря беженцев стали возникать вокруг железной дороги – примерами таких районов могут служить Патель Нагар, Панджаби Багх и Пашчим Вихар.

Сравнительно небольшой район на восточном берегу Ямуны характеризует высокая плотность населения. В Восточном Дели она составляет 27,1 тыс. чел./км² (почти такая же, как и в районах Старого

²⁸¹ Там же

города). Северо-Восточный Дели является районом с самой высокой плотностью населения 36,1 тыс. чел./км² и сравнительно низким имущественным уровнем жителей²⁸².

Параллельно происходил рост районов к югу от Нью-Дели. Уже с 1940-ых гг. на юге города начали появляться лагеря беженцев – например, Ладжпат Нагар. Вместе с тем, масштабное развитие южных районов началось с начала 1970-ых гг., когда были созданы новые районы Васант Вихар и Хаус Хас и т. д. В настоящий момент, районы Южного Дели являются наиболее престижными и зажиточными в Национальной столичной территории.

Говоря о структуре районов Дели следует упомянуть также и о делийской агломерации. Формально, в состав столицы не водит несколько крупных близлежащих пригородов, находящихся в составе Уттар-Прадеша и Харианы, но фактически политические предпочтения жителей этих населённых пунктов оказывают существенное влияние на городскую жизнь.

Газиабад, крупнейший пригород столицы, непосредственно примыкает к районам Восточного Дели. Ещё до 1947 г. он был важным железнодорожным узлом. После образования Пакистана в Газиабад переместился ряд предприятий из Равалпинди и Лахора²⁸³. В 1967 г. границы муниципальной корпорации Газиабада были расширены и соприкоснулись с границами Дели. На 2011 г. в Газиабаде проживает 2,3 млн. человек, это один из главных центров миграции из Уттар-Прадеша в Делийскую агломерацию. Для Газиабада характерна высокая доля мусульманского населения (более 25%). Политическая ситуация в Газиабаде имеет больше общего с соседним Дели, а не с остальными регионами Уттар-Прадеша. В политике доминируют БДП и ИНК, БДП на 2018 г. контролирует муниципальную корпорацию. По

²⁸² North East Delhi District : Census 2011-2019 data. URL:

<http://www.census2011.co.in/census/district/170-north-east-delhi.html> (accessed 28.08.2019)

²⁸³ Saxena, A. *Perspectives in industrial geography : a case study of an industrial city of Uttar Pradesh*. New Delhi, 1989, p. 30.

сравнению с другими регионами Уттар-Прадеша, в Газиабаде крайне низкие рейтинги имеют Бахуджан самадж парти и Самаджвади.

Вторым крупным городом, непосредственно граничащим с Дели, является Ноида (New Okhla Industrial Development Authority), примыкающая к юго-восточным районам столицы. Ноида является «плановым городом» - особой экономической зоной, созданной в 1976 г. по инициативе Санджая Ганди. Для Ноиды характерна крайне благоприятная экономическая ситуация, здесь располагается большое количество предприятий ИТ-сферы, Технический университет им. Абдул Калама и другие образовательные учреждения. По сравнению с Дели, в городе наблюдается высокий уровень дохода и благоприятная экологическая ситуация. Ноида является традиционной базой БДП – на выборах в 2014 и 2017 гг. кандидаты от БДП в законодательное собрание Уттар-Прадеша получали в городе более 60% голосов избирателей.

С юга к Дели непосредственно примыкает город Фаридабад, насчитывавший 1,4 млн. жителей в 2011 г. Как и Газиабад, город вырос на месте лагеря переселенцев из Пакистана. Фаридабад также является важным экономическим и промышленным центром. На 2007 г. в Фаридабаде и соседнем Гургаоне выплачивалось более 56% всех налогов штата Хариана²⁸⁴. В Гургаоне (население - 870 тыс. человек) более благоприятная экологическая обстановка и меньшее количество промышленных предприятий. И в Гургаоне, и в Фаридабаде уровень жизни выше, чем собственно в Дели. На настоящий момент, в Гургаоне третий по стране уровень дохода на душу населения²⁸⁵. Политическая жизнь Гургаона и Фаридабада определяется борьбой между ИНК и БДП. На выборах в законодательное собрание Харианы в 2014 г. БДП одержала победу в обоих

²⁸⁴ *Over 50% IT in Haryana from Faridabad, Gurgaon*. Tribune of India: e-paper. 2005.
URL: <https://www.tribuneindia.com/2005/20051228/delhi.htm#1> (accessed 27.08.2019)

²⁸⁵ *District Gurugram – About District*. URL: <https://gurugram.gov.in/about-district/> (accessed 28.08.2019)

городах. Кандидат от БДП в Фаридабаде получил более 60% голосов избирателей²⁸⁶.

Говоря о Делийской агломерации, необходимо учитывать и другие города – например, Рохтак в Хариане, Мератх и Буландшахр в Уттар-Прадеше. Тем не менее, только четыре вышеупомянутых города – Газиабад, Ноида, Фаридабад и Гургаон – непосредственно примыкают к Дели, не являясь формально частью Национальной столичной территории.

Политическая ситуация в пригородах характеризуется достаточно сильными позициями БДП, что несколько искажает представление о политических процессах в столице. Визуально сторонники БДП могут казаться большинством в столичной политической жизни, но, фактически, многие из них проживают в пригородах и не имеют права голоса на делийских выборах.

По сравнению с Дели, в пригородах выше уровень дохода и лучшее состояние коммунальной сферы. Проблемы трещин, электричества и водоснабжения на которых пришла к власти ААП в Дели здесь менее актуальны.

Одной из ключевых проблем, связанных с разделением Дели на районы, является выявление особенностей политических предпочтений жителей различных частей столицы. Выборы 2013 и 2015 гг. и появление ААП привели к существенному изменению политической карты города. Тем не менее, существует ряд районов города, в отношении которых можно говорить о стабильном доминировании ИНК или БДП.

В ряде избирательных округов в Дели кандидаты от ИНК стабильно одерживали победы до появления на политической арене ААП. В округах Султанпур Маджра, Мангол Пури, Баллимаран, Джангпура, Амбедкар Нагар, Ганди Нагар и Силампур ИНК в 1993-2015 гг. победил на четырёх выборах в

²⁸⁶ Statistical Report on General Election, 2014 to the Legislative Assembly of Haryana. New Delhi, 2014, p. 165.

городское законодательное собрание из шести. Влияние ИНК наиболее заметно в Центральном Дели и в районах Старого города (округ Баллимаран), а также на восточном берегу Ямуны (округ Силампур). До 1990-ых гг. было очевидным доминирование Конгресса в т. н. «сельском Дели» - обширных и малонаселённых округах северо-запада столицы – Нареле, Баване и Мундке. В 1950-ые гг., за счёт населения пригородов, Конгресс обеспечивал себе большую долю голосов в сравнении с БДС. До появления ААП было крайне высоко влияние Конгресса в мусульманских районах – Старом городе, ряде районов северо-востока, Охле. Фактически ИНК являлся для мусульман безальтернативной политической силой.

Также можно выделить ряд округов, где с 1993 г. стабильно побеждала БДП - это Шалимар Багх, Моти Нагар, Хари Нагар, Джанакпури, Палам, Раджиндер Нагар, Бабарпур и Каравал Нагар. До выборов 2015 г. кандидаты от БДП чаще всего одерживали победы в зажиточных округах юго-запада столицы, примыкающих к аэропорту им. Индиры Ганди и городу Гургаон – Дварке, Паламе и Джанакпури. Также позиции БДП были сильны в юго-восточных районах, примыкающих к Ноиде и Газиабаду.

Глава III. Политическая жизнь в Дели и её связь с общенациональными процессами

3.1. Формирование политических сил в столице в конце 1940-ых начале 1960-ых гг.

*Бхаратия джана сангх*²⁸⁷

После достижения Индией независимости в 1947 г. начинается тридцатилетний период доминирования на политической арене партии Индийский национальный конгресс. На первых парламентских выборах в 1951 г. ИНК получил почти половину голосов избирателей и абсолютное большинство мест в нижней палате (363 из 489)²⁸⁸. До 1977 г. партия стабильно одерживала победу на всех общенациональных выборах. В 1950-ые гг. же монополия на власть ИНК и его лидера Джавахарлала Неру и вовсе казалась неоспоримой.

Для внешнего наблюдателя может показаться странным резкое усиление оппозиционного движения в 70-ых гг. и успехи оппозиции в борьбе с Конгрессом. Как нам кажется, исследуя историю оппозиционных Конгрессу партий следует уделять особое внимание тому периоду, когда, в силу ряда причин (прежде всего – мажоритарной системы выборов, обеспечивающей абсолютное преимущество победившей партии), они были малозаметны. В первую очередь, речь идёт о т. н. «эпохе Неру» (1947-1964 гг.). В эти гг. оппозиция не могла составить серьёзной угрозы ИНК на общенациональном уровне. Тем интереснее рассмотреть те

²⁸⁷ Раздел основан на материалах авторской статьи - Спектор И. Б. *Политическая жизнь Дели: истоки формирования антиконгрессистской оппозиции в независимой Индии*// [Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение](#), издательство [Изд-во Моск. ун-та](#) (М.), том 13, № 1, 2017, с. 70-81.

²⁸⁸ Statistical Report On General Elections, 1951 To The First Lok Sabha, New Delhi 1951, v. I p. 43

немногочисленные примеры индийских штатов и территорий в которых в 40-ые – 50-ые гг. происходила реальная политическая борьба.

Влияние индусских националистов в Дели до середины 1940-ых гг. было несравнимо с ролью ИНК или Мусульманской лиги. Несмотря на то, что в северных и северо-западных районах Индии у партии Хинду махасабха²⁸⁹ было наибольшее число сторонников, даже там она не могла соперничать с Конгрессом за избирателей-индусов. Несколько большим влиянием в городе пользовались индусские общественные организации, в том числе, созданный в начале 20-ых гг. Раштрия сваямсевак сангх.

Главным последствием раздела Британской Индии было уменьшение доли мусульманского населения до 11-12% и изменение социального состава мусульманской общины. Непропорционально большую долю эмигрантов составляли представители образованных слоев, мусульманская община Дели фактически потеряла политическое руководство. Вместе с тем, увеличилась роль индусов и индусского фактора в политике. В Дели из Панджаба, Синда и прочих территорий, отошедших к Пакистану, прибыло огромное количество вынужденных мигрантов. Столица была местом, где наблюдалась наибольшая концентрация беженцев по всей территории страны. Согласно переписи 1951 г., из 1 744 тыс. жителей Дели 475 тысяч (то есть, более 27% населения) родились на территориях, вошедших в состав Пакистана²⁹⁰. Абсолютное большинство из них прибыло в Дели именно в 1947-48 гг.

Аналогичный поток беженцев-мусульман двинулся в 1947 г. из Индии в Пакистан, но там беженцы (мухаджиры) стали основой нового государства, заняв ключевые места в политике и в армии. Индусские же мигранты были небезосновательно недовольны своим местом в стране.

И до раздела Британской Индии ИНК был не слишком популярен среди индусов северо-западных провинций, среди которых велико было число

²⁸⁹ Великое собрание индусов

²⁹⁰ Yadav S. *The Invasion of Delhi*. p. 20.

сторонников ХМС. Теперь же многие беженцы винили Конгресс во всех своих бедствиях, считая Ганди и Неру «предателями индусских интересов». Показательно, что после убийства Ганди полиция активно искала организаторов именно в кругах пакистанских беженцев, несмотря на то, что преступление совершила группа выходцев из Махараштры.

РСС до 1947 г. имел сильные отделения в Карачи, Лахоре и других крупных городах будущего Пакистана. Непропорциональное количество деятелей организации и будущих индусских националистических политиков вышли из кругов беженцев. Л.К. Адвани, многолетний президент БДП и будущий министр внутренних дел, возглавлял отделение РСС в своём родном Карачи. Б. Мадхок, создатель партийной организации индусских националистов, перебрался в Индию из пакистанской части Кашмира. В Дели члены РСС развернули работу по помощи беженцам, привлекая последних на свою сторону.

К августу 1947 г. РСС стал одной из самых влиятельных сил в городе. К этому времени более 20% членов организации было сосредоточено в Дели и Панджабе²⁹¹. Представители делийских властей встречались с М.С. Голвалкар, вторым руководителем РСС, обсуждая вопросы недопущения анархии в столице²⁹². Многие делийские конгрессисты более чем сочувственно относились к сваямсевакам.

Одновременно происходила перегруппировка сил в политическом крыле лагеря индусских националистов. ХМС была дискредитирована после убийства Ганди, организатором которого называли её лидера В.Д. Саваркара. Возникла необходимость создания общенациональной политической силы, представлявшей индусских националистов. Естественно, такая сила могла создаваться только в Дели. Лидером новой партии стал Ш. П. Мукерджи – единственный представитель индусских националистов, входивший в

²⁹¹ Jaffrelot, C. *Religion, Caste, and Politics in India*, p. 191.

²⁹² Andersen W. K. *The Brotherhood in Saffron: The Rashtriya Swayamsewak Sangh and Hindu Revivalism*, p. 49.

правительство Неру. В 1950 г. Мукерджи вышел из правительства в знак протеста против соглашения с Пакистаном. Вскоре он вышел и из ХМС, руководство которой не желало адаптироваться к новым условиям. Мукерджи собрал вокруг себя группу политиков федерального уровня, но без низовых организаций. Такая группа нуждалась в союзе с массовым индусским движением и единственным вариантом был союз с РСС. С весны 1950 г. велись переговоры между Мукерджи и Голвалкаром. О подробностях этих переговоров нет достоверных данных, но можно предположить, что обсуждалось участие людей из РСС в новой партии – БДС. Никакими письменными обязательствами соглашения Голвалкара и Мукерджи скреплены не были (неформальность соглашений вообще стала нормой для отношений между РСС и БДС-БДП).

Летом 1951 г. Мукерджи и его сторонники (Б. Мадхок, М. Ч. Шарма) основывают региональные отделения партии и готовятся к общенациональной конференции, которая и была проведена в Дели 21 октября 1951 г. Состав избранного на конференции рабочего комитета достаточно точно отражает первоначальную структуру БДС. Из 18 членов РК только один представлял юг страны. Также в РК состояли четыре члена РСС (в том числе Упадхья и Мадхок). Видно, что в это время РСС еще не стремился полностью контролировать партию. Организация продвигала в руководство БДС своих представителей, но Мукерджи, в то время пытавшийся создать альянс оппозиционных сил, её вполне устраивал. Смерть Мукерджи в июне 1953 г. не только повлекла за собой распад только что начавшего консолидироваться альянса правой оппозиции, но и вызвала кризис в самом БДС. За короткое время члены РСС полностью взяли контроль над партией в свои руки, оттеснив сторонников Мукерджи и сместив президента Шарму. Генеральным секретарем и фактическим лидером БДС на долгие годы (пост президента потерял свою значимость) стал Диндаял Упадхья. В отличие от других деятелей РСС 30-40-ых гг., Упадхья происходил не из Махараштры. Он родился в традиционной

индусской семье в Джайпуре, а во время обучения в Канпуре стал членом РСС. С середины 40-ых гг. Упадхья фактически руководил деятельностью организации в Соединённых Провинциях. Став одним из руководителей БДС с момента основания партии, он занимался организационными вопросами, одновременно редактируя делейский журнал РСС. Именно при Упадхье произошла трансформация БДС в массовую партийную организацию индусских националистов. Сильно укрепились и делейская организация – если в 1951 г. в новосозданном БДС было 12 тыс. членов, то к 1959 г. их число достигло 20 тыс., а к 1968 г., после успехов на национальных и региональных выборах – 50 тыс.²⁹³. Несмотря на медленный рост числа членов в 50-ые гг., БДС был самой крупной партией в Дели после Конгресса.

В 60-ые гг. БДС пытался расширить электорат, выйдя за пределы своей базы – беженцев из Пакистана и местных высококастовых индусов. Партия хочет распространить свое влияние на низкокастовых, сикхскую общину и мусульман Старого города. Некоторые лидеры мусульманской общины были недовольны политикой Конгресса, плохо отражавшей их интересы (позднее такое недовольство распространится среди всех мусульман Индии). Они приняли решение поддержать БДС, как единственную альтернативу Конгрессу на уровне города. По утверждению партийных деятелей БДС, в конце 60-ых в городе было уже 2 тыс. мусульман-членов БДС²⁹⁴. В 1967 г. партия впервые выдвигает на муниципальных выборах кандидата-мусульманина Анвара Али Дехлеви, победившего в своем округе. Важно отметить, что БДС не пытался создать мусульманскую организацию с нуля, а поддерживал самостоятельных кандидатов, составляющих оппозицию Конгрессу. Такой союз совершенно не гарантировал того, что мусульмане голосовали бы за индусов-кандидатов БДС на общенациональных выборах.

В 50-ые гг. Дели чаще всего становится центром общенациональных кампаний БДС – за права беженцев, за решение кашмирского вопроса,

²⁹³ Puri G. *Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology. Delhi: a Case Study*, p. 36.

²⁹⁴ *Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology. Delhi: a Case Study*, p. 41.

изгнание португальцев из Гоа, запрет убоя коров. Все эти кампании активно поддерживал и РСС. Одной из наиболее громких стала кампания по «индианизации» («*бхартиякаран*»), развернутая Мадхоком, возглавившим городское отделение партии. «Даже после семи лет независимости» - говорилось в 1953 г. в резолюции делийского комитета БДС – «дороги, улицы и парки Дели носят имена иностранцев, порабоцевавших страну».²⁹⁵ БДС требовал переименования объектов в Дели в честь «героев борьбы за независимость», прежде всего, деятелей индусского движения. По сравнению с избирателями в сельских регионах, жители Дели гораздо более остро реагировали как на подобные идеологические кампании индусских националистов, так и на события общенационального и международного характера.

Кроме проблемы «индианизации», БДС старался уделять внимание и повседневной жизни Дели. Депутаты от партии в муниципальном собрании обвиняли конгрессиистскую администрацию в неграмотной транспортной политике, утверждая, что общественный транспорт в Дели существенно дороже, чем в Бомбее и Калькутте. Вместе с тем, БДС противился передаче автобусного сообщения в собственность города, отстаивая права частных перевозчиков. Основные социальные программы, продвигаемые БДС были связаны с поддержкой беженцев. Партия требовала легализации жилья, построенного переселенцами из Пакистана, приоритетного возведения школ в переселенческих колониях. В отличие от остальных территорий, в Дели не стоял остро вопрос земельной реформы, раскалывавший руководство БДС. Кастовые вопросы имели для делийского избирателя несколько меньшее значение, чем для избирателей деревенских. Казалось бы, кастовая структура руководства БДС в Дели должна была бы быть из-за этого более сбалансированной. Однако, к 1973 г., в Чандни Чоук среди партийных работников было 87% высококастовых и только 9,6% далитов²⁹⁶.

²⁹⁵ Puri G. *Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology. Delhi: a Case Study*, p. 67.

²⁹⁶ Puri G. *Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology. Delhi: a Case Study*, p. 82.

Организация БДС в Дели была создана в июле 1951 г. В октябре того же года прошли выборы в муниципальный совет, первые выборы в которых приняла участие партия. БДС получила 14% голосов (против 84% голосов у Конгресса). В 1952 г. прошли первые выборы в законодательное собрание Дели, ставшие крайне удачными для Бхаратия джана сангх. Несмотря на то, что партия смогла провести в законодательное собрание всего 5 кандидатов из 47, за БДС отдали голоса 21,9% избирателей²⁹⁷. Это значит, что БДС получил в Дели в семь раз больше голосов, чем в среднем по стране на первых выборах в Лок сабху.

На выборах 1951 г. БДС получил 22%, в тех округах, где выставлялись его кандидаты – 29%. Индусские националисты были фактически единственной оппозиционной силой в Дели. БДС взял 5 округов из 47, ХМС – ещё один. Кроме индусских националистов и Конгресса, в выборах участвовали также социалисты (Социалистическая партия Дж. Нараяна и Кисан маздур праджа парти²⁹⁸ Дж. Крипалани) – обе партии набрали по 2% голосов. КПИ выдвинула всего одного кандидата.

На прошедших в том же году общенациональных парламентских выборах БДС получил в Дели 26% голосов, две остальные индусские националистических партии – ХМС и РРП – по 0,5%²⁹⁹. Характерной чертой выборов в Дели был сравнительно низкий, по сравнению с остальными штатами, процент голосов полученный независимыми кандидатами – всего 12%. Это связано с тем, что за термином «независимые» в Индии 50-ых гг. скрывались представители земельной аристократии. Большой процент «независимых» говорит о неразвитости партийной политики в регионе. В Дели также не была возможна характерная для провинции ситуация выдвижения нескольких кандидатов- «однопартийцев» по одному округу.

²⁹⁷

²⁹⁸ Крестьянско-рабочая народная партия (*хинди*)

²⁹⁹ Statistical Report On General Elections, 1951 To The First Lok Sabha, New Delhi 1951, v. 1, p. 66.

На выборах 1951 г. Конгресс уступил одно место от Дели в Лок сабхе КМПП. Эта партия была далеко не самой влиятельной оппозиционной силой. Успех партии в Дели объясняется тем, что в столице от неё баллотировалась Сучета Крипалани – участница антиколониального движения и супруга основателя партии А. Крипалани. В своем округе она сравнительно легко победила Манмохини Сахгал – кузину Неру, впервые принимавшую участие в политической борьбе. Крипалани стала депутатом Лок сабхи, но противоречия между КМПП и ИНК были минимальны – вскоре Крипалани вступила в Конгресс, а в 1963-1967 гг. даже возглавляла правительство Уттар-Прадеш.

Полноправный законодательный орган действовал в Дели достаточно недолго. С начала 50-ых гг. существовали различные проекты реорганизации управления городом. Часть конгрессистов продвигала проект «Большого Дели» – объединения столицы с хиндиязычными районами Панджаба и частью западных районов Уттар-Прадеша в самостоятельный штат. Проект не поддерживался собственно делийскими деятелями, опасавшимися того, что интересы сельских регионов перевесят интересы Дели. Против концепции «Большого Дели» выступал и БДС. В итоге штат так и не был создан, а Дели стал союзной территорией. Вместе с новым статусом, в 1956 г. была упразднена и законодательная ассамблея. Городская политическая жизнь сконцентрировалась вокруг выборов в муниципальный совет.

Вопрос о присвоении Дели статуса штата постоянно поднимался различными политическими силами, в зависимости от текущей ситуации. В 1954 г. БДС настаивал на том, что Дели должен управляться напрямую союзным правительством. Ситуация изменилась в конце 60-ых - после победы на муниципальных выборах партия стала добиваться прав штата для Дели.

В марте 1958 г. прошли первые выборы в новый муниципальный совет. Конгресс получил 31 место из 80, БДС – 25³⁰⁰. К этому времени произошло разделение города по политическим предпочтениям, не менявшееся в течение нескольких десятилетий. БДС побеждал в пригородах и в районах, где расселились беженцы из Панджаба, Конгресс – в Старом городе. В 1958 г. наиболее сильные позиции у БДС были в районе Пахарганджа (4 депутата из 5), Шахдхары (все 4) и в лагерях беженцев (8 из 15)³⁰¹, а наиболее слабые – в сельских районах, недавно включенных в состав национальной столичной территории, в Карол Багхе и мусульманских районах Старого города.

После этих выборов в муниципальном совете сложилась сильная оппозиция Конгрессу. Помимо БДС, фракцию в муниципальном совете также сформировали и коммунисты, вступившие в коалицию с ИНК. Однако, после того как Неру в 1958 г. отправил в отставку коммунистическое правительство в Керале, КПИ отказало в поддержке Конгрессу. В муниципальном совете сформировалась парадоксальная коалиция БДС и КПИ. Адвани утверждает, что между партиями было заключено письменное соглашение³⁰². В 1958 г. БДС поддержал кандидатуру Аруны Асаф Али, члена КПИ и героини национально-освободительного движения, на пост мэра Дели. На следующий год коммунисты поддержали кандидатуру Кедарнатха Сахани – члена БДС и РСС.

На выборах 1957 г. результаты БДС ухудшились. В Нью-Дели Крипалани, на этот раз выдвинувшаяся от ИНК, легко победила кандидата от БДС, набрав более 70% голосов³⁰³. В остальных трёх округах сложилась гораздо более интересная ситуация. В районе Чандни Чоук (Старом Дели) победа Конгресса была не столь очевидна. Кандидат от БДС набрал 31% голосов, а кандидат от Народно-социалистической партии Мир Муштак Ахмед – 24%.

³⁰⁰ Smith D. E. *South Asian Politics And Religion*. Princeton, 1966, p. 94.

³⁰¹ Puri G. *Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology. Delhi: a Case Study*, p. 115.

³⁰² Advani L. K. *My Country My Life*. New Delhi 2008, p. 105.

³⁰³ Statistical Report On General Elections, 1957 To The Second Lok Sabha, New Delhi 1957, v. I, p. 107.

В последнем случае важна скорее не партийная, а конфессиональная принадлежность кандидата – стало очевидно, что делийские мусульмане представляют собой самостоятельную силу. Естественно, они не могли поддержать индусских националистов, главную альтернативу ИНК в Дели. Но это не значило, что их лояльность Конгрессу была абсолютной. В округе Дели Садар кандидаты от ИНК и БДС практически поровну поделили голоса избирателей – 54 против 41%.

На выборах 1962 г. Конгресс вновь победил во всех избирательных округах, но нужно отметить и улучшение результатов БДС – ни в одном из округов партия не получила менее 25% голосов. Мусульмане в Чандни Чоук выдвинули независимого кандидата, который набрал 18% голосов, усложнив для ИНК победу в округе. Округ Карол Багх был зарезервирован для представителей зарегистрированных каст. Этим попыталась воспользоваться основанная Б.Р. Амбедкаром Республиканская партия, претендовавшая на выражение интересов всех далитов. Однако её кандидат в Карол Багхе уступил не только конгрессисту, но и представителю БДС³⁰⁴. Слабость самостоятельного низкокастового движения характерна для Дели – впоследствии, низкие результаты будут и у других партий, представлявших низкокастовые группы. Республиканцы не смогли добиться успеха, но раскололи электорат Конгресса, сыграв на руку индусским националистам.

Влияние БДС укреплялось на протяжении всего периода правления Неру – уже в 50-ых – начале 60-ых гг. это была сильнейшая оппозиционная партия в столице. Ослабление Конгресса на парламентских выборах 1967 г. совпало с триумфом БДС. Партия получила 6 мест из 7 мест в парламенте от Дели. В 1971 г. партия получила абсолютное большинство мест в муниципальном совете (53 из 100).

³⁰⁴ Statistical Report On General Elections, 1962 To The Third Lok Sabha, New Delhi 1962, v. I, p. 162.

На примере Дели можно наблюдать успешное развитие оппозиционной силы в Индии 40-ых – нач. 60-ых гг. БДС смог консолидировать протестный электорат, избежать расколов и сделать Дели одним из центров своего влияния. Во многом, это объясняется специфической организацией индусского политического движения – его централизованным характером и подчинению руководству РСС. С другой стороны, нельзя не обратить внимание, что описываемый на примере Дели процесс (постепенное усиление индусских националистов и ослабление ИНК) повторился затем в большинстве североиндийских штатов и Дели определил настроения хиндиязычного региона.

Индийский национальный конгресс

Роль Индийского национального конгресса на общенациональном уровне в 1940-ые – 1960-ые гг. была чрезвычайно велика – фактически, после достижения независимости в стране сформировалась многопартийная система с доминирующей партией. До 1977 г. Конгресс побеждал на всех общенациональных выборах, получая абсолютное большинство мест в парламенте. На региональном уровне оппозиция также практически не имела шансов прийти к власти. Если неконгрессиистские силы и могли одержать победу на выборах, то такие правительства не могли существовать в противостоянии с центральной властью – примером может служить роспуск коммунистического правительства Кералы в 1959 г.

В Дели положение Конгресса изначально было более слабым, чем в остальных регионах. Существовала сильная оппозиция, представленная, прежде всего, индусскими националистами в лице БДС. Тем не менее, Конгресс оставался у власти в Дели в течение тридцати лет – с 1947 по 1977 г. Причиной этого была как слабость оппозиции на общенациональном уровне, так и особый статус города, способствовавший сохранению монополии ИНК на власть.

В этой связи, заслуживают внимания процессы, проходившие внутри партии после 1947 г. В однопартийных системах или в системах с доминирующей партией основная политическая борьба развивается внутри правящей партии – примером может служить важность анализа положения в КПК для исследования политической истории Китая. В отличие от коммунистических партий, в Конгрессе существовал и существует гораздо менее высокий уровень внутривнутрипартийной дисциплины. Ещё в колониальную эпоху допускалось создание фракций и групп, входящих в ИНК на правах коллективного членства. После прихода к власти ИНК ситуация ещё более усложнилась, так как партия должна была идти на компромисс с местными элитами и внепартийной бюрократией.

В самом Дели организация ИНК была создана уже в 1888 г., делийские делегаты принимали участие в организации съездов, но первостепенное значение для Конгресса город приобрёл только после переноса туда столицы из Калькутты в 1911 г. В Дели стали проводиться конференции ИНК и массовые компании гражданского неповиновения.

В 1930-ые гг. во главе делийской организации ИНК стоял Лала Шанкар Лал, богатый предприниматель и один из организаторов сатьяграхи 1930 г. в городе. Шанкар Лал был ярым сторонником Субхаса Чандры Боса и одним из руководителей основанной в 1939 г. партии Форвард-Блок. В 1940 г., по поручению Боса, он ездил в Японию, по возвращении был арестован британцами и находился в заключении до конца войны³⁰⁵.

К началу войны влияние сторонников Форвард-блока и сторонников Боса в Дели было не слишком велико. В 1940-ые гг. руководство Конгрессом в Дели осуществляли Дешбандху Гупта и Юдхвир Сингх, достаточно близкие к индусским активистам. И Гупта, и Сингх были выходцами из Арья

³⁰⁵ Bose, M. Raj, *Secrets, Revolution: A Life of Subhas Chandra Bose*. London, 2004, p. 177.

самадж и последователями Свами Шраддхананды. И Гупта, и Сингх поддерживались Махатмой Ганди.

Одновременно, именно в годы войны, на первый план в делийском ИНК выходило молодое поколение активистов из Конгресс-социалистической партии. Конгресс-социалисты с момента своего основания действовали в рамках ИНК. Изначально эта организация придерживалась идеологии Фабианского общества, но к началу 1940-ых гг. многие её члены склонялись к союзу с КПИ. Многие конгресс-социалисты (например, Аруна Асаф Али) активно проявили себя в ходе антибританских протестов августа 1942 г. и последующей подпольной деятельности в рамках ИНК.

В ходе партийных выборов в Дели в 1946 г. конгресс-социалисты получили контроль над парторганизацией города³⁰⁶. Руководителями ИНК в Дели стали Брахм Пракаш, Аруна Асаф Али, Субхадра Джоши и другие участники протестов 1942 г. Новое городское руководство характеризовал сильный «левый уклон», секуляристская идеология и дружеские отношения с КПИ.

Прочное положение нового руководства во главе с Брахм Пракашем базировалось на связях с разными конфессиональными группами и поддержке среди государственных служащих. Старое же руководство в основном опиралось на высококастовые индусские слои. В итоге, группа Брахм Пракаша контролировала городскую организацию ИНК до раскола партии в 1969 г.

Несмотря на это доминирование и на то, что Конгресс на общенациональном уровне сохранял единство, в 1940-1960-ые гг. имели место постоянные внутренние конфликты в организации. Ещё в декабре 1945 г. было объявлено о несовместимости членства в Конгрессе и КПИ, а коммунистов исключили из делийской партийной организации.

³⁰⁶ Puri, Y. *Party politics in the Nehru era: a study of Congress in Delhi*, p. 58.

После достижения независимости начали накапливаться противоречия между правительством и партийным руководством. В ноябре 1947 г. подаёт в отставку президент партии Ачарья Крипалани, который заявил, что правительство не консультируется с ИНК при принятии важных решений³⁰⁷.

Второй раскол в организации произошёл после самороспуска Конгресс-социалистической партии в 1948. Часть из бывших конгресс-социалистов осталась в ИНК, приняв политику Джавахарлала Неру. Остальные вошли в состав Социалистической партии, во главе которой встал Джайпракаш Нараян.

В делийском руководстве ИНК, где доминировали представители Конгресс-социалистической партии, раскол оказался особенно чувствительным. Из Конгресса вышли Аруна Асаф Али, Мир Муштак Ахмед, Чаудхури Балбир Сингх и другие известные в городской партийной организации лица. Единственным видным представителем конгресс-социалистов, оставшимся в составе ИНК оказался Брахм Пракаш.

Брахм Пракаш был уроженцем Дели, в отличие от многих других политиков, переехавших в город только после 1947 г. В 1942-1945 гг. он отвечал за руководство подпольной деятельностью ИНК в городе. Пракаш был выходцем из низкокастовой группы ядавов – во многом, благодаря его активности Конгресс установил влияние среди ОВС и далитов. Прочные связи с руководителями различных городских общин стали основой влияния Конгресса в Дели после независимости.

Последнее обстоятельство помогло ИНК удерживать влияние, когда после раздела Британской Индии в 1947 г. хлынул поток беженцев. Большая часть из них винила Джавахарлала Неру и ИНК в случившемся и поддерживала индусских националистов – партию Хинду махасабха, а затем

³⁰⁷ Franda, M. F. The Organizational Development of India's Congress Party// *Pacific Affairs*, Vol. 35, No. 3 (Autumn, 1962), pp. 248-260, p. 251.

Бхаратия джана сангх. Дели, город с высочайшей концентрацией беженцев, в конце 1940-ых – начале 1950-ых гг. стал одним из наиболее оппозиционных ИНК регионов страны. Но многие влиятельные представители кастовых и религиозных общин опасались жёсткой дисциплины БДС, боясь оказаться в слишком большой зависимости от индусских националистов. Напротив, Конгресс был значительно менее идеологизирован, за счёт этого успешно противостоял БДС.

Способствовали увеличению влияния Конгресса на низовом уровне и союзные организации – Всеиндийский женский конгресс, Индийский национальный конгресс профсоюзов и т. д. В конце 1940-ых гг. начался стремительный рост числа членов партии, как в Дели, так и по всей Индии. В 1945-1950-ых гг. число членов ИНК выросло с 5,5 млн. до 17 млн, составив 4,7% населения Индии³⁰⁸. К 1952 г. право участвовать в партийных выборах в столице имели 132 тысячи человек. Вместе с тем, ИНК отличался слабой идеологизированностью, в первые годы после независимости в партию активно привлекались чиновники, представители финансовой и региональной элиты. Вместе с тем, меньший уровень партийной дисциплины и необходимость соблюдения баланса между интересами различных кастовых групп и городской элиты вызывала постоянные открытые конфликты внутри партии

В апреле 1951 г. Брахм Пракаш был избран председателем Исполнительного комитета ИНК. 5 апреля 1951 г. состоялась делийская партийная конференция на которой присутствовал и Неру. На съезде Брахм Пракаш выступил с критикой делийской администрации и Главного комиссара Шанкара Прасада. Основные обвинения заключались в том, что бюрократия ограничивает гражданские свободы, в том числе, свободу собраний, при этом свободно действуют «антиконституционные силы». Кроме того, критиковалась коррупция в судах и полиции – при этом

³⁰⁸ Puri, Y. *Party politics in the Nehru era: a study of Congress in Delhi*, p. 69

отмечалось, что полиция ведёт себя «так же, как и во времена, предшествовавшие независимости». Критиковалось отсутствие выборности членов муниципального совета и то, что, несмотря на протесты членов ИНК, в городе продолжалась свободная торговля алкоголем.

Критика городского руководства, которое на тот момент находилось в руках чиновников из Индийской гражданской службы отражало стремление городской организации ИНК взять власть, повысив административный статус Дели. Вместе с тем, на съезде звучала критика и всего конгрессистского руководства. Ачарья Крипалани заявил, что «сегодня никто не может указать нам правильный путь <...> видение будущего размыто, и мы отдаляемся друг от друга»³⁰⁹. Президент ИНК Пурушоттам Дас Тандон говорил о необходимости возвращения к гандистским идеалам. Эти выступления предопределили скорый разрыв обоих видных лидеров с ИНК. Крипалани перешёл в Социалистическую партию, а Тандон ушёл со всех политических постов.

На выборах в законодательную ассамблею 1951 г. Конгресс получил 52,1%³¹⁰ голосов. Несмотря на внушительный успех БДС, результаты Конгресса в столице были выше, чем во многих других регионах Индии. Джана сангх на этих выборах набрал более 20% голосов, положение ИНК в Дели оставалось прочным – кроме индуcских националистов, в городе у партии конкурентов не было. Левые партии (коммунисты, социалисты и Крестьянско-рабочая народная партия) в сумме набрали чуть более 6% голосов. Конгресс по-прежнему оставался олицетворением секуляризма.

Конгресс получил абсолютное большинство мест в законодательной ассамблее (39 из 48), а Брахм Пракаш стал главой первого городского правительства. В кабинет вошли сторонники Пракаша Шафик-ур Рахман Кидваи и Сушила Найар. Таким образом, Конгресс контролировал

³⁰⁹ Puri, Y. *Party politics in the Nehru era: a study of Congress in Delhi*, p. 64

³¹⁰ Statistical Report on General Election, 1951 to the Legislative Assembly of Delhi. New Delhi, 1951, p. 6.

делийскую власть, но основная оппозиция Брахм Пракашу была именно внутри ИНК. Так как Пракаш стал главой правительства Дели, то вынужден был оставить пост председателя городской партийной организации. Последовавшие затем внутрипартийные выборы оказались неожиданно напряжёнными. Кандидат, поддерживаемый Брахм Пракашем, лишь ненамного обошёл кандидата от внутрипартийной оппозиции – Сайфуддина Китчлу, председателя Всеиндийского совета мира, сблизившегося с КПИ.

В формировании внутрипартийной оппозиции Брахм Пракашу принимали участие многие деятели, руководившие ИНК в Дели до 1940-ых гг. Главными лицами были Юдхвир Сингх, с 1951 г. – депутат законодательной ассамблеи от Чандни Чоук и Джаг Парвеш Чандра, также член городского законодательного совета. Также в оппозицию перешла и член городского правительства Сушила Найар, личный врач Махатмы Ганди, и экс- министр здравоохранения в кабинете Неру. Члены оппозиции Брахм Пракашу придерживались различных политических взглядов, но в общем и целом это был конфликт между социалистической и консервативной частью Конгресса, воспроизводящий противостояние «Неру-Патель» на региональном уровне. Оппозиция опиралась на ту же базу, что и Джана сангх – прежде всего, на панджабских индусов и городские торговые касты.

Основное соперничество происходило на внутрипартийных выборах в состав делийского городского комитета ИНК и делегатов на общенациональные партийные съезды. На выборах 1950-ых – 1960-ых гг. Брахм Пракашу неизменно удавалось обеспечивать большинство мест за своими сторонниками. Однако, после каждых выборов, лидеры оппозиции неизменно обращались к центральному руководству партии требуя, чтобы Брахм Пракаш ушёл в отставку и обвиняя его в махинациях с земельными участками и подтасовке результатов партийных выборов.

В мае-июне 1954 г. Джавахарлалу Неру пришлось провести серию личных встреч с лидерами правящей и оппозиционной фракций – Брахм

Пракашем и Юдхвиром Сингхом³¹¹. Результатом стало письменное обращение Неру к членам делийского Конгресса в поддержку Брахм Пракаша. Неру отметил недопустимость фракционных противоречий в делийском правительстве и необходимость подчинения главному министру. Премьер-министр коснулся внутренних конфликтов в делийском ИНК, определив их как продукт личных разногласий между партийными лидерами, которые не следует выставлять на обозрение прессы.

Поначалу обращение Неру возымело эффект. В ответном письме 17 июня 1954 г. депутаты законодательной ассамблеи от ИНК выразили готовность забыть фракционные разногласия. Но уже в ноябре того же года произошла новая попытка сместить Брахм Пракаша – 18 членов законодательной ассамблеи от ИНК выпустили совместный меморандум и объявили, что главный министр «утратил доверие»³¹². В конфликт опять пришлось вмешиваться центральному руководству – Сушила Найар и Брахм Пракаш встречались с У. Н. Дхебаром, президентом ИНК. Вновь было издано совместное обращение обеих фракций с обещанием рассмотреть нарушения на выборах 1954 г. и «создать атмосферу мира и гармонии».

Раскола удалось избежать, но противостояние фракций сохранилось. Представители власти и оппозиции отстаивали собственные мнения по многим ключевым вопросам – прежде всего, по вопросу о статусе Дели. Группа Брахм Пракаша выступала за придание Дели статуса полноценного штата. Этот проект, предполагавший существенное расширение городских границ, не поддерживали оппозиционеры, выступавшие за сохранение статуса «союзной территории».

На выборах в Делийскую муниципальную корпорацию 1958 г. Конгресс потерпел чувствительное поражение, получив всего 42 места из 84. Выборы принесли успех БДС и коммунистам, которые сформировали

³¹¹ Puri, Y. *Party politics in the Nehru era: a study of Congress in Delhi*, p. 105

³¹² *Party politics in the Nehru era: a study of Congress in Delhi*, p. 111.

необычную коалицию.³¹³ Силами этих двух партий мэром Дели была избрана вышедшая из ИНК Аруна Асаф Али.

Для изучения причин относительного успеха оппозиции на делийских выборах по приказу Неру была создана комиссия во главе с Джай Нараяном Вьясом, бывшим главой правительства Раджастхана. Согласно выводам Вьяса, одним из основных причин поражения стало противостояние между кандидатами от правящей фракции ИНК на городских выборах. Тем не менее, каких-то действий против Брахм Пракаша или оппозиции предпринято не было из-за боязни раскола в делийской партийной организации.

В конечном итоге, ИНК смог сохранить контроль над муниципальным советом, преодолев оппозицию БДС и коммунистов. Аруна Асаф Али вернулась в Конгресс, а в следующем году ушла с поста мэра. Причины сохранения влияния ИНК были связаны с поддержкой лидеров районных общин, существенным влиянием среди религиозных меньшинств и абсолютной лояльностью низкокастовых групп, приобретённой благодаря Брахм Пракашу.

Как ни странно, после плохих результатов партии на городских выборах, внутрипартийное голосование прошло в пользу Брахм Пракаша. Оппозиция получила всего два места из 30 в городском комитете ИНК, причём эти два места заняли представители тех районов, где проживали панджабские беженцы³¹⁴.

Выборы 1962 г. принесли успех ИНК, который получил 73 места из 87 в муниципальном совете и полный контроль над городским управлением. Успех сопутствовал партии и на выборах в Лок сабху. Во всех пяти

³¹³ Jaffrelot, C. *Religion, Caste, and Politics in India*, p. 282.

³¹⁴ Saini, M. K., Andersen, W. The Congress Split in Delhi: The Effect of Factionalism on Organizational Performance and System Level Interactions // *Asian Survey*, Vol. 11, No. 11 (Nov., 1971), pp. 1084-1100, p. 1091.

парламентских округах в Дели победили кандидаты от ИНК – в том числе, Брахм Пракаш³¹⁵. Во многом, причиной победы было сглаживание межфракционных противоречий. Брахм Пракаш понимал, что поддержка оппозиционеров необходима для победы в округах, а оппозиционеры понимали, что их не поддержит центральное руководство партии в случае открытого конфликта.

В середине 1960-ых гг. в рядах делийского ИНК вновь стали обсуждаться проекты изменения статуса города. На фоне неопределённости статуса Панджаба вновь стал актуален проект создания «Большого Дели», предполагавший включение в состав города хиндиязычных областей Панджаба (будущий штат Хариана). Проект поддерживали сикхи, но против него выступали мусульмане-конгрессисты, которые предполагали, что в новом административном образовании серьёзно уменьшится доля их общины.

«Акт об управлении Дели» 1966 г. провозгласил создание выборного городского совета. Новые конфликты между Брахм Пракашем и оппозицией начались вокруг определения списка кандидатов на городских и общенациональных выборах. Выборы в Лок сабху в 1967 г. привели к тяжёлому поражению Конгресса в Дели – БДС победил в 6 округах из семи, от ИНК избрался только Брахм Пракаш³¹⁶.

Выборы 1967 г. ускорили раскол в Конгрессе между сторонниками Индиры и представителями правого крыла, организационно оформившийся в ноябре 1969 г. Партия разделилась на ИНК во главе с Индирой и «Организацию Конгресс», возглавляемую Морарджи Десаи и Ниджалингаппой. Эти события сразу же сказались и на делийской организации. Брахм Пракаш в течение нескольких недель занимал

³¹⁵ Statistical Report on General Elections, 1962 to the Third Lok Sabha, V. I (National and State Abstracts & Detailed Results). New Delhi, 1962, p. 55.

³¹⁶ Statistical Report on General Elections, 1967 to the Fourth Lok Sabha, V. I ((National and State Abstracts & Detailed Results). New Delhi, p. 182.

выжидательную позицию, оценивая, на чью сторону склонятся симпатии большинства рядовых членов партии. В декабре он объявил о своей поддержке линии Индиры, склонив на её сторону партийное большинство – 38 из 42 членов городского совета и 19 из 21 членов муниципального совета. Влияние оппозиции в партийных структурах оказалась выше – 15 из 42 членов городского комитета ИНК поддержали «Организацию Конгресс»³¹⁷.

Тем не менее, «Организация Конгресс» в Дели электорального успеха не имела – на муниципальных выборах 1971 г. ИНК получил 41 место, а «Организация Конгресс» – всего одно. Даже далеко не все лидеры «старой» оппозиции Брахм Пракашу поддержали оппозицию во главе с Десаи. Старые оппозиционные лидеры эпохи Неру – Субадра Джоши и Мир Муштак Ахмад – встали на сторону Индиры. Тем не менее, главным победителем на этих муниципальных выборах оказался всё-таки не ИНК, а БДС, получивший 54 места. Парламентские выборы 1967 г. и муниципальные выборы 1971 г. ознаменовали конец эпохи однозначного доминирования Конгресса в Дели.

Мы видим, что в течение всего периода абсолютного доминирования Конгресса в Дели крайне важное значение имели взаимоотношения между различными фракциями этой партии. Борьбу между различными группами в партийном руководстве делало возможной то, что Конгресс изначально имел гораздо менее иерархичную структуру, чем его основные политические соперники в 1940-1960-ые гг. – КПИ и БДС. Кроме того, в индийской столице Конгресс опирался на целый ряд различных социальных, религиозных и экономических групп, которые часто имели диаметрально противоположные интересы и пытались лоббировать их, оставаясь в рамках правящей партии. Фракционное противостояние оказывало влияние не только на развитие самого ИНК, но и на общую политическую ситуацию в городе и даже на определение административного статуса Дели, так как делийский ИНК не имел единой позиции по этому вопросу, а ряд членов

³¹⁷ Saini, M. K., Andersen, W. The Congress Split in Delhi, p. 1095.

оппозиции более всего опасались, что создание на базе Дели отдельного штата усилит позиции Брахм Пракаша в партийном руководстве.

Левые партии и движения

В общем и целом, двухпартийная система в Дели существовала до 2013 г. Несмотря на существование общинных и кастовых политических движений, и филиалов других региональных политических партий, несмотря на то, что таким политическим силам удавалось иногда проводить своих делегатов в законодательные и муниципальные органы Дели, политическая жизнь города более шестидесяти лет определялась борьбой между Конгрессом и БДС/БДП. До определённой степени, «третьей силой» которая до 2013 г. могла вмешаться в ход политической борьбы, были индийские левые, имевшие максимальное влияние в Дели 1940-1950-ые гг.

Левое движение в 1920-1930-ые гг. группировалось вокруг Конгресс-социалистической партии. В самой КСП действовали группы разной идеологической направленности. Основатели партии поддерживали контакты с Фабианским обществом в Лондоне, вместе с тем, многие рядовые члены КСП сочувствовали коммунистам.

Дели не был центром индийского коммунистического движения, концентрировавшегося в Калькутте и Бомбее. Это объяснялась относительной неразвитостью городской промышленности, более поздним появлением учреждений высшего образования – таким образом, база потенциальных сторонников коммунистов была невелика. Кроме того, столичный статус предполагал более высокий уровень полицейского контроля, а после завершения процесса над руководителями КПИ в Мируте в 1933 г. партия была официально запрещена. Тем не менее, уже со времён Мирутского процесса в Дели была группа КПИ, действовавшая в рамках Конгресс-социалистической партии.

17 июля 1939 г. произошло формальное основание отделения КПИ в Дели³¹⁸. Рудра Датт Бхаратджвадж, уполномоченный КПИ по северной части страны, провёл совещание с группой делейских конгресс-социалистов – в результате, был учрежден городской комитет КПИ во главе с Бахал Сингхом.

В следующие месяцы КПИ действовало в условиях подполья - уже в апреле 1940 г. Бахал Сингх арестован британскими властями. Положение стало резко меняться в июне 1941 г., после нападения Германии на СССР и резкой смены курса КПИ, поддержавшей военные усилия Великобритании.

22 июля 1941 г. делейские коммунисты организовали первую публичную демонстрацию в которой приняло участие около тысячи человек. Летом 1942 г. КПИ в Дели, как и по всей стране, вышла из подполья – открылась легальная штаб-квартира партии напротив Соборной мечети. В ноябре 1943 г. в городе было 110 членов КПИ, тираж газеты *Peoples War* составлял 800 экземпляров. 4000 человек состояли в контролируемом КПИ Всеиндийском конгрессе профсоюзов, 300 человек – в прокоммунистической Всеиндийской студенческой федерации³¹⁹. В январе 1944 г. состоялась первая городская партийная конференция.

Несмотря на формальную поддержку правительства в 1941-1945 гг., КПИ в Дели поддерживал и забастовочное движение. В июле 1942 г. состоялась забастовка связанного с КПИ профсоюза ткачей, в которой приняло участие более двух тысяч человек³²⁰. Уже после достижения независимости в декабре 1947 г. КПИ организовал забастовку на мельницах Бирлы, переросшую в столкновения с полицией. Большое влияние КПИ имела в профсоюзах ткачей, железнодорожников и работников электростанций. Однако, наибольшее число сторонников КПИ имела среди студентов Делейского университета и других учебных заведений. Выходец

³¹⁸ Gupta, A. *Delhi communist party ka itihas*, p. 132.

³¹⁹ *Delhi communist party ka itihas*, p. 175.

³²⁰ *Delhi communist party ka itihas*, p. 144.

из Всеиндийской студенческой федерации Мукимуддин Фаруки с 1944 г. возглавлял городскую партийную организацию.

Интересно, что в 1930-1940 гг. среди делийских партийных активистов была чрезвычайно высока роль мусульман. После августа 1947 г. многие из них уехали в Пакистан как в качестве беженцев, так и по заданию партийного руководства, стремившегося основать пакистанскую компартию.

Положение делийских коммунистов изменилось после пересмотра курса партии на Калькуттском съезде в феврале 1948 г. Тогда был отстранён от власти генеральный секретарь П. Ч. Джоши, находившийся в дружеских отношениях с Неру. Его сменил Б. Т. Ранадив, лидер леворадикального крыла. Компартия объявила о непризнании «марионеточного» правительства, неучастии в выборах и курсе на вооружённое восстание. Аналогичные перемены после съезда произошли и в Дели – «умеренного» Фаруки сместил лидер радикалов Мохаммад Ямин.

Ответом на новый курс КПИ стали аресты лидеров партии в Дели – после организации забастовки железнодорожников в начале 1949 г. Ямин был арестован и выслан в Пакистан. К моменту изменения курса КПИ весной 1951 г. в Дели существенно снизилась численность партии и союзных организаций, большая часть руководителей находилась в тюрьме.

После смягчения курса КПИ стало допускаться участие в выборах. Однако, в первых выборах в 1951 г. в Дели коммунисты не участвовали, поддержав другие политические силы. Прежде всего, КПИ поддержала Крестьянско-рабочую народную партию, которая была наследницей конгресс-социалистов. Новую партию возглавляли вышедшие из ИНК Ачарья Крипалани и Р. А. Кидваи.

В Дели Крестьянско-рабочая партия выставила кандидатом Сучиту Крипалани, жену Ачарьи Крипалани. Поддержанная всеми левыми силами, она победила кандидата-конгрессиста. На выборах в делийскую

законодательную ассамблею левые партии (КПИ, Крестьянско-рабочая народная партия, Революционная социалистическая партия и Социалистическая партия Джайпракаша Нараяна) поделили избирательные округа. Тем не менее, результат левых был неудовлетворителен - в сумме за все партии проголосовало чуть больше 5% избирателей, в законодательное собрание прошли только два кандидата от Социалистической партии. На следующих общенациональных выборах в Дели в 1957 г. левые силы представлены как коммунистами, так и Народно-социалистической партией (объединение Крестьянско-рабочей народной партии и социалистов Нараяна). Коммунисты набрали 4,7%, а народные социалисты – 3,5%, ни одного кандидата провести опять не удалось³²¹. После этого социалисты отказались от выставления кандидатов на общенациональных выборах в Дели. КПИ сделало это в 1962 г., после того, как результаты партии ещё более ухудшились (2,1%).

Конкурировать с Конгрессом и БДС на выборах в Лок Сабху не удавалось, однако несколько другая ситуация складывалась на городских выборах. В 1950-1970-ых гг. компартии удавалось обеспечивать стабильное представительство в законодательных органах. В 1958 г. КПИ была третьей политической силой в муниципальной корпорации, имея 7 депутатов из 84³²². Избранная от КПИ Аруна Асаф Али стала мэром Дели при поддержке БДС и независимых. На выборах в городской совет 1972 г. коммунисты выставили своих кандидатов в 4 округах из 56 и победили в трёх³²³. В своих округах кандидаты-коммунисты получили 50,7%, в городском совете компартия располагала третьей фракцией после Конгресса и БДС.

Однако, уже к концу 1970-ых гг. произошло практически полное исчезновение коммунистов с политического поля Дели. Во-первых, это было

³²¹ Statistical Report on General Elections, 1957 to the Second Lok Sabha, V. I. New Delhi, 1957, p. 44.

³²² Ed. Chopra, P. *Gazetteer of India: Delhi 1976*, p. p.974.

³²³ Statistical Report on General Elections, 1972 to the Legislative Assembly of Delhi. New Delhi, 1972, p. 6.

связано с тем, что КПИ поддержало Индиру Ганди в годы чрезвычайного положения. Но причины ослабления компартии были связаны не только с политической ситуацией конца 1970-ых гг. Происходил быстрый рост населения Дели за счёт переселения в город уроженцев Уттар-Прадеша и Панджаба. В этих регионах влияние компартии было минимальным. Уменьшалась доля «старых» жителей Дели, а среди новых мигрантов компартия получить влияние не могла. Начиная с 1980-ых гг. КПИ, КПИ(м) и другие левые организации получали на выборах десятые доли процента голосов. Политическая активность левых групп сохранилась в университетах, профсоюзах и в рамках общенациональной деятельности компартий – в Дели находятся штаб-квартиры КПИ и КПИ(м), ведётся деятельность парламентских фракций в Лок сабхе.

Исчезновение левых сил в Дели привело к установлению чисто двухпартийной системы, основанной на соперничестве ИНК и БДП. Тем не менее, вне сферы борьбы за контроль над законодательным собранием сторонники различных коммунистических организаций сохранили существенное влияние – прежде всего, речь идёт о влиянии в университетских кампусах. В качестве примера мы рассмотрим ситуацию в Университете им Дж. Неру, выпускники которого оказывают существенное влияние как на общенациональную политическую жизнь, так и на городские процессы в Дели.

*Университетские кампусы и их влияние на политическую ситуацию в столице*³²⁴

Предложение об основании университета в честь памяти Джавахарлала Неру было подано группой индийских парламентариев уже через несколько месяцев после смерти первого премьер-министра в 1964 г. Противники проекта указывали на необоснованность решения об основании второго

³²⁴ Раздел основан на материалах авторской статьи - Спектор И. Б. *Студенческие движения в Индии: политическая борьба в Университете Неру*//Азия и Африка сегодня, том 737, № 12, 2018, с. 69-75

университета в Дели, учитывая, что многие штаты до сих пор не имеют собственного учебного заведения³²⁵. Их оппоненты возражали, что второй университет жизненно необходим именно Дели, население которого существенно выросло после притока беженцев из Пакистана в конце 1940-х гг. Кроме того, создаваемый университет должен был находиться под прямым контролем союзного правительства и предоставлять образование студентам из разных регионов страны, способствуя сохранению национального единства. Также университет должен был ориентироваться на приём выпускников высших учебных заведений, которые решили продолжить высшее образование после получения степени бакалавра.

Новообразованному учебному заведению передали часть помещений Делийского университета, располагавшихся к югу от Аджмерских ворот. Часть преподавателей также перешла из Делийского университета, но их число было явно недостаточным, поэтому их дополнили кадрами из Мусульманского университета в Алигархе и в особенности - из университетов Западной Бенгалии и Бихара. С этого момента сложился традиционный состав учащихся Университета Неру - непропорционально много студентов и преподавателей из Западной Бенгалии и Бихара и сравнительно много мусульман.

В университет были включены основанные ранее Индийская школа международных исследований и Центр русских исследований. Вообще же, с самого начала стала очевидна ориентация Университета Неру именно на гуманитарные исследования - в университете стали преподавать многие известные историки. Некоторые из них, как, например, Бипан Чандра, придерживались марксистских взглядов и были связаны с компартией. Интересно, что в университете долгое время преподавал П. Ч. Джоши – первый генеральный секретарь КПИ.

³²⁵ [Batabyal](#) R. *Jnu: The Making Of A University*. New Delhi, 2015, p. 119.

Гуманитарная направленность университета, отделённость университета от городской жизни и состав преподавателей и студентов с самого начала предопределили высочайший уровень политизации университета. При этом, в отличие от студентов многих других индийских вузов, студенты Университета Неру были, прежде всего, озабочены общенациональными вопросами.

С самого начала ведущую роль в студенческом союзе университета играли два факультета - Школа международных исследований и Школа социальных исследований. Именно на этих факультетах сильнее всего были распространены леворадикальные настроения, представленные, прежде всего, СФИ - студенческим крылом КПИ(м). СФИ в университете возглавлял Пракаш Карат - будущий генеральный секретарь КПИ(м). На первых выборах в студенческий совет университета победу одержала коалиция СФИ и АИСФ. Интересно, что формирование коалиции последних двух студенческих организаций прошло примерно в то же время, когда в Западной Бенгалии и Керале были сформированы правительства «Левого фронта», включавшего в себя КПИ(м) и КПИ как младшего партнера. Это обстоятельство говорит о том, что политика студенческих организаций была достаточно сильно зависима от политики партийной³²⁶.

Доминирование коалиции СФИ и АИСФ в университете продолжалось с начала 1970-х и до середины 2000-х гг. В правой среде университет получил ироническое название «Кремль-на-Ямуне». Коммунисты фактически не имели соперников в студенческой среде - в университете действовал либеральный «Союз свободомыслящих» и конгрессистский студенческий союз, но обе эти организации находились в явном меньшинстве. Отделение индусского националистического АБВП было создано только в 1996 г., уже в то время, когда началась политическая трансформация внутри университета.

³²⁶ Pattnaik S. K. *Student Politics and Voting Behaviour: A Case Study of Jawaharlal Nehru University*. New Delhi, 1982, p. 81.

Частично эта трансформация была связана с изменениями в индийском левом движении. КПИ и КПИ(м) переживали кризис, связанный с распадом мирового социалистического лагеря. В т.ч. и из-за этого, в молодёжной среде начали набирать популярность движения, не связанные с традиционными легальными компартиями. Подпольное наксалитское движение с 1970-х гг. пережило множество расколов, связанных с тактическими и идеологическими вопросами³²⁷. В начале 1990-х гг. наксалитская группировка под названием «Коммунистическая партия Индии (марксистско-ленинская) - Освобождение» объявила о переходе к легальным методам работы и начала принимать участие в выборах. В 1990 г. под её эгидой была создана новая студенческая организация - Всеиндийская студенческая ассоциация (*All India Student Association* - АИСА), базой которой стал штат Бихар.

В 1990-е гг. радикалы-наксалиты начали вытеснять традиционные компартии из университета, а в 2005-м впервые отобрали у *SFI* контроль за студенческим советом. Неожиданный успех студенческой организации, не связанной с крупными политическими силами («КПИ(м-л) - Освобождение» не имеет ни одного места в парламенте) можно приписать общей радикализации студенческой среды в *JNU*, но объяснение взлёта АИСА связано также с изменениями в составе студентов университета и в повестке всего индийского левого движения.

«Традиционными» индийскими компартиями, несмотря на декларируемое кастовое равенство, руководили в основном представители образованных высококастовых слоев. Большая часть студентов из Бенгалии, оставлявших основу влияния коммунистических групп в университете, происходила из среды бенгальской интеллигенции («бхадралоки»). С конца

³²⁷ Куценков А.А. Наксализм – угроза государственной безопасности Индии// *Индия: перспективы современного развития. Внутренний, региональный и глобальный аспекты*. Москва 2013, с.11.

1990-х гг. их число начало уменьшаться из-за введения системы резерваций мест в университете для низкокастовых студентов.

СФИ и АИСФ система резерваций поставила в сложное положение - с одной стороны, они не могли выступить против движения низкокастовых из-за идеологических соображений, с другой стороны, увеличение числа низкокастовых студентов вело к резкому уменьшению их влияния. Одновременно испортились отношения с коммунистическим правительством в Западной Бенгалии, что привело к отходу студентов-мусульман от СФИ и АИСФ. Именно за счёт низкокастовых студентов и студентов-мусульман приобрела своё влияние АИСА.

Оппоненты АИСА часто обвиняют её в том, что она имеет слабое отношение к марксизму. Действительно, на фоне старых студенческих организаций университета, связанных с традиционными компартиями, идеология АИСА представляет собой странную смесь из маоизма и лозунгов борьбы за права низкокастовых. Кастовым вопросам уделяется особое внимание, большая часть агитации посвящена именно этой проблеме.

Для АИСА характерно крайне негативное отношение к любому индийскому правительству и открытая поддержка наксалитского движения - на плакатах организации на стенах кампусов часто изображается Чару Маджумдар, один из предводителей наксалитского движения в 1960-е гг. Несмотря на то, что АИСА представляет «умеренное» крыло наксалитского движения, формально отказавшееся от вооружённой борьбы, многие бывшие члены организации присоединяются к наксалитским вооружённым формированиям. Наиболее известен пример Навина Бабу, одного из основателей АИСА в университете, после завершения образования ставшего одним из наксалитских командиров в штате Андхра-Прадеш и погибшего в стычке с полицией в 2000 г.³²⁸.

³²⁸ *Book authored by naxal released.* The Hindu: e-paper. URL: <http://www.thehindu.com/todays-paper/tp-national/tp-andhrapradesh/Book-authored-by-naxal-released/article15307837.ece> (accessed 9.12.2017)

Несмотря на связь с наксалитами, в идеологии АИСА есть ряд черт, сближающих организацию с легальными политическими силами в Индии - и, прежде всего, с низкокастовыми политическими партиями, которые в последние десятилетия стали влиятельной силой во многих индийских штатах. Некоторым из подобных партий (Самаджвади и БСП в Уттар-Прадеше, Раштрия джаната дал в Бихаре), но единой идеологической основы у них не было - в основном, их деятельность сводилась к отстаиванию интересов конкретных кастовых групп за счёт остального населения. Характерно, что в университете долгое время не существовало отдельной организации низкокастовых студентов – их интересы успешно представляла АИСА. В 2015 г. была основана «Студенческая ассоциация имени Амбедкара - Пхуле -Бирсы»³²⁹, но до сих пор она выступает в блоке с АИСА.

С середины 2000-х гг. АИСА является крупнейшей студенческой организацией в университете. В 2007 г. её кандидат победил на выборах председателя студенческого совета, набрав 32,5% голосов, в 2012 г. он уже набрал 45,3%³³⁰. Одновременно с этим неуклонно уменьшалась доля голосов, поданных за «традиционные» коммунистические организации.

Раскол произошёл не только по кастовому, но и по географическому признаку. За АИСА в основном голосовали студенты из хиндиязычных регионов, за СФИ - студенты из Западной Бенгалии и южных штатов. Увеличение числа студентов из хиндиязычных регионов, являющихся традиционной базой индусских националистов, привело к усилению ранее практически незаметного АБВП: на выборах организация получила 6% и 9% голосов, соответственно.

³²⁹ Организация названа в честь трёх далитских деятелей – Джьотирао Пхуле (1827-1890), Бирсы Мунды (1875-1900) и Бхимрао Амбедкара (1891-1956)

³³⁰ *JNU: Something is Left in the Right and Something Right in the Left*. Hardnews: e-paper. 2012. URL: <http://www.hardnewsmedia.com/2012/03/4692> (accessed 9.12.2017)

В традиционно левом университете ультраправый АБВП маргинализирован, но компенсирует малочисленность высокой активностью. В развешиваемых по университетским стенам плакатах АБВП особое внимание уделяется антикоммунистической агитации и «китайской угрозе», коммунисты обвиняются в сочувствии террористам, связям с Пакистаном и национальном предательстве.

Именно с конфликта ультраправых и ультралевых группировок в университете в феврале 2016 г. начались события, сделавшие политическую жизнь в Университете Неру проблемой общенационального уровня. Несколько студентов организовали митинг в память Афзала Гуру, кашмирского сепаратиста и участника атаки на индийский парламент, казнённого в 2013 г. Сходка была разогнана активистами АБВП. Стоит отметить, что собрание было созвано не АИСА и не СФИ, а членами малочисленного Демократического студенческого союза – организации, формально не ассоциированной ни с какими политическими организациями, а фактически связанной с запрещённой КПИ (маоистской)*. Но в противостояние с АБВП, а затем и с индийскими властями оказалась втянута не только эта маленькая организация, но и большая часть студентов университета.

12 февраля президент студенческого союза университета Канхайя Кумар был арестован по обвинению в «подстрекательстве к мятежу». Аналогичные уголовные дела были возбуждены ещё против нескольких студентов. 14 февраля студенты объявили забастовку вплоть до освобождения Канхайи Кумара, их поддержала большая часть преподавателей³³¹. Интересно, что студенты нашли союзников в лице практически всех политических сил, оппозиционных нынешнему

³³¹ JNU Students give shutdown call// The Hindu

<http://www.thehindu.com/news/cities/Delhi/jnu-students-give-shutdown-call/article8236090.ece>
(accessed 9.12.2017)

правительству Нарендры Моды. Их поддержали не только КПИ и КПИ(м), но и Индийский национальный конгресс: лидер партии Рахул Ганди приехал в университет и встретился с лидерами протестующих. В защиту студентов выступило также делийское городское правительство Арвинда Кеджривала, находящееся в оппозиции к центральной власти.

Таким образом, студенческие протесты, начатые группой пронаксалитских радикалов, были поддержаны политическими группами самой разной идеологической направленности. В свою очередь, лидеры студенческих протестов старались концентрировать внимание общественности не на конфликте радикальных групп, который положил начало всем событиям вокруг университета, а на ограничении правительством свободы слова и университетской автономии. С другой стороны, в риторике сторонников индусских националистов университет стал изображаться как центр «антинациональных сил», прибежище наксалитов и всевозможных сепаратистов.

Явных победителей в университетском конфликте начала 2016 г. не было. Лидеры студенческих протестов получили условные сроки, но влияние леворадикальных групп в университете только увеличилось, что показали последовавшие выборы: АИСА продолжило контролировать студенческий совет. Но, как нам кажется, неверно сводить университетские волнения 2016 г. к выступлению леворадикальных организаций. Скорее, мы можем наблюдать выступление коалиции самых разных общественно-политических сил против гегемонии БДП.

Характерно, что в начале 2017 г. подобные события имели место во втором крупнейшем учебном заведении столицы - Делийском университете. В Университете Неру выступления возглавили леворадикалы, в Делийском университете против индусских националистов объединились конгрессисты и сторонники ААП.

Конечно, политическая ситуация в Университете Неру уникальна не только на фоне всей Индии, но и на фоне обстановки в других высших учебных заведениях страны. Несмотря на это, университетские протесты позволяют нам сделать некоторые выводы о политической ситуации во всей Индии. Мы видим, что значительная часть индийского общества критически относится к идеологии индуистского национализма и к политике правящей БДП. Вместе с тем, ИНК - основная секулярная политическая сила - переживает глубокий кризис, демонстрирует всё более и более низкие результаты на региональных выборах и, очевидно, не может претендовать на главенство в оппозиции.

В этой ситуации возможно появление новой политической силы, объединяющей секулярный электорат, который не устраивает бюрократически-клановый характер ИНК и регионализм остальных оппозиционных сил. В феврале 2016 г. университетское сообщество объединилось вокруг АИСА, не смутившись связями этой организации с наксалитами.

Естественно, на всеиндийском уровне такое объединение невозможно, но уже на уровне Дели мы с 2014 г. можем наблюдать быстрый успех Партии простых людей (ААП) Арвинда Кеджривала, к которой перешли многие избиратели Конгресса. Появление подобной новой политической силы или создание новой широкой коалиции сил секулярного толка возможно и на всеиндийском уровне.

3.2. Трансформация политического облика столицы в 1960-1990-ые гг.

Одним из наиболее важных этапов истории Дели во второй половине XX века является период чрезвычайного положения, введённого правительством Индиры Ганди и действовавшего с 25 июня 1975 г. по 21 марта 1977 г. Этот 21-месячный период сопровождался ограничениями прав

и свобод граждан и запретом большей части оппозиционных партий. Было введено прямое президентское правление, выборы как на городском, так и на общенациональном уровне не проводились. Тем не менее, период 1975-1977 гг. во многом определил дальнейшее развитие политической жизни в городе. Именно Дели стал ареной основных событий периода чрезвычайного положения, хотя первоначально оппозиционное движение под руководством Джайпракаша Нараяна изначально развивалось за пределами Дели, в штатах Бихар и Гуджарат.

В самой столице позиции правящей партии в начале 1970-ых гг. выглядели достаточно прочно – несмотря на произошедший в 1969 г. раскол в ИНК, влияние противников Индиры Ганди из возглавляемого Морарджи Десаи Конгресса (Организации) были в Дели чрезвычайно слабым. На парламентских выборах 1971 г. лучшим результатом Конгресса (О) стали 4,9 %, полученные в округе Сельский Дели³³². Главным соперником Конгресса в городе оставался Джана сангх - столичную организацию партии возглавляли Б. Мадхок и А. Б. Ваджпай, политики общенационального уровня. Джана сангх пользовался существенной поддержкой, на выборах 1971 г. за его кандидатов проголосовало 29,5% избирателей, но ни в одном округе индусским националистам провести своего кандидата не удалось – все 7 представителей Дели в Лок сабхе были избраны от ИНК. Другие силы, позже ставшие основной Джаната парти, выступили крайне неудачно – Конгресс (О) получил 1,6%, Бхаратия кранти дал – 1,9%.

Начавшаяся в 1974 г. совместная кампания оппозиционных сил вскоре затронула и Дели. 6 марта 1975 г. столицу посетил Джайпракаш Нараян, собравший массовые митинги по образцу Бихара. Постоянные митинги в Дели проходили весной-летом 1975 г. Особенно противостояние обострилось после 12 июня 1975 г., когда оппозиция смогла одержать победу на выборах в Гуджарате, а суд в Аллахабаде признал недействительными итоги выборов

³³² Statistical Report on General Elections, 1971 to the Fifth Lok Sabha, V. I. New Delhi, 1971 p. 199.

в округе Барели, откуда избралась Индира Ганди и лишил премьер-министра депутатского мандата. 20 и 25 июня в Дели прошли два массовых митинга – сторонников Индиры Ганди и оппозиции. Противники Индиры обвиняли её сына Санджая Ганди в том, что он мобилизовал автобусы Делийской транспортной корпорации для доставки в Дели сторонников ИНК из Раджастхана и Харианы. Проправительственная пресса аналогично обвиняла оппозиционеров в доставке сторонников Дж. Нараяна из Бихара.

На митинге 25 июня Нараян заявил о начале через 3 дня общенациональной сатьяграхи. Кроме того, лидер оппозиции обратился к армии и полиции с призывом не выполнять приказов «незаконного правительства». Во многом, именно митинг 25 июня спровоцировал правительство на ответные действия.

Чрезвычайное положение было введено в ночь с 25 на 26 июня, соответствующий указ был подписан президентом Фахруддин Али Ахмедом. Деятельность большинства политических партий запрещалась, их лидеры, большая часть из которых съехалась в Дели на общенациональный митинг оппозиции, арестовывались. Прежде всего, были арестованы Дж. Нараян, Л. К. Адвани, А. Б. Ваджапай, М. Десаи и лидер Бхаратия лок дал Чаран Сингх. Во введении чрезвычайного положения большую роль сыграли городские власти, подготовившие комплекс соответствующих полицейских мер. Ключевую роль в этом процессе сыграл лейтенант-губернатор Дели Кишен Чанд. По его приказу ночью было отключено электричество в районе улицы Бахадур Шах Зафар, где располагались редакции крупнейших общенациональных газет. В итоге, большая часть редакций не смогла выпустить номера к утру 26 июня.

На Дели пришлась основная масса арестов в первые дни после введения чрезвычайного положения. Точное количество неизвестно, но несколько сотен человек были задержаны по политическим мотивам, в том числе, многие депутаты парламента. Во избежание волнений в столице,

арестованных лидеров оппозиции немедленно вывезли из Дели и содержали на правительственных виллах в Хариане.

В первые дни после введения чрезвычайного положения массовых протестов в столице не наблюдалось. Единственным исключением стали активисты РСС, которые попытались блокировать правительственные здания. Их немногочисленные демонстрации были быстро разогнаны полицией³³³. Арестованного Дж. Нараяна даже провезли по Дели, чтобы продемонстрировать спокойствие в городе.

Не все лидеры оппозиции были арестованы в первую ночь. Некоторые были предупреждены заранее и смогли скрыться и уйти в подполье. Например, один из лидеров БДС Нанаджи Дешмукх остался на свободе до ноября 1975 г. и возглавлял в Дели работу Лок сангхарш самити (Комитета народной борьбы) – координационной структуры, объединявшей все силы оппозиции. Ещё одним видным оппозиционным деятелем, проживавшим в столице и оставшемся на свободе, был Ачарья Крипалани – правительство не могло пойти на его арест, учитывая роль Крипалани в национально-освободительном движении. 2 октября 1975 г. состоялась первая массовая акция оппозиции в Дели после введения чрезвычайного положения. В день рождения Ганди на Радж Гхате был проведён антиправительственный митинг во главе с Крипалани. В первые месяцы после введения чрезвычайного положения массовые выступления в Дели были сравнительно редки. Основная форма оппозиционной активности заключалась в распространении неподцензурных газет, листовок, записей выступлений лидеров оппозиции – по Дели в большом количестве экземпляров расходило открытое письмо Нараяна к Индире Ганди.

Переход к нелегальной деятельности значительно повысил роль индусских националистов в оппозиционной среде. Для Конгресса (О), социалистов и Бхаратия кранти дал основным направлением всегда была

³³³ Chandra B., Mukherjee A., Mukherjee M. *India After Independence*. New Delhi, p.174.

деятельность в парламенте – особенно это касается Дели, где располагались общенациональные представительские органы и офисы политических партий. БДС же располагал большим количеством активистов на низовом уровне и, кроме того, союзными организациями, входящими в «Сангх паривар». В июне 1975 г. большая часть этих организаций попала под запрет, но индусские националисты уже имели опыт нелегальной деятельности в 1948-1949 гг. Интересно, что руководство «Сангх паривар» не сразу определилось со своим отношением к чрезвычайному положению. Попавший под арест верховный руководитель РСС М. Деорас направлял послания Индире Ганди, предлагая сотрудничество в деле «обновления страны». Отсутствие реакции правительства и продолжающиеся аресты сваямсеваков побудили РСС полностью связать себя с оппозицией. В итоге, нахождение в подполье пошло РСС на пользу, несмотря на арест лидеров организация успешно функционировала. За период 1975-1977 гг. число шакх увеличилось по стране с 8,6 до 11 тыс.³³⁴ Такой же рост сохранялся и в Дели. В столице за годы чрезвычайного положения удалось наладить контакт с различными группами населения, ранее не поддерживавшими индусских националистов, но перешедших в лагерь оппозиции из-за действий правительства Индиры Ганди и городской администрации.

Одним из наиболее противоречивых действий правительства в Дели в ходе чрезвычайного положения являлась кампания по сносу городских трущоб. Вопреки заявлениям лидеров оппозиции, этот проект не был личной инициативой Санджая Ганди. Ситуация с нелегальным строительством вышла на первый план ещё с 1940-ых гг., с быстрым ростом населения Дели она только ухудшалась. Отдельной проблемой была ситуация в Старом городе – Шахджаханабаде. Проекты выселения части населения Старого города выдвигались ещё при Неру. Одним из инициаторов этих проектов был

³³⁴ Basu, T. *Khaki Shorts and Saffron Flags: A Critique of the Hindu Right*. New Delhi, 1998, p. 53.

Джагмохан Малхотра, в 1975 г. – вице-президент Делийской корпорации развития. Ещё в 1960-ые гг. Малхотра предлагал Неру расселить Старый город – часть жителей выселить на восточный берег Ямуны, а часть сделать фермерами, дав земельные наделы. Сам центр Дели следовало полностью реконструировать. Дж. Малхотра приводил в пример реконструкцию Парижа бароном Османом в середине XIX века. Утверждалось, что Старый город не соответствует столичному статусу Дели, а снос трущоб вокруг исторических памятников позволит увеличить поток туристов из западных стран.

Переселения проводились ещё до введения чрезвычайного положения, однако после июня 1975 г. их масштаб увеличился. Далеко не всегда переселяемые жители старых районов негативно относились к этому процессу, часто их жилищные условия улучшались. Тем не менее, процесс расселения центральных районов имел ряд недостатков, приведших к кризису в апреле 1976 г. Прежде всего, на восточном берегу Ямуны не создавались новые рабочие места. Большая часть переселяемых жителей была занята в торговле и продолжала ездить на работу в Старый город. Вместе с увеличением транспортных расходов выросла и социальная напряжённость. Во-вторых, большую часть переселяемых составляли мусульмане, исторически доминировавшие в старых городских кварталах. Дж. Малхотра отрицал обвинения в исламофобии, считая, что его действия не носят политического характера³³⁵. Учитывая происхождение самого Малхотры (он был панджабским беженцем), среди мусульманской общины ходили слухи о том, что истинная цель переселения – создание в центре столицы районов с индуcским большинством. Якобы, Малхотра отдавал распоряжения о недопущении воссоздания «мусульманских» кварталов на восточном берегу Ямуны и заявил, что «нельзя допустить, чтобы в столице опять был воссоздан Пакистан»³³⁶.

³³⁵ Jagmohan. *Triumphs and Tragedies of Ninth Delhi*. New Delhi, 2015, p. 33.

³³⁶ *Governor's Rule in Jammu and Kashmir: Residents recall Jagmohan Malhotra's 1990 reign with fear, horror*. Firstpost: e-paper. 2012. URL: <https://www.firstpost.com/india/governors-rule-in-jammu-and-kashmir-residents-recall->

Все эти обстоятельства провоцировали межобщинное напряжение. Кроме того, политика правительства по ограничению рождаемости, поощрение добровольной стерилизации и открытие центра по планированию семьи в Старом Дели дополнительно накалило обстановку и усилило неприязненное отношение жителей к работникам Делийской корпорации развития и непосредственно к курирующему работы Санджаю Ганди.

Решение о сносе квартала вокруг Туркменских ворот было принято в начале апреля 1976 г. 15 апреля Санджай Ганди встретился с представителями населения района, преимущественно мусульманами, в мечети Фазл-е Илахи. Встреча сорвалась, куда-либо переселяться жители отказались³³⁷. Особое недовольство было связано с тем, что в ходе сноса трущоб снесли и несколько законных построек. После того, как жители квартала обратились к Субхадре Джоши, депутату от Чанди Чоук в парламенте, члену ИНК и давней соратнице Индиры Ганди, снос был временно прекращён, но возобновился 19 апреля. Жители квартала начали забрасывать полицейских камнями, в ответ был открыт огонь.

Достоверно установить, кто отдал приказ о применении оружия не удалось, хотя инцидент пыталась расследовать парламентская комиссия Дж. Ч. Шаха, созданная после прихода оппозиции к власти в 1977 г. Непосредственно после инцидента было признано, что в результате действий полиции погибло 6 человек и ещё 146 получили ранения³³⁸. В настоящее время даются самые разные оценки количества жертв событий 19 апреля – от 10 до 200 человек. Ввиду того, что в период чрезвычайного положения подцензурная пресса данные об инциденте не публиковала, в городе ходили слухи о сотнях жертв.

jagmohan-malhotras-1990-reign-with-fear-horror-4602271.html (accessed 28.08.2019)

³³⁷ *Shah Commission of Inquiry – Interim Report II*. New Delhi, 1977, p. 120.

³³⁸ *Rear view: The beginning of resistance*. The Indian Express: e-paper. 2014. URL: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/rear-view-the-beginning-of-resistance/> (accessed 28.08.2019)

Снос квартала у Туркменских ворот был приостановлен после обращения к Индире Ганди со стороны Шейха Абдуллы, главы правительства Джамму и Кашмира, который часто выступал от имени всей мусульманской общины страны. Ввиду общественного возмущения проекты Санджая Ганди и Дж. Малхотры по расселению Старого города были свёрнуты.

Ещё большее недовольство у жителей столицы вызывала кампания по ограничению рождаемости и деятельность «Ассоциации по планированию семьи», которой покровительствовал Санджай Ганди. «Ассоциация» пропагандировала необходимость стерилизации среди мужчин, имеющих трёх или более детей. Нижестоящие власти, борясь за благосклонность правительства, стремились увеличить число стерилизованных, нарушая добровольный характер кампании. В Дели в 1976 г. городские власти не выдавали лицензии для автокрикш без предъявления сертификата о стерилизации³³⁹. Подобные действия приводили к нападениям на медицинские центры, где проводилась стерилизация, и к столкновениям с полицией.

Кампании по стерилизации, как и кампании по расселению трущоб затрагивали наиболее малообеспеченные слои населения Дели – мусульман и низкокастовые группы, до 1975-1977 гг. сохранявшими лояльность ИНК. Но мероприятия периода чрезвычайного положения ассоциировались именно с партией. Одним из лидеров Конгресса в тот период был Санджай Ганди, фактически ответственный за положение дел в столице. Городскую администрацию возглавляли конгрессисты Дж. Малхотра и К. Чанд, «команда Санджая», ответственная и за городские проекты, включала лидеров Молодёжного Конгресса - Пранаба Мукерджи, Амбику Сони, Камала Натха и т. д. В Дели недовольство мероприятиями правительства

³³⁹ Chandra B., Mukherjee A., Mukherjee M. *India After Independence*. New Delhi, p.173.

было особенно велико и это не могло не сказаться на результатах выборов, проведённых вскоре после отмены режима чрезвычайного положения.

Главным соперником ИНК на выборах 1977 г. стала Джаната парти, возникшая в январе того же года в результате объединения БДС, Бхаратия лок дал и Конгресса (О). Кроме того, к оппозиции присоединился Джагдживан Рам, бывший министр в правительстве Индиры Ганди и неформальный лидер низкокастовых в рамках ИНК. Вслед за Джагдживан Рамом ИНК покинул Брахм Пракаш, многолетний глава делийской организации ИНК и также представитель зарегистрированных каст. Уход Брахм Пракаша существенно ослабил позиции ИНК в столице.

Результаты ИНК на выборах в Лок сабху в марте 1977 г. были крайне неудовлетворительными даже на фоне остальных регионов. Джаната парти получила в городе 68,1% голосов, удачнее оппозиция выступила только в соседней Хариане³⁴⁰. Она победила во всех семи избирательных округах столицы. Наиболее убедительная была победа Ваджпай, который избирался от округа Нью-Дели и получил 71,2% голосов³⁴¹. Индусские националисты стали главными победителями этих выборов. Из семи победивших в Дели кандидатов, четверо – Ваджпай, Шив Нараян Сарсония, Канвар Лал Гупта, Кумар Малхотра – являлись бывшими членами БДС. Остальные трое – Кишор Лал, Брахм Пракаш, Сикандер Бахт – были выходцами из Конгресса. Оппозиция одержала победу и на проводившихся одновременно выборах в муниципальный совет – Джаната парти получила 46 мест из 56.

Чрезвычайное положение, вводившееся для преодоления острого политического кризиса в итоге привело к смене правящей партии как в столице, так и на общенациональном уровне – в первый раз за всю историю независимой Индии. Одним из наиболее важных последствий чрезвычайного положения для политической ситуации в Дели стало снижение зависимости

³⁴⁰ Statistical Report on General Elections, 1977 to the Sixth Lok Sabha, V. I, p. 108.

³⁴¹ Statistical Report on General Elections, 1977, p. 197.

между поддержкой основных партий избирателями и факторами касты и конфессии. От Конгресса отошла часть далитов и мусульман, недовольных действиями городских властей. Показательно, что избравшийся от Дели в парламент Сикандер Бахт позднее станет членом БДП, партии, созданной на базе Джана сангх. В отличие от своего предшественника, БДП начала претендовать на представительство всех групп населения.

Сразу же после победы на выборах в марте 1977 г. и формирования правительства Джаната парти во главе с Морарджи Десаи, новые власти распустили контролируемые ИНК городской совет и Делийскую муниципальную корпорацию и назначили досрочные выборы, которые и прошли в апреле. На волне непопулярности ИНК Джаната парти смогла подчинить себе муниципальные органы власти и получить 46 из 56 мест в городском совете. Таким образом, впервые с 1947 г. Конгресс был отстранён от власти в Дели и на общенациональном и на городском уровне. Сменилась и городская исполнительная власть – губернатор Кришан Чанд, сподвижник Санджая Ганди, был немедленно отправлен в отставку, его сменил Далип Рай Кохли.

Джаната парти располагала практически неограниченной властью в столице – тем не менее, эффективно распорядиться ей она не смогла. С самого формирования правительства Морарджи Десаи начались конфликты между различными фракциями внутри Джаната парти – выходцами из Бхаратия джана сангх, Конгресса за демократию, Бхаратия лок дал и т. д. Конфликты практически парализовали деятельность правительства. Несмотря на то, что на уровне Дели доминирующую роль играл бывший БДС, в столице также ощущалось противостояние, имевшее место на общенациональном уровне. Например, летом 1978 г. в столицу прибыло несколько десятков тысяч фермеров-джатов из Уттар-Прадеша, сторонников министра внутренних дел Чаран Сингха. Последнего (тоже джата) Морарджи Десаи пытался убрать из состава правительства. Протестуя против этого

решения, джаты перекрыли основные транспортные артерии города. На фоне политической нестабильности особенно явно проявилась неспособность правительства и местной власти решить городские проблемы. Летом 1978 г. сильнейшие дожди привели к выходу Ямуны из берегов и крупному наводнению в столице.

В результате, на досрочных выборах в январе 1980 г. ИНК во главе с Индирой Ганди смог практически полностью вернуть утраченные позиции как в стране, так и в столице. ИНК в Дели получил 50,4%, Джаната парти – 37,9%, Джаната парти (светская) – 6,8%³⁴². В 6 округах победили кандидаты от ИНК, только в Нью-Дели от Джаната парти смог пройти А. Б. Ваджпаи.

В организации победы на выборах 1980 г. большую роль сыграл Санджай Ганди. В парламент от Дели были избраны люди из «команды Санджая», вышедшие из молдѣжного движения ИНК - Джагдиш Тайтлер, Саджан Кумар, Дип Чанд Шарма. Несмотря на последовавшую вскоре смерть Санджая Ганди, эти люди продолжили играть важную роль в городской политике.

Несмотря на поражение, результаты Джаната парти в Дели были самыми высокими по стране – в целом по Индии партия получила всего 19%. Относительный успех в Дели был достигнут за счёт индусских националистов, бывших членов БДС. После поражения на выборах 1980 г. они взяли линию на выстраивание собственной политической силы. Её основу составляли бывшие активисты Джана сангх, но социальная база существенно расширилась за счёт бывших союзников по оппозиции. В основанную 6 апреля 1980 г. Бхаратия джаната парти в Дели вошёл ряд низкокастовых активистов и даже некоторые мусульмане, например, Сикандер Бахт.

Сразу же после возвращения ИНК к власти, правительство Индиры Ганди предприняло действия, аналогичные политике Десаи в 1977 г. – был

³⁴² Statistical Report on General Elections, 1980 to the Seventh Lok Sabha, V. I, p. 108.

немедленно распущен оппозиционный городской совет и муниципальные корпорации. До 1983 г. Дели управлялся напрямую лейтенант-губернатором.

Одним из первых действий БДП, ставшей главной оппозиционной силой в Дели, была кампания за восстановление городского самоуправления. БДП осталась единственным жизнеспособным остатком Джаната парти в столице, все остальные оппозиционные силы в Дели стремительно теряли популярность. Получив относительно высокие результаты на общенациональных выборах 1980 г., индусские националисты имели основания рассчитывать на успех на городском уровне.

Лидеры БДП в Дели – Виджай Кумар Малхотра, Мадан Лал Кхурана, Кедар Натх Сахни – организовывали массовые митинги, обращались к президенту и в Верховный суд с требованием как можно скорее провести в Дели выборы. В 1983 г. выборы были проведены, но результат оказался не слишком удачен для БДП: партия получила 19 из 56 мест в городском совете и 37 из 100 мест в ДМК³⁴³. Во многом, Конгресс смог одержать победу в Дели из-за того, что после смерти Санджая Ганди низовые партийные органы получили большую автономию и местные организации ИНК получили возможность выдвигать кандидатов по своему усмотрению. Против БДП также сыграла позиция сикхов - лидеры Акали дал призывали делейских сикхов бойкотировать выборы в знак протеста против правительственной политики в Паджабе.

Ещё более впечатляющую победу Конгресс одержал на выборах 1984 г., проводившихся менее чем через два месяца после убийства Индиры Ганди. В ходе предвыборной кампании 1984 г. превалирующую роль играли общенациональные проблемы, прежде всего, рост сепаратизма в Ассаме и Панджабе. Выборы проходили всего через несколько недель после кровавых сикхских погромов, центром которых стал именно Дели. На этом фоне Конгресс, выступавший под лозунгами национального единства, получил в

³⁴³ Datta, A. *Party Politics in Delhi: 1980-1990*, p. 50.

Дели чрезвычайно высокие результаты (68,7% голосов) и победил во всех округах. В первый раз участвовавшая в выборах БДП набрала 18,8% голосов. Выборы 1984 г. стали первой избирательной кампанией, где высокую роль сыграла телевизионная агитация. По телевизору постоянно транслировались последние речи Индиры и выступления Раджива Ганди.

От Дели смогли избраться ведущие деятели Конгресса – Кришна Чандра Пант, будущий министр образования, Лалит Макен, один из лидеров молодёжного ИНК и зять будущего президента Шанкар Даял Шармы, министр информации Х. К. Л. Бхагат и министр гражданской авиации Джагдиш Тайтлер.

Большая часть депутатов от Дели вскоре заняла различные посты в правительстве Раджива Ганди. Исключением стал лишь Лалит Макен, 31 июля 1985 г., убитый у своего дома в Дели сикхскими боевиками, считавшими его организатором погромов 1984 г.

БДП выдвинула своих кандидатов только в городских округах. Во Внешнем Дели и в Восточном Дели её представители снялись в пользу соответственно Лок дал и Джаната парти. Попытка построения коалиции ничего не дала, в этих округах Конгресс получил больше 70% голосов³⁴⁴. Для руководства БДП стало очевидно, что в столице не имеет смысла сотрудничать с другими оппозиционными партиями.

БДП выступала с критикой «династической политики» Конгресса и заявляла об отсутствии у Раджива Ганди какого-либо опыта для руководства правительством. Особый упор делался на неспособности ИНК остановить межобщинные столкновения. Вместе с тем, против БДП сыграло именно отсутствие у Раджива Ганди политического опыта и, как следствие, его невовлечённость в коррупционные скандалы эпохи правления ИНК и Джаната парти.

³⁴⁴ Statistical Report on General Elections, 1984 to the Seventh Lok Sabha, V. I. New Delhi, 1984, p. 244.

Успех Конгресса на выборах в 1980 и 1984 гг. был прежде всего обусловлен ситуацией на общенациональном уровне – в первом случае, недовольством работой правительства Джаната парти, во втором – недавним убийством Индиры Ганди. Тем не менее, за вторую половину 1980-ых гг. ситуация серьёзно изменилась и на первый план в столице вышли местные проблемы, связанные с перенаселением, коммунальными вопросами и экологической обстановкой. Именно проблемы обеспечения столицы водой и электричеством были главными в избирательной кампании БДП в 1989 г. Под руководством БДП организовывались «марши пустых вёдер» - жительницы Дели пикетировали государственные учреждения и обвиняли в недостатке воды правительство ИНК. Проблема дефицита воды ощущалась далеко не во всех районах столицы – для зажиточных южных районов Дели она была не слишком актуальной, но для северных районов и восточного берега Ямуны была вопросом первостепенной важности.

Вопросы водоснабжения напрямую связывались с другой сферой – отношениями Дели с соседними штатами и проектом повышения статуса столичной территории. Мадан Лал Кхурана, лидер делийской организации БДП, обратился ко всем оппозиционным политическим силам, прежде всего, к Национальному фронту Н. Т. Рамы Рао и В. П. Сингха, потребовав предоставить Дели статус штата.

Одним из главных общенациональных вопросов, поднимавшихся в ходе предвыборной кампании 1989 г. стала проблема Айодхьи. 14 октября 1989 г., за две недели до выборов, в Дели прошла Ратх ятра – возглавляемая Л. К. Адвани кампания за строительство в Айодхье храма Рамы. В ответ на действия БДП активисты ИНК провели собственную кампанию за секулярное устройство государства.

На парламентских выборах 1989 г. БДП получила 11,3% голосов по стране. В Дели БДП получила 4 места, ИНК – 2, Джаната дал – одно место (в

сельском округе Внешнего Дели). Всего по городу БДП получила 26,1%, ИНК – 43,4%, Джаната дал – 16,3%³⁴⁵

Выборы 1989 г. окончательно завершила формирование электоральной географии столицы. БДП в последний раз отказалась от выдвижения кандидатов во Внешнем Дели и в Восточном Дели, отдав это право Национальному фронту - после этих выборов БДП всегда выставяла кандидатов во всех округах Дели. Самый высокий процент голосов БДП получила в Южном Дели –зажиточных районах города с индусским большинством. Баллотировавшийся от Южного Дели Мадан Лал Кхурана набрал 59,4% голосов избирателей. Ниже всего поддержка у БДП была в округе Чандни Чоук, месте концентрации мусульманского населения. Здесь кандидат от БДП получил только 32,1% голосов³⁴⁶.

Отдельную роль в успехе БДП сыграла позиция сикхов. Сикхские организации, в том числе, Делийский комитет по управлению гурудварами, призвали голосовать за любую партию кроме ИНК под влиянием событий в Панджабе. Именно в 1989 г. произошло окончательное оформление союза БДП и Акали дал в столице³⁴⁷.

3.3. Политическая ситуация в Дели на современном этапе

Выборы 1993 г. стали триумфом БДП в Дели – впервые в истории независимой Индии индусские националисты стали доминирующей политической силой в столице. Победившая БДП получила 42,8% голосов избирателей и 49 мест в законодательном собрании из 70³⁴⁸. Индийский национальный конгресс получил 34,5% голосов и 14 мест, Джаната дал –

³⁴⁵ Statistical Report on General Elections, 1989 to the Ninth Lok Sabha, V. I. P. 125.

³⁴⁶ Statistical Report on General Elections, 1989 to the Ninth Lok Sabha, V. I. p. 295.

³⁴⁷ Datta, A. *Party Politics in Delhi: 1980-1990*, p. 86.

³⁴⁸ Statistical Report on General Elections, 1993 to the Legislative Assembly of the NCT of Delhi. New Delhi, 1993, p. 7.

12,6% голосов и 4 места. БДП получила возможность самостоятельно сформировать городское правительство.

Депутаты от БДП и члены нового правительства представляли исключительно индусскую общину. В руководстве делийского БДП в начале 1990-ых гг. доминировали выходцы из Пакистана. Уроженец Фейсалабада Мадан Лал Кхурана был активным членом РСС с начала 1950-ых гг. и многие годы представлял БДС в Дели на муниципальном уровне. Неоспоримый лидер индусских националистов в столице и горячий сторонник предоставления Дели статуса штата он в декабре 1993 г. возглавил городское правительство.

Первое неконгрессистское правительство в Дели продержалось сравнительно недолго – с декабря 1993 г. по февраль 1996 г. Отставка М. Л. Кхураны была вызвана громким «скандалом хавалы», в ходе которого под обвинение в коррупции попали многие высшие руководители БДП и ИНК, в том числе, Л. К. Адвани. Вместе с тем, многие наблюдатели отмечали, что отставка Кхураны была связана не столько коррупционным скандалом, сколько конфликтом между главой правительства Дели и руководством РСС³⁴⁹. В феврале 1996 г. новым главой правительства стал Сахиб Сингх Верма. Внутри делийского отделения БДП не утихали конфликты между сторонниками Кхураны и сторонниками С. С. Вермы. Будучи представителем общины джатов, последний начал активно продвигать своих земляков на руководящие посты в правительстве, что вызвало конфликты на этнокастовой почве внутри руководства партии.

Общенациональные выборы в апреле-мае 1996 г. были достаточно удачны для индусских националистов: из семи делийских округов в пяти победили кандидаты от БДП, в двух – от ИНК³⁵⁰. За БДП проголосовало 49,6% избирателей. Однако высокие результаты на общенациональных

³⁴⁹ Kumar, S. *Changing Electoral Politics in Delhi: From Caste to Class*, p. 81.

³⁵⁰ Statistical Report on General Elections, 1996 to the Eleventh Lok Sabha, V. I. New Delhi, 1996, p. 89.

выборах не означали улучшения положения на уровне города. Популярность А. Б. Ваджапай не принесла популярности делийским руководителям БДП. Партия пришла к власти на волне энтузиазма по поводу восстановления самоуправления в Дели, но не смогла удержать свою популярность эффективно решая местные проблемы. Это обстоятельство предопределило возвращение Конгресса во власть в 1998 г.

Выборы 1998 г. обернулись решительной победой ИНК: партия получила 48,1% голосов избирателей, на 14% больше, чем на выборах 1993 г. ИНК получил 52 места в законодательном собрании из 68, фракция БДП сократилась до 15 депутатов³⁵¹. Правительство Мадан Лала Кхураны, управлявшее столицей с 1993 г., было вынуждено уйти в отставку.

С точки зрения общенациональной политической ситуации, результаты выборов в Дели выглядели достаточно неожиданно. Всего за полгода до этого, в феврале 1998 г., в Дели проходили общенациональные выборы, на которых БДП одержала уверенную победу. Партия получила 50,7% голосов, ИНК – 42,6%³⁵². 6 из 7 избранных депутатов представляли БДП. От Дели были избраны в том числе – Мадан Лал Кхурана и Сушма Сварадж. Выборы 1998 г. принесли БДП победу также в ключевых хиндиязычных штатах – Уттар-Прадеше и Мадхья-Прадеше. В марте 1998 г. было сформировано общенациональное правительство во главе с А. Б. Ваджапай. На этом фоне резко выделялась неудача БДП на городских выборах в ноябре того же года.

Для БДП неудачно сложились не только выборы в Дели – в ноябре 1998 г. партия проиграла выборы и в Раджастане, там в отставку ушло правительство Б. С. Шекхавата. Традиционно на региональных выборах относительно малое значение имели общенациональные вопросы. В Дели большую роль сыграл продовольственный кризис – резкое повышение цен на

³⁵¹ Statistical Report on General Elections, 1998 to the Legislative Assembly of NCT of Delhi. New Delhi, 1998, p. 7.

³⁵² Statistical Report on General Elections, 1998 to the 12th Lok Sabha, V. I. New Delhi, 1998, p. 146.

овощи осенью 1998 г.³⁵³. Подобные обстоятельства привели к тому, что малообеспеченные слои населения объединились вокруг ИНК. Шейла Дикшит, лидер партии в столице, вела активную кампанию, часто посещая городские трущобы.

Дикшит, возглавившая правительство Дели в декабре 1998 г., пришла в политику в середине 1980-ых гг., после смерти своего мужа. Винод Дикшит был высокопоставленным чиновником Индийской гражданской службы, его отец занимал должности министра внутренних дел и губернатора Западной Бенгалии. Семья Шейлы Дикшит также имела давние связи с руководством ИНК. В 1984 г. Дикшит была избрана в парламент от штата Уттар-Прадеш, в конце 1980-ых гг. представляла Индию в Комиссии по положению женщин при ООН. По линии защиты прав женщин Дикшит работала в Дели ещё с конца 1970-ых гг.

К концу 1990-ых гг. Шейла Дикшит стала влиятельным политиком общенационального уровня. Вместе с тем, внутри партии существовал серьёзный конфликт между Дикшит и бывшим конгрессиистским премьер-министром Нарасимхой Рао³⁵⁴. Конфликты не прекратились и после формирования в Дели подконтрольного ИНК правительства. Дикшит находилась в противостоянии с руководимой Субхашем Чопрой конгрессиистской фракцией законодательного собрания. Кандидатура Матина Ахмеда, предложенная Дикшит на пост вице-спикера законодательного собрания, была отвергнута голосами представителей её же партии.

Противостояние между главой делийского правительства и партийной организацией ИНК привело к тому, что на досрочных общенациональных выборах 1999 г. БДП даже улучшила свои результаты. Представители партии

³⁵³ *India's Hottest Political Issue: The Price of Onions*. The New York Times: e-paper. 2012. URL: <https://www.nytimes.com/1998/10/12/world/india-s-hottest-political-issue-the-price-of-onions.html> (accessed 28.08.2019)

³⁵⁴ Mishra S. *Capital Phenomenon: A Political History of Delhi, 1998-2009*. New Delhi, 2010, p. 23.

одержали победу во всех семи округах, всего по городу БДП получила 51,7%, а ИНК – 41,9%³⁵⁵. Тем не менее, несмотря на утверждение БДП на общенациональном уровне, в Дели сохранилось правительство ИНК во главе с Шейлой Дикшит, просуществовавшее до 2013 г.

В результате городских выборов 2003 г. Конгресс остался у власти, получив 47 мест из 70 в делийской законодательной ассамблее. Победу ИНК предсказывала большая часть предвыборных опросов. БДП получила всего 35% голосов и 20 депутатских мандатов. Говоря о выборах 2003 г., необходимо подчеркнуть их практически двухпартийный характер. Кроме ИНК и БДП, по одному мандату получили Джаната дал, Националистический конгресс и независимый кандидат. В сумме БДП и ИНК получили 83,5% голосов делийских избирателей.

При этом Националистический конгресс и Джаната дал фактически не имели в столице своих организаций. Фактически от них выдвинулись независимые политики, которые не смогли прийти к соглашению с крупными партиями. Единственной значимой политической организацией, кроме ИНК и БДП, была далитская Бахуджан самадж парти. БСП получила 5,8% - в основном, в округах Восточного Дели, граничащих со штатом Уттар-Прадеш. В 15 округах БСП смогла собрать более 10% голосов.

Согласно предвыборным опросам, самой важной темой для делийских избирателей была проблема водоснабжения (первостепенная для 22% респондентов)³⁵⁶. Прежде всего, подобные проблемы волновали малообеспеченные слои населения, которые и оказали поддержку ИНК. Самую большую долю голосов Конгресс получил среди мусульман (70%), далитов (57%), неграмотных или имеющих только начальное образование (57%), а также тех избирателей, которые относили себя к очень бедным

³⁵⁵ Statistical Report on General Elections, 1999 to the Thirteenth Lok Sabha, V. I. New Delhi, 1999, p. 143.

³⁵⁶ Kumar S., Joshi D., Datar A. Assembly elections in Delhi // *Economic and Political Weekly*, Vol. 39, No. 6 (Feb. 7-13, 2004), p. 526.

(54%), бедным (53%) и нижней части среднего класса (51%). Самую высокую поддержку БДП на выборах 2003 г. оказали джайны и бания (47%), панджабские кхатри (43%) и избиратели, относящие себя к очень состоятельным (44%) и состоятельным (41%)³⁵⁷.

Тем не менее, на выборах в начале 2000-ых гг. БДП начала понемногу отходить от традиционной опоры на высшие касты, начала постепенно повышаться популярность партии среди далитов. Партия смогла победить в двух округах из тринадцати, зарезервированных для зарегистрированных каст (в 1998 г. - ни в одном).

Выборы в Дели ещё раз показали незначимость для электората общенациональной проблематики (международная обстановка, кашмирский конфликт и т. д.). Вместе с тем, результат дала работа правительства Шейлы Дикшит на городском уровне. В декабре 2002 г. была открыта первая очередь делийского метрополитена. Положительное влияние на рейтинг главы правительства оказало и понижение цен на электричество – в столице за него платили меньше, чем в соседних Гургаоне и Ноиде. Отрицательно на рейтинг ИНК повлияла ситуация в сфере здравоохранения. На начало 2003 г. пришлось вспышка лихорадки денге в столице.

В период нахождения у власти в Дели в рамках ИНК не прекращались фракционные конфликты. Шейла Дикшит воспринималась как «не местная» многими представителями местного руководства ИНК. На протяжении нескольких лет продолжалось противостояние между Дикшит и Джанарданом Дживеди, секретарём Делийского городского комитета партии. Также в 2005 г. имел место конфликт между Шейлой Дикшит и Саджаном Кумаром по поводу кандидатуры президента Делийской муниципальной

³⁵⁷ Там же

корпорации³⁵⁸. В общем и целом, ИНК в Дели достаточно редко выступал как единая сила.

Несмотря на это обстоятельство, парламентские выборы 2004 г. принесли уверенную победу ИНК. Партия победила в 6 округах из 7. Только в Южном Дели, традиционной цитадели индусских националистов, победу одержал кандидат от БДП Виджай Кумар Малхотра³⁵⁹. Кроме ИНК и БДП в Дели выдвигались также кандидаты от Бахуджан самадж парти, но эта политическая сила получила получила чуть более 2% голосов.

Среди депутатов, избранных в Дели от ИНК, были Аджай Макен и Капил Сибал, позднее занявшие посты министров в правительстве Манмохана Сингха. Также депутатами стали Саджан Кумар, известный своим участием в сикхских погромах 1984 г., и Сандип Дикшит, сын Шейлы Дикшит, избранный в парламент от Восточного Дели.

В 2008 г. ИНК третий раз подряд победил на выборах в законодательную ассамблею и остался у власти в Дели. Конгресс получает на 3 места меньше, чем на прошлых выборах, БДП – на три места больше. Наблюдатели отмечали, что БДП имела все шансы на победу. В 2007 г. партия одержала верх над ИНК на выборах в Делийскую муниципальную корпорацию (БДП получила 164 мест, ИНК – 67)³⁶⁰. 26 ноября 2008 г., за три дня до выборов, произошла террористическая атака в Мумбаи, которая негативно отразилась на уровне доверия к общенациональному руководству ИНК. Против ИНК также играло активное участие в выборах Бахуджан самадж парти, оттягивавшей от Конгресса голоса низкокастовых избирателей. После своей триумфальной победы на выборах 2007 г. в Уттар-

³⁵⁸ *Dissident camp division a relief for Sheila*. The Hindu: e-paper. 2005.

URL: <https://www.thehindu.com/2005/08/05/stories/2005080500450400.htm> (accessed 27.08.2019)

³⁵⁹ Statistical Report on General Elections, 2004 to the 14th Lok Sabha, V. I. New Delhi, 2004, p. 98.

³⁶⁰ Kumar S. Delhi Assembly Elections: 2008 // *Economic and Political Weekly*, Vol. 44, No. 6 (Feb. 7 - 13, 2009), p. 28

Прадеше, руководство БСП приняло решение распространить своё влияние на другие штаты.

На делийских выборах 2008 г. БСП выступила достаточно удачно, получив 14,1% голосов и победив в двух округах. В 15 округах БСП получила более 20% голосов³⁶¹. Стратегия партии, как и в Уттар-Прадеше, заключалась в опоре на низкокастовые группы и на мусульман. Около 17% гуджаров и ядавов проголосовало за БСП³⁶². Тем не менее, кампания БСП не привела к поражению Конгресса. В тех округах, где выдвигались кандидаты от партии, чаще проигрывала БДП, а не ИНК.

Несмотря на то, что доля голосов, поданных за Конгресс, уменьшилась на 8%, ИНК смог удержать власть. Конгресс прочно удерживал первенство среди малообеспеченных слоёв. Вместе с тем, электорат БДП был не вполне стабилен. К ИНК начала возвращается поддержка сикхов – более 40% представителей общины поддерживали партию на выборах 2008 г.

Важной причина поражения БДП стала и личная непопулярность В. К. Малхотры, кандидата на пост главы столичного правительства. Его рейтинг был в два раза ниже, рейтинга Шейлы Дикшит. Сушма Сварадж и Мадан Лал Кхурана имели в Дели значительно более высокий уровень поддержки.

С одной стороны, выборы 2008 г. показывали падение роли БДП в «кастовом голосовании» - продолжавшаяся миграция из деревень приводила к понижению доли панджабцев и джатов и повышению доли далитов и ОВС. С другой стороны, появление Бахуджан самадж было тревожным знаком для Конгресса, чей традиционный электорат начал размываться. На следующих выборах место Бахуджан самадж партии на электоральном поле во многом займёт ААП.

³⁶¹ Statistical Report on General Elections, 2008 to the Legislative Assembly of the NCT of Delhi. New Delhi, 2008, p. 7.

³⁶² Kumar S. Delhi Assembly Elections: 2008 // *Economic and Political Weekly*, p. 28.

Конгресс одержал полную победу и на парламентских выборах 2009 г. Кандидаты от ИНК победили во всех семи округах. Во всех этих округах разрыв между ИНК и БДП составлял более 10%. Социологические опросы показывали, что ИНК опережал Конгресс во всех религиозных и кастовых группах, кроме брахманов³⁶³. Стремление БДП привлечь внимание избирателей к общенациональным проблемам не находили понимания. Основные интересующие вопросы были связаны с ценами на электричество, развитием метро и автобусного движения.

Появление ААП

В общем и целом, делийская политика до 2010-ых гг. основывалась на двухпартийной системе. Несколько индусских организаций, существовавших в 1940-ые гг., объединилась в партию Бхаратия джана сангх, позднее преобразовавшуюся в Бхаратия джаната парти. Второй силой, образовавшей городскую политическую систему, был Индийский национальный конгресс. Несмотря на расколы 1960-ых-1970-ых гг., никакие возникшие на базе ИНК группы не были жизнеспособны. Также не были нежизнеспособны различные левые группы на базе КПИ, которые не смогли создать в Дели достаточную электоральную базу. До выборов 2013 г. все представительские органы в Дели контролировались исключительно БДП или ИНК. Существоало несколько примеров сравнительно удачных выступлений других политических сил в Дели, которые смогли получить места в представительских органах власти (КПИ в 1950-1960-ые гг., Джаната дал в 1990-ые гг.) Тем не менее, успех подобных сил был недолговечен, они никогда не претендовали на представительство большинства населения столицы и опирались на ограниченную кастовую или идеологическую базу. Начиная с 2013 г. происходит коренное изменение политической ситуации в Дели, приведшее к возникновению трёхпартийной политической

³⁶³ Mohanty B. Delhi Elections — The 'Local' Matters // *Economic and Political Weekly* Vol. 44, No. 39 (SEPTEMBER 26-OCTOBER 2, 2009), p. 175.

конструкции. Система, основанная на противостоянии ИНК и БДП, прекратила своё существование – скорее всего, она не возродится и в том случае, если ААП сойдёт с политической сцены.

Феномен ААП заслуживает внимания не только в связи с изменением политической конфигурации в столице. Прежде всего, ААП – партия возникшая и сформировавшаяся в городских условиях. Во многом, партия может служить примером новой формы политического движения в Индии. Базой для ААП послужили неправительственные общественные организации, активизировавшиеся в ходе антикоррупционной кампании 2011 г.

Формально не связанные с политическими партиями НПО играли значимую роль в индийской политике начиная с 1940-ых гг. В Дели часть таких организаций изначально концентрировалась на защите интересов беженцев и представительстве землячеств, работая в союзе с индусскими националистами. Затем на первый план выдвинулись собственно городские проблемы – электричество, водоснабжение, образование, экологическая ситуация (загрязнение атмосферы, слив сточных вод в Ямуну). Особенное внимание уделялось положению дел в трущобах и контролю расходов городского правительства.

Базой для дальнейшей политической активности впоследствии станет основанная в 1999 г. НПО «Паривартан»³⁶⁴ Основателями движения, в 2005 г. получившего официальную регистрацию под названием «Кабир», стали Арвинд Кеджривал и Маниш Сисодия. На момент основания Сисодия был журналистом на телеканале Zee News, а Кеджривал – работником Индийской налоговой службы. Свою деятельность «Паривартан» начал в бедных районах Восточного Дели – прежде всего в трущобах Сундер Нагари. Основным направлением деятельности «Паривартан» стало информирование

³⁶⁴ Перемены (*хинди*)

населения трущоб об их правах и способах коммуникаций с государственными органами.

Главным объект критики «Паривартана» стала деятельность в бедных районах правительственных магазинов с фиксированными ценами и коррупция в распределении продуктов. Кроме того, ключевой стала проблема подключения домов в трущобах к городской электросети. «Паривартан» проводил общественный аудит различных проектов Делийской муниципальной корпорации – например, подряды на строительство дорог. В 2002-2003 гг. «Паривартан» несколько раз добивался пересмотра результатов конкурса.³⁶⁵ Постепенно в деятельности «Паривартан» стала приобретать именно борьба с коррупцией. Известность получили шумные кампании активистов «Паривартан» по «вручению взяток» наиболее одиозным муниципальным чиновникам. К 2004 г. в «Паривартан» на постоянной основе работало более 400 волонтеров.³⁶⁶

Формально «Паривартан» не являлся политической организацией. Ни Кеджривал, ни Сисодия не имели политического опыта. Тем не менее, деятельность «Паривартан» пришлась на период нахождения у власти в Дели правительства Шейлы Дикшит. Объективно деятельность сторонников Кеджривала вредила ИНК и увеличивала рейтинги БДП в столице. Кроме того, «Паривартан» стал участвовать в околополитических кампаниях, добиваясь принятия «Акта о праве на информацию», регулировавшего обращения граждан в государственные органы. Принятый в 2005 г. Акт существенно облегчил работу разнообразных НПО.

После принятия Акта на базе «Паривартан» в Дели был создан «Фонд исследований общественного мнения». Кроме Кеджривала и Сисодии в состав руководства фонда вошли Прашант Бхушан, связанный с «Народным союзом за гражданские свободы» (созданной Дж. Нараяном правозащитной

³⁶⁵ Goetz A. M., Jenkins R. *Reinventing Accountability: Making Democracy Work for Human Development*. New York, 2005, p. 95.

³⁶⁶ *Reinventing Accountability: Making Democracy Work for Human Development* p. 94.

организацией), и Киран Беди, бывшая офицер полиции, получившая известность из-за реформ в делийских тюрьмах.

«Форум» сотрудничал с другими индийскими НПО – прежде всего с *Сатарк Нагарик Сангатхан*³⁶⁷ (Дели) и *Маздур-Кисан Шакти Сангатхан*³⁶⁸ Аруны Рой. Именно эти организации и составили основу возглавляемого Анной Хазаре антикоррупционного движения 2011 г..

Во главе движения стал Анна Хазаре, пользовавшийся безусловным авторитетом, объединивший самые разные НПО по всей стране. Хазаре, герой индо-пакистанской войны 1965 г., впоследствии стал известен из-за своей деятельности в деревне Ралеган Сиддхи в Махараштре – развитию образовательной сферы, борьбой с неприкасаемостью, продажей алкоголя. Возглавляемое Анной Хазаре движение содержало явные отсылки к гандистским кампаниям и к движению Джайпракаша Нараяна в 1970-ые гг. – кампании ненасильственного несотрудничества, голодовки. Символом антикоррупционного движения стала гандистская шапочка с надписью: «Я – Анна Хазаре». Несмотря на все эти отсылки, движение Анны Хазаре существенно отличалась от предыдущих массовых общественных кампаний – в него было преимущественно вовлечено городское явление. Основные центры движения стали Мумбаи и Дели, где Анна Хазаре 5 апреля 2011 г. начал голодовку с требованием реформ антикоррупционного законодательства³⁶⁹.

Основным требованием Анны Хазаре и его сторонников было принятие закона о *Джан Локпал* (Народном омбудсмене) – этот проект был внесён на рассмотрение Лок сабхи ещё в 2010 г., но отвергнут большинством депутатов. Фактически, предлагалось создание новой ветви власти, независимой от исполнительных и судебных органов. На региональном

³⁶⁷ Ассоциация бдительных граждан (*хинди*)

³⁶⁸ Ассоциация борьбы за права крестьян и рабочих (*хинди*)

³⁶⁹ Gandhi M. *AAP & Down: An Insider's Story of India's Most Controversial Party*. New Delhi 2018, p. 42.

уровне, прежде всего в Махараштре, с 1970-ых гг. существовал аналог поста «Народного омбудсмана» (*локаюкты*). Тем не менее, их полномочия были крайне ограничены.

Протесты в Дели и в других городах (Мумбаи, Бангалуре, Ченнаи и Ахмедабаде) спровоцировали реакцию правительства Манмохана Сингха. 9 апреля 2011 г. правительство заявило о создании комиссии по реформе антикоррупционного законодательства. С одной стороны, в комиссию вошли министры и депутаты от ИНК – Капил Сибал, Салман Хуршид, П. Чидамбарам. Со стороны протестующих в деятельности комиссии участвовала так называемая «команда Анны» - Арвинд Кеджривал, Сантош Хегде, Шанти Бхушан и Прашант Бхушан. К лету переговоры зашли в тупик, и Анна Хазаре принял решение возобновить голодовку. Кульминацией противостояния стал арест Анны Хазаре 16 августа и его заключение в делийскую тюрьму Тихар³⁷⁰. Также в столице были запрещены собрания на Раджгхате и Джантар-Мантар – традиционных местах активности протестующих.

Анна Хазаре и другие лидеры антикоррупционного движения стремились создать впечатление принципиально неполитического характера протеста, демонстративно отвергая помощь представителей различных политических сил. Тем не менее, антикоррупционное движение играло существенную роль в противостоянии Конгресса и БДП, перетягивая избирателей на сторону оппозиции. Кроме того, в антикоррупционном движении 2011 г. большую роль играла группа людей, открыто симпатизировавших БДП – прежде всего, это была Киран Беди и её сторонники. Иностранные СМИ, писавшие об антикоррупционном движении, не обращали должного внимания на его связи с индускими религиозными организациями – во многих отношениях, эти связи были решающими. Одним из первых лиц антикоррупционной кампании стал Баба

³⁷⁰*Indian hunger striker Anna Hazare arrested.* The Guardian: e-paper. 2012. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/aug/16/indian-hunger-striker-hazare-arrested>

Рамдев – известнейший гуру и популярнейший в Северной Индии проповедник. Также в движении участвовал Свами Агнивеш, видный представитель Арья самадж. Также видным деятелем антикоррупционного движения был Шри Шри Рави Шанкар – индусский религиозный деятель, популярный не только в самой стране, но и среди диаспоры³⁷¹. Вообще же, активная поддержка зарубежных индийских общин характерна как для антикоррупционного движения 2011 г., так и для последующей деятельности Аам адми партии.

ААП была создана 6 ноября 2012 г. К этому времени развернувшееся в предыдущем году антикоррупционное движение находилось в некотором кризисе. Принятие закона о Народном омбудсмене затягивалось парламентом – кроме того, было ясно, что он не будет принят в первоначальной редакции сторонников Анны Хазаре. Было очевидно, что давление на правительство с помощью организации массовых демонстраций и голодовок эффективно лишь до определённой степени. Приближался очередной электоральный цикл и перед лидерами антикоррупционного движения встал вопрос о возможности участия в выборах и потенциальных политических союзниках.

Часть сторонников антикоррупционного движения (прежде всего, сам Анна Хазаре) предпочла самоустраниться от политического процесса, сосредоточившись на общественной деятельности и лоббировании реформы избирательной системы. Однако после событий 2011-12 гг. для большинства их сторонников подобный выход оказался неприемлемым. Часть видных представителей движения приняла решение поддержать на предстоящих выборах БДП против «олицетворяющего коррупцию» правительства ИНК. В число последних входили Баба Рамдев, Киран Беди и другие деятели, положительно относившиеся к БДП с самого начала движения.

³⁷¹ Sri Sri Ravi Shankar: A yogi doesn't mind criticism at all. The Times of India: e-paper. 2012. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/interviews/Sri-Sri-Ravi-Shankar-A-yogi-doesnt-mind-criticism-at-all/articleshow/10628046.cms> (accessed 28.08.2019)

Основой ААП стала часть активистов, равно отрицательно относившаяся к ИНК, к БДП и к другим действующим лицам «системной политики». По большей части, это были именно делийские активисты, но небольшие группы сторонников новой партии вскоре появились также и в Махараштре, Гоа, Панджабе и ряде других штатов.

Лицами новой партии прежде всего были выходцы из «Паривартан» и других делийских НКО – А. Кеджривал, М. Сисодия, Санджай Сингх, Прашант Бхушан. Последний играл на ранних этапах деятельности партии особо важную роль – он происходил из семьи, которая играла видную роль в индийской политике. Его отец Шанти Бхушан, бывший министр юстиции в правительстве Морарджи Десаи в 1977-1979 гг., также поддержал новую политическую силу. Заявления лидеров ААП, о том, что в новую партию вступают исключительно люди без опыта партийно-политической деятельности не вполне соответствовали действительности. Бывших функционеров БДП или ИНК – в ААП действительно было немного. Тем не менее, существенной оказалась роль представителей академической интеллигенции, ранее ориентировавшейся на левые силы – КПИ, КПИ(м) и. т. д. В руководство ААП вошли такие известные левые активисты как Йогендра Ядав или Атиши Марлена. Доминирующие левые настроения в части делийских учебных заведений (прежде всего, в Университете Дж. Неру) не имели выхода в городскую политику с 1960-ых гг. Союз с левыми стал объектом критики индусских националистов, строивших свою кампанию на критике «наксалитского лобби» внутри ААП³⁷².

Кроме того, существенную часть руководства и спикеров ААП составляли выходцы из шоу-бизнеса и журналисты. Ашутосх, первый спикер новой партии, был журналист крупнейшего хиндиязычного телеканала AajTak. На AajTak изначально работал и Кумар Вишвас, член Национального

³⁷² *This time, BJP digs up alleged AAP-Naxal links.* Deccan Herald: e-paper. 2015. URL: <https://www.deccanherald.com/archives/metro/this-time-bjp-digs-up-alleged-aap-naxal-links-440069.html> (accessed 28.08.2019)

исполнительного комитета ААП. У партии изначально были сильные позиции в СМИ, особенно в хиндиязычной среде.

«Пробой сил» для ААП стали выборы в законодательное собрание Дели в декабре 2013 г. Основные противники партии были делейские отделения ИНК во главе с Ш. Дикшит, возглавлявшей городское правительство уже более 15 лет, и БДП во главе с Х. Вардханом, депутатом делейского законодательного собрания с момента восстановления последнего в 1993 г. Запрос на новые лица в городской политике был в полной мере использован лидерами ААП.

ААП использовала необычный для индийской политики способ отбора кандидатов – праймериз с возможностью участия любого местного активиста, собравшего 100 подписей жителей³⁷³. В итоге, большая часть кандидатов от ААП на выборах 2013 г. не имела какого-либо опыта работы в законодательных органах любого уровня.

Часто объяснением успеха ААП считают активные кампании сторонников партии в социальных сетях. Но не меньшее значение имела и уличная агитация. В кампании ААП в больших количествах участвовали делейские моторикши, наружная агитация в бедных районах подчёркивала понятные избирателям лозунги – основной упор делался даже не на борьбу с коррупцией, а на доступность чистой воды и электричества.

Политические аналитики долгое время не рассматривали ААП как серьёзную силу в Дели. Выдвигались предположения, что партия является спойлером, специально созданным для того, чтобы расколоть электорат ИНК. Всего за месяц до выборов исследование India Today давало партии всего 6 мест в законодательном собрании и прогнозировало победу БДП³⁷⁴.

³⁷³ Gandhi, M. *AAP & Down*, p. 133.

³⁷⁴ *India Today-ORG poll: BJP to retain Madhya Pradesh and Chhattisgarh, to wrest Delhi and Rajasthan from Congress*. India Today: e-paper. 2013. URL: <https://www.indiatoday.in/elections/story/india-today-org-poll-2014-general-elections-bjp-congress-chhattisgarh-delhi-madhya-pradesh-delhi-216769-2013-11-07> (accessed 28.08.2019)

БДП действительно добилась ожидаемой победы, но главной сенсацией стало второе место ААП, получившей 29,5% голосов избирателей и 28 мест в законодательном собрании. Несмотря на лозунги, обращённые к малообеспеченной части городского населения, ААП победила в состоятельных районах Южного Дели. А. Кеджривал взял абсолютное большинство голосов в Нью-Дели, победив Ш. Дикшит³⁷⁵. Основной базой поддержки БДП остались районы юго-западного и северного Дели, а ИНК – мусульманские районы Старого города. Из 8 прошедших в законодательное собрание кандидатов от ИНК четверо были мусульманами.

Феномен успеха ААП во многих отношениях можно сравнить с ранними этапами развития партии Шив сена в конце 1960-ых гг. – обе партии первоначально действовали исключительно в условиях крупного города, играли на усталости избирателя от традиционных политических сил, использовали популистские лозунги и новые методы пропаганды – Б. Тхакре, основатель Шив сены, был журналистом, как и многие деятели ААП. Однако Тхакре активно использовал межэтнические противоречия в Мумбаи, не настолько актуальные в Дели. С другой стороны, ААП пыталась использовать опыт партий, представляющих низкокастовое население в Бихаре или Уттар-Прадеше (Самаджвади и Бахуджан самадж парти), пытаясь использовать их опыт в городских условиях. Особенно активно политика по привлечению низкокастовых и мусульман – велась в промежутке между выборами 2013 и 2015 гг.

Политический кризис в Дели зимой 2013-2014 гг. был предопределён результатами выборов. Ни БДП, ни ААП, ни ИНК не имели возможности в одиночку сформировать правительство. Руководство БДП не видело необходимости вступать в какие-либо новые коалиционные соглашения в преддверии общенациональных выборов. Единственным вариантом оставалась коалиция ААП и ИНК.

³⁷⁵ Statistical Report on General Elections, 2013 to the Legislative Assembly of the NCT of Delhi. New Delhi, 2013, p. 106.

Вместе с тем, складывалось впечатление, что политика Кеджривала изначально была направлена на срыв коалиционного соглашения. Руководство ААП поставило условием вхождения в коалицию немедленное принятие в Дели закона о Народном омбудсмене. Закон был отклонён в законодательном собрании голосами Конгресса и БДП 14 февраля 2014 г. В тот же день Кеджривал доложил лейтенант-губернатору о невозможности формирования коалиции и подал в отставку с поста главы делийского правительства.

Действия руководства ААП в январе-феврале 2014 г. вызвали противоречивую реакцию как у внешних наблюдателей, так и у ряда членов партии. Одним из объяснений произошедшего был курс ААП на конфронтацию с «традиционными» партиями в рамках подготовки к общеиндийским парламентским выборам весной того же года и стремление консолидировать бывших сторонников антикоррупционного движения Анны Хазаре не только в Дели, но и по всей стране. На выборах в Лок сабху ААП выставила на выборах кандидатов в 432 округах.

Тем не менее, надежды ААП на всеиндийский успех на выборах не оправдались – партия получила всего 4 места в Лок сабхе за счёт голосов в Панджабе. Кеджривал проиграл Н. Моди в Варанаси, расчёты на успех мобилизации электората, недовольного «старыми» политическими силами не сработали.

Первой причиной поражения было то, что потенциальный электорат ААП оказался расплён по избирательным округам – подобной партии была крайне невыгодна индийская мажоритарная избирательная система. Однако неудача постигла ААП и в Дели, несмотря на то, что партия даже улучшила свои результаты по сравнению с выборами 2013 г., получив 34,9% голосов и переманив на свою сторону большинство избирателей ИНК. Вместе с тем, БДП, получившая 46,4% провела своих кандидатов во всех семи столичных мажоритарных округах.

Поражение на выборах вызвало серьёзный внутрипартийный кризис в ААП – из партии вышла одна из основательниц протестного движения 2011 г. Шазия Ильми, которая обратилась с открытым письмом к своим бывшим сторонникам³⁷⁶. Ильми заявляла об отсутствии внутрипартийной демократии в ААП, о том, что все решения принимаются лично Кеджривалом и его ближайшими соратниками. Кроме того, говорилось об ошибочности курса на постоянную радикализацию электората в Дели через демонстрации и протестные голодовки. Вскоре Ш. Ильми вступила в состав БДП, став спикером мусульманских сторонников партии.

Проблемы внутри ААП и переход части бывших сторонников антикоррупционного движения в ряды сторонников БДП позволяла последней надеяться на победу на досрочных выборах в Дели в 2015 г. Ещё одним благоприятным фактором был т. н. «эффект Модии» - рост поддержки региональных лидеров БДП за счёт популярности премьер-министра. Предыстория выборов в конце 2014 г. была тоже благоприятна для индусских националистов – в октябре 2014 г. БДП и Шив сена одержали триумфальную победу на выборах в Махараштре. Также БДП победила на местных выборах в Харьяне, Джаркханде, заняла второе место в штате Джамму и Кашмир. На этом фоне ситуация в Дели, где большая часть электората с 1950-ых гг. поддерживала индусских националистов выглядела для БДП крайне благоприятно. Кроме того, в делийском БДП появились новые лица - кандидат на пост главы городского правительства К. Беди была бывшей союзницей Кеджривала по антикоррупционным протестам. Сам А. Хазаре, бывший лидер движения, публично не поддержал ни одну из сторон.

С другой стороны, ААП вела активную избирательную кампанию, концентрируясь на партийной программе «70 пунктов»³⁷⁷. Сохранялись

³⁷⁶ 5 reasons Shazia Ilmi quit AAP – the party she co-founded. The Times of India: e-paper. 2014. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/5-reasons-Shazia-Ilmi-quit-AAP-the-party-she-co-founded/articleshow/35566310.cms> (accessed 28.08.2019)

³⁷⁷ Aam Aadmi Party's 70 Point Action Plan

старые требования (прежде всего, принятие закона о Народном омбудсмене), кроме того, продвигалась идея «закона о сварадже», с помощью которого следовало перераспределить бюджетные средства в пользу муниципальных корпораций. ААП единственная из всех политических сил выступала за предоставление Дели прав полноправного штата и переподчинение полиции городскому правительству. Важную роль в агитации играли также обещания «борьбы с коммунальной мафией» и двукратного сокращения платы за электричество. Лидеры ААП прилагали немалые усилия для продвижения своей программы, ежедневно появляясь на популярных телеканалах. По наблюдениям автора, находившегося в Дели во время избирательной кампании 2015 г., визуально агитация ААП полностью доминировала. Важно то, что практически вся агитация ААП была обращена к местным проблемам, в отличие от агитации БДП, в которой делался акцент на поддержке Киран Беди премьер-министром Нарендрой Модии.

Выборы 7 февраля 2015 г. обернулись полной победой ААП: её кандидаты победили в 67 округах из 70 и получили 54,3% голосов избирателей³⁷⁸. Интересно, что доля голосов за БДП практически не уменьшилась (33,1% в 2013 г. и 32,3% в 2015 г.) – базовый электорат индусских националистов остался им верен. Однако ААП переманила избирателей у всех остальных политических сил: доля голосов, поданных за ИНК уменьшилась на 14,9%, за БСП – на 4,1%, за независимых кандидатов – на 2,5%. Даже количество проголосовавших за сикхскую партию Акали дал уменьшилось в два раза. ААП сумела получить влияние в мусульманской общине, победив Конгресс в его традиционной базе – Старом Дели.

А. Кеджривал получил возможность самостоятельно сформировать делийское правительство. Одновременно победа ААП привела к обострению тлевшего в течение некоторого времени внутрипартийного конфликта. В

URL: <https://aamaad miparty.org/delhi-government-2/aap-manifesto-2015/> (accessed 28.08.2019)

³⁷⁸ Statistical Report on General Elections, 2015 to the Legislative Assembly of the NCT of Delhi. New Delhi, 2015., p. 10.

апреле 2015 г. из ААП за «антипартийную деятельность» были исключены Йогендра Ядав и Прашант Бхушан³⁷⁹. Исключенные выступили с критикой Кеджривала за авторитарные методы управления, отход от «свараджистских принципов» и превращение ААП в «рядовой политический проект». Многие из исключённых представляли академические круги, ранее поддерживавшие ААП. В июле 2016 г. Ядав, Бхушан и Ананд Кумар (профессор-социолог из Университета Дж. Неру) основали политическое движение «Сварадж Абхиян», но участия в выборных кампаниях не принимали. На выборах 2019 г. Ядав призвал своих сторонников в Дели голосовать против всех³⁸⁰.

Конфликты внутри ААП продолжились и после прихода партии к власти. Одним из ярких примеров является конфликт А. Кеджривала с Асим Ахмед Ханом, лидером поддерживавших ААП мусульман и членом городского правительства. В октябре 2015 г. Кеджривал освободил Асим Ахмед Хана от должности, обвинив во взяточничестве. Другой член правительства Сандип Кумар был отправлен в отставку в августе 2016 г. после компрометирующих публикаций в социальных сетях³⁸¹. В апреле 2018 г. партию и правительство из-за личного конфликта покинул первый заместитель Кеджривала Ашиш Кхетан. В августе 2018 г. без объяснения причин ушёл из партии и из политики спикер ААП Ашутосх. В общем и целом, ситуация в руководстве ААП характеризуется крайней нестабильностью.

На выборах 2017 г. ААП потерпела ряд неудач – партия не смогла прийти к власти в Панджабе и пройти в законодательное собрание Гоа.

³⁷⁹ *Aam Aadmi Party split: Prashant Bhushan, Yogendra Yadav out of national executive*. The Indian Express: e-paper. 2015. URL: <https://indianexpress.com/article/cities/delhi/live-aaps-national-council-meeting-set-to-begin-amid-high-police-presence/> (accessed 28.08.2019)

³⁸⁰ *Yogendra Yadav urges Delhiites to opt for NOTA*. The Hindu: e-paper. 2019. URL: thehindu.com/news/cities/Delhi/yadav-urges-delhiites-to-opt-for-nota/article26901093.ece (accessed 28.08.2019)

³⁸¹ *Kejriwal removes Cabinet Minister Sandeep Kumar after receiving 'objectionable CD'*. The Indian Express: e-paper. 2016. URL: <https://indianexpress.com/article/cities/delhi/delhi-cm-kejriwal-removes-cabinet-minister-sandeep-kumar-after-receiving-objectionable-cd/> (accessed 28.08.2019)

Однако наиболее неудачными оказались муниципальные выборы в Дели в апреле 2017 г. Несмотря на то, что ААП смогла обеспечить присутствие во всех делейских муниципальных советах, а Конгресс в очередной раз потерял голоса, главным победителем муниципальных выборов стала БДП и её новый лидер в городе Манодж Тивари. Общенациональные выборы 2019 г. для ААП прошли также крайне неудачно – руководство ИНК и А. Кеджривал не смогли прийти к соглашению по поводу разделения сфер влияния в столице, что привело к победе во всех округах кандидатов от БДП.

Казалось бы, электоральная история ААП после выборов 2015 г. не позволяет утверждать, что у партии могут быть какие-либо электоральные перспективы вне Дели. Однако лояльность избирателей в Дели сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Поддержка БДП на общенациональном уровне и поддержка ААП на городском уровне часто осуществляются одинаковыми группами избирателей. Лояльности способствует ряд эффективных социальных мероприятий правительства Кеджривала.

Прежде всего, речь идёт о создании системы низового здравоохранения (Mohalla Clinics) в малообеспеченных районах Дели. Также правительством были введены квоты в частных школах для детей из малообеспеченных семей и ограничен рост цен на электричество. При правительстве ААП продолжилось строительство метрополитена и новых дорог. Вместе с тем, часть изменений в законодательстве провести не удалось – «Закон о сварадже», расширяющий полномочия местного самоуправления, был отклонён лейтенант-губернатором Дели³⁸². Не выполнены и обещания ААП о предоставлении Дели статуса полноправного штата – этот проект встретил противодействие общенационального правительства.

³⁸² *AAP completes 3 years in Delhi: A look at Kejriwal govt's achievements, failures.* Hindustan Times: e-paper. 2018. URL: <https://www.hindustantimes.com/delhi-news/aap-completes-3-years-in-delhi-a-look-at-kejriwal-govt-s-achievements-failures/story-bDy16KdOYHbg17lkyGwOqK.html> (accessed 28.08.2019)

Перспектива утраты ААП власти и распада партии в ближайшие годы вполне вероятна, учитывая достаточно рыхлую структуру организации. Вместе с тем, в Дели и в других крупных городах в любом случае сохраняется существенная база избирателей, находящихся в оппозиции как к идеологии индуcского национализма и БДП, так и к ИНК. В сельской местности эта ниша заполняется кастовыми партиями, но в крупных городах голосование по принципу кастовой лояльности всё менее актуально, а количество потенциальных избирателей партий, подобных ААП, растёт вместе с ростом темпов урбанизации.

Заключение

Общественно-политическая и экономическая роли Дели претерпели коренные изменения на протяжении последнего столетия. В начале XX в. Дели был сравнительно небольшим городом, имевшим небольшое политико-экономическое значение по сравнению с другими центрами Британской Индии – Бомбеем, Калькуттой и Мадрасом. Дели выделялся из других городов Северной Индии в основном благодаря своей исторической роли и статусу бывшего центра государства Великих Моголов. Вместе с тем, за XX в. ситуация полностью изменилась – Дели стал столицей сначала Британской Индии, а затем и столицей независимого государства. По населению и экономическому влиянию с Дели в Индии на начало XXI в. может сравниться только Мумбаи. Столичная городская агломерация занимает по численности третье место в мире, уступая только Токио и Джакарте.

Первым фактором, послужившим причиной необычайно быстрого роста роли города, был перенос столицы Британской Индии в 1911 г. в Дели из Калькутты. Сам факт переноса столицы является достаточно редким явлением для истории азиатских стран в XX в., обычно сопровождаемым серьёзными социальными потрясениями. В этом смысле Дели выглядит исключением из правил – решение было принято не правительством независимой страны, а британской администрацией в силу ряда соображений политического характера, прежде всего, для конструирования образа британских монархов как преемников традиционных правителей Индии. Тем не менее, события 1911 г. свелись не только к переезду в Дели вице-короля и британского бюрократического аппарата.

Первые последствия переноса столицы выразились в повышении экономической роли Дели на общенациональном уровне. Массовый переезд в город чиновников привёл к быстрому росту населения и выходу города за пределы средневековых границ. Важнейшим фактором стало создание Нью-

Дели, фактически отдельного городского образования, управлявшегося отдельно от остальных районов Дели. Но наиболее важным последствием переноса столицы стала трансформация роли Дели в глазах представителей индийского национально-освободительного движения. Для секулярной концепции индийского национализма, которую продвигали представители ИНК, Дели стал символом многовековой индийской государственности. В 1920-1930-ые гг. Дели стал центром деятельности как ИНК, так и других индийских политических партий и движений. Кроме того, город окончательно утвердился в качестве центра индийской бюрократии, сформировавшейся в колониальный период. В итоге, в 1947 г. Дели стал безальтернативным центром нового независимого государства.

Вместе с тем, столичный статус оказал влияние и на административное положение Дели. По примеру США и Австралии, произошло выделение отдельной столичной территории, которая находилась под управлением колониальной администрации до 1947 г. а затем перешла под прямой контроль индийского федерального правительства. В отличие от Вашингтона или Канберры, Дели стал не только политическим, но и экономическим центром страны со стремительно растущим населением. С другой стороны, специфическое столичное положение Дели привело к ограничению местного самоуправления. Вместо единого представительского органа в городе в колониальные времена действовали несколько отдельных муниципальных корпораций – в Старом городе, Нью-Дели и в нескольких самостоятельных пригородах. Полная унификация органов делийского самоуправления не была завершена даже в ходе административной реформы 1957 г.

Вопрос о местных законодательных органах в столице и о предоставлении Дели статуса отдельного штата приобрёл актуальность уже в начале 1950-ых гг. Однако законодательная ассамблея и городское правительство обладали ограниченными правами, а затем были и вовсе упразднены согласно «Акту о реорганизации штатов» 1956 г. Причиной

ограничения делейского самоуправления было желание общенационального правительства полностью контролировать управление столицей и опасность того, что городское правительство может оказаться в руках оппозиционных индусских националистов из БДС.

Борьба за восстановление самоуправления в Дели стала определяющей для всей городской политики в 1960-1980-ые гг. Для БДС/БДП эта проблема была важной всегда, но против ограничения самоуправления выступали и многие представители ИНК.

Восстановление самоуправления, произведённое согласно «Акту о Национальной столичной территории» 1991 г., поставило Дели в промежуточное положение между штатами и союзными территориями. Было создано городское правительство и законодательное собрание. Вместе с тем, городское правительство ограничено в полномочиях по сравнению с правительствами полноценных штатов. За контроль над восстановленным делейским законодательным собранием развернулась борьба в 1990-ые гг. – к этому времени здесь сформировались основные политические силы, поддерживающие связи с крупнейшими городскими сообществами.

Формирование городских общин связано с трансформацией демографической структуры Дели в середине XX в. Крупнейшая индусская община значительно пополнилась за счёт мигрантов из Пакистана. Мигранты образовали собственное сообщество, оказавшее влияние как на повседневную жизнь Дели, так и на политическую ситуацию в городе. Большая часть выходцев из пакистанской части Панджаба находилась в оппозиции к ИНК и составляла базовый электорат индусских националистов. Деятельность организаций «Сангх паривар» среди индусской общины ставила своей целью контроль над храмами и социальными проектами. Роль индусских националистов как монопольных представителей религиозной общины очень рано укрепились в Дели – а затем и во всей Северной Индии.

За XX в. индусская община обеспечила себе статус абсолютно доминирующей конфессии в городе – при том, что в начале XX в. Дели был индуско-мусульманским городом, а мусульманская община составляла до трети населения. Снижение роли мусульманской общины началось после событий лета-осени 1947 г., индуско-мусульманских столкновений в Дели и отъезда существенной части мусульманской общины в Пакистан. С этого времени сохранялась социально-политическая дискриминация оставшихся мусульман. Сформировались районы с преимущественно мусульманским населением (прежде всего, Старый город и ряд районов на восточном берегу Ямуны) и более низким уровнем доходов и образования, что способствовало геттоизации мусульманской общины в современном мегаполисе. Эти тенденции видны и в политике – в ситуации соперничества ИНК и индуских националистов, мусульмане вынуждены были поддержать Конгресс. ИНК не допускал мусульман на первые роли в городской политике, тем не менее, поддержка общины была одной из важных составляющих успехов Конгресса вплоть до появления ААП в 2010-ые гг.

Третьей по численности религиозной общиной столицы в XX в. стали сикхи. Абсолютное большинство сикхов мигрировало в Дели из Панджаба после 1947 г. С самого своего появления в Дели сикхская община была расколота по политическому признаку на сторонников партии Акали дал и сторонники ИНК. Сикхская община даёт пример не только участия во всеобщих выборах, но и борьбы за контроль над собственными выборными органами – Комитетами по управлению гурудварами в Панджабе и Дели. Изначально положение сикхской общины в Дели зависело от ситуации в Панджабе, что особенно сильно проявилось в ходе кризиса 1980-ых гг. и анти-сикхских погромов в Дели в 1984 г. Эти события до сих пор являются ключевыми для определения политической идентификации современных делейских сикхов.

Помимо религиозных общин, на политическую ситуацию в Дели влияют и другие сообщества, численность которых колебалась в ходе миграций в столицу во второй половине XX в. (прежде всего из соседних штатов Уттар-Прадеш, Панджаба и Харьяны) и крайне быстрого темпа увеличения городского населения. Для мигрантов из сельской местности первичной была кастовая идентификация, сохранявшаяся и в городских условиях. Связь кастовой идентификации и политической лояльности выражалась в поддержке далитами и ОВС ИНК, а брахманами и другими высококастовыми группами – индусских националистов. Тем не менее, эта поддержка в настоящее время далеко не абсолютна: она сохранялась при противостоянии ИНК и БДП, но стала размываться при появлении новых политических сил.

Развитие партийно-политической системы в Дели имеет ряд специфических черт, обусловленных административным положением столицы и этноконфессиональным составом населения. Прежде всего, следует отметить высокий уровень политической конкуренции с момента обретения независимости. В отличие от большинства других штатов и союзных территорий, с самого начала у правительства ИНК в городе имелась сильная оппозиция, представленная партией БДС. Основой сторонников БДС были беженцы – организованная сила, которая с помощью политической деятельности стремилась поднять свой статус в городе. Политическая жизнь в Дели практически сразу же свелась к противостоянию ИНК и БДС (затем – ИНК и БДП). Коммунистическая партия, бывшая основной оппозиционной силой на общенациональном уровне в 1950-1960-ые гг., в Дели не обладала существенной поддержкой населения. Основное влияние коммунистов было сосредоточено в рамках университетских кампусов, левые силы оказывали и оказывают в Дели только косвенное влияние на политический процесс.

Неверно сводить политическую борьбу в индийской столице исключительно к идеологическому противостоянию партий. Внутри БДС и,

прежде всего, ИНК шла борьба различных кланов, объединённых происхождением и общими экономическими интересами. Борьба группировок на местном уровне, часто приводившая к противоречиям между политикой общенационального и городского руководства партией, в итоге вылилась в раскол внутри ИНК, усложнивший партийную систему в Дели.

Политическая борьба в Дели в 1970-ые гг. привела к объединению оппозиции вокруг БДС. Благодаря созданию единого оппозиционного фронта, индусские националисты смогли выйти из изоляции. БДП, их новая политическая сила, смогла прийти к власти в 1993 г. после восстановления местной законодательной власти в Дели. Сформировавшаяся в Дели в 1980 – 1990-е гг. партийная система заключалась в противостоянии ИНК и БДП при отсутствии третьих сил. Такая система характерна и для ряда других штатов хиндиязычного пояса – например, для Раджастан и Мадхья-Прадеш. В Дели не возникло отдельных политических сил, выступающих от имени низкокастовых групп населения, что говорит о постепенном размывании роли касты в городских условиях.

Важнейшим результатом трансформации идентичностей городского населения стало появление в Дели новых политических сил в 2010-ые гг. – прежде всего, речь идёт о руководимой А. Кеджривалом ААП, выросшей из общеиндийского антикоррупционного движения 2011 г. Партия изначально не имела определённой идеологии, но ориентировалась именно на работу среди городских избирателей. Поддержка общественных организаций, работающих на низовом уровне, эффективная работа в социальных сетях и актуализация внутригородской повестки принесла партии успех на выборах в 2013 и 2015 гг. и позволила сформировать первое городское правительство, не контролируемое ни ИНК, ни БДП. Вместе с тем, опора на городского избирателя не позволяет ААП и подобным политическим силам сейчас эффективно оппонировать «старым» политическим силам на общенациональном уровне. Однако темпы урбанизации в Индии позволяют

сделать предположение, что, в обозримой перспективе, политические перемены, подобные дельийским, станут заметны и в других регионах страны.

Библиография

Источники

Материалы индийских архивов:

1. Delhi Archieves, New Delhi.
2. National Archives of India, New Delhi.
3. The Nehru Memorial Museum & Library, New Delhi.

Законодательные документы:

4. Delhi Administration Act, 1966.
5. Government of Part C States Act, 1951.
6. States Reorganisation Act, 1956.
7. Territorial councils Act 1956.
8. The Delhi Agricultural Cattle Preservation Act, 1994
9. The Delhi Municipal Corporation Act, 1957.
10. The Delhi Sikh Gurudwaras Management Act, 1971.
11. The Government of National Capital Territory of Delhi Act, 1991.

Справочные и статистические материалы:

12. *A Gazetteer of Delhi (1912)*. New Delhi, 2011.
13. *Census of India 1951*. New Delhi, 1953.
14. *Census of India 1971*. New Delhi, 1973.
15. *Census of India 2001*. New Delhi, 2003.
16. *Gazetteer of India*. Delhi, 1976.
17. *Gazetteer of the Delhi District 1883-4 – Punjab Government*. New Delhi, 1957.

Документы государственных органов и политических партий:

18. *Bharatiya Jana Sangh: party documents [1951-1972]*. Delhi, 1973.
19. ed. by Hasan, M., Patel, D. *From Ghalib's Dilli to Lutyen's New Dheli: A Documentary Record*. New Delhi, 2013.

Мемуары и публицистика:

20. Advani L. K. *My Country My Life*. New Delhi: Rupa & Company, 2008. – 986 p.
21. Asaf Ali, A. *Words of Freedom: Ideas of a Nation*. New Delhi: Penguin Books India, 2010. – 123 p.
22. Ashutosh Anna: *13 Days That Awakened India*. New Delhi: Harper Collins 2012. – 248 p.
23. Ashutosh *The Crown Prince, the Gladiator and the Hope: Battle for Change*. New Delhi: Harper Collins, 2015. – 360 p.
24. Chikermane, C., Banerjee, S. *The Disrupter: Arvind Kejriwal and the Audacious Rise of the Aam Aadmi*. New Delhi: Rupa Publications India 2014. – 225 p.
25. Dikshit, S. *Citizen Delhi: My Times, My Life*. New Delhi: Bloomsbury Publishing, 2018. – 186 p.
26. Dwivedi, A. M., Roshan, R. *Magnetic Personality : Arvind Kejriwal*. New Delhi: Bloomsbury Publishing, 2014. – 199 p.
27. Gandhi M. *AAP & Down: An Insider's Story of India's Most Controversial Party*. New Delhi: Diamond Pocket Books Pvt Ltd, 2018. – 186 p.
28. Hardinge C. *My Indian Years, 1910-1916: The Reminiscences of Lord Hardinge of Penshurst*. London: John Murray, 1948. – 150 p.
29. Kejriwal, A. *Swaraj*. New Delhi: Harper Collins, 2012. – 176 p.
30. Kurup, P. *Arvind Kejriwal & the Aam Aadmi Party: An Inside Look*. New Delhi: Bloomsbury Publishing, 2016. – 152 p.
31. Naqwi, S. *Capital Conquest: How the AAP's Incredible Victory Has Redefined Indian Elections*. New Delhi: Hachette UK, 2015. – 215 p.
32. Sardesai. R. *2014: The Election That Changed India*. New Delhi: Penguin UK, 2014. – 400 p.

33. Singh, K. *City improbable: an anthology of writings on Delhi*. New Delhi: Viking, 2001. – 286 p.

Материалы средств массовой информации:

34. 10 local bodies made up MCD in 1958. Hindustan Times: e-paper. 2012. URL: <https://www.hindustantimes.com/delhi-news/10-local-bodies-made-up-mcd-in-1958/story-Et5Byx1KYB0GYUs2mREvzI.html> (accessed 23.06.2018)
35. Draft Bill on Delhi statehood released. The Hindu: e-paper. 2016. URL: <https://www.thehindu.com/news/cities/Delhi/draft-bill-on-delhi-statehood-released/article8617569.ece> (accessed 27.08.2018)
36. *Delhi CM criticises Biharis; uproar in Parliament*. Rediff India Abroad: e-paper. 2012. URL: <https://www.rediff.com/news/2007/may/10ls.htm> (accessed 27.08.2019)
37. *Littery Notes: History, war paintings and journalist Moulvi Muhammad Baqir*. Dawn: e-paper, 2015. URL: <https://www.dawn.com/news/1208216> (accessed 27.08.2019)
38. *Delhi Jama Masjid Shahi Imam Bukhari asks Muslims to support Aam Aadmi Party*. News18: e-paper, 2015. URL: <http://www.news18.com/news/politics/shah-imam-breaking-965848.html> (accessed 27.08.2019)
39. *77% Muslims, 57% Sikhs voted AAP*. The Indian Express: e-paper. 2015. URL: <http://indianexpress.com/article/india/india-others/77-muslims-57-sikhs-voted-aap/> (accessed 27.08.2019)
40. *Only 4 Sikh candidates emerge victorious, all of AAP*. The Tribune: e-paper. 2015. URL: <https://www.tribuneindia.com/news/nation/only-4-sikh-candidates-emerge-victorious-all-of-aap/40614.html> (accessed 27.08.2019)
41. *BJP's Student Wing ABVP Sweeps Delhi University Elections*. NDTV: e-paper. 2015. URL: <http://www.ndtv.com/delhi-news/bjps-student-wing-abvp-sweeps-delhi-university-elections-1216833> (accessed 27.08.2019)
42. *After ABVP Sweeps DUSU Elections, Cong Cries Foul Over EVM Tampering*. News18.com; e-paper. 2015. URL: <https://www.news18.com/news/politics/after-abvp-sweeps-dusu-elections-cong-cries-foul-over-evm-tampering-1877527.html>

43. RSS Mega Rally Urged PM Modi To Demand Free Tibet // Tibetan Journal
- <http://www.tibetanjournal.com/rss-mega-rally-urged-modi-demand-free-tibet/> (accessed 21.06.2018)
44. JNU Students give shutdown call// The Hindu
<http://www.thehindu.com/news/cities/Delhi/jnu-students-give-shutdown-call/article8236090.ece> (accessed 9.12.2017)
45. JNU: Something is Left in the Right and Something Right in the Left// Hardnews <http://www.hardnewsmedia.com/2012/03/4692> (accessed 9.12.2017)
46. Rear view: The beginning of resistance. The Indian Express: e-paper. 2014.
URL: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/rear-view-the-beginning-of-resistance/> (accessed 27.08.2019)
47. *India's Hottest Political Issue: The Price of Onions*. The New York Times: e-paper. 2012. URL: <https://www.nytimes.com/1998/10/12/world/india-s-hottest-political-issue-the-price-of-onions.html> (accessed 27.08.2019)
48. *Dissident camp division a relief for Sheila*. The Hindu: e-paper. 2005.
URL: <https://www.thehindu.com/2005/08/05/stories/2005080500450400.htm>
49. *Indian hunger striker Anna Hazare arrested*. The Guardian: e-paper. 2012.
URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/aug/16/indian-hunger-striker-hazare-arrested> (accessed 27.08.2019)
50. *Sri Sri Ravi Shankar: A yogi doesn't mind criticism at all*. The Times of India: e-paper. 2012.
URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/interviews/Sri-Sri-Ravi-Shankar-A-yogi-doesnt-mind-criticism-at-all/articleshow/10628046.cms>
51. *This time, BJP digs up alleged AAP-Naxal links*. Deccan Herald: e-paper. 2015. URL: <https://www.deccanherald.com/archives/metro/this-time-bjp-digs-up-alleged-aap-naxal-links-440069.html> (accessed 27.08.2019)
52. *India Today-ORG poll: BJP to retain Madhya Pradesh and Chhattisgarh, to wrest Delhi and Rajasthan from Congress*. India Today: e-paper. 2013.
URL: <https://www.indiatoday.in/elections/story/india-today-org-poll-2014->

- [general-elections-bjp-congress-chhattisgarh-delhi-madhya-pradesh-delhi-216769-2013-11-07](#) (accessed 27.08.2019)
53. *5 reasons Shazia Ilmi quit AAP – the party she co-founded*. The Times of India: e-paper. 2014. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/5-reasons-Shazia-Ilmi-quit-AAP-the-party-she-co-founded/articleshow/35566310.cms> (accessed 27.08.2019)
54. *Aam Aadmi Party split: Prashant Bhushan, Yogendra Yadav out of national executive*. The Indian Express: e-paper. 2015. URL: <https://indianexpress.com/article/cities/delhi/live-aaps-national-council-meeting-set-to-begin-amid-high-police-presence/> (accessed 27.08.2019)
55. *AAP completes 3 years in Delhi: A look at Kejriwal govt's achievements, failures*. Hindustan Times: e-paper. 2018. URL: <https://www.hindustantimes.com/delhi-news/aap-completes-3-years-in-delhi-a-look-at-kejriwal-govt-s-achievements-failures/story-bDy16KdOYHbg17lkyGwOqK.html> (accessed 27.08.2019)
56. *Kejriwal removes Cabinet Minister Sandeep Kumar after receiving 'objectionable CD'*. The Indian Express: e-paper. 2016. URL: <https://indianexpress.com/article/cities/delhi/delhi-cm-kejriwal-removes-cabinet-minister-sandeep-kumar-after-receiving-objectionable-cd/> (accessed 27.08.2019)

Литература

57. Агеев В. Ф. *Новейшая история Синда*. М.: Наука, 1986. – 283 с.
58. Алаев Л. Б. *Историография истории Индии*. М.: ИВ РАН, 2013. – 472 с.
59. Алаев Л.Б, Вигасин А.А, Сафронова А.Л. *История Индии*. М.: ГАУГН-Пресс, 2018. – 542 с.
60. Ашрафян, К. З. *Дели: история и культура*. М.: Наука, 1987. – 262 с.
61. Бочковская, А.В. Отстающий от моды: многоликий Дели в пандемии геобрендинга // *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. М., 2016 - с.531-545.

62. Емельянова Н. Н. *Индия на пути к демократии участия*. М.: Канон-плюс, 2018. – 190 с.
63. *Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание*. М.: ИВ РАН, 2005. – 592 с.
64. *Индия: страна и её регионы*. Под ред. Е.Ю. Ваниной. М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 360 с.
65. Ключев, Б.И. *Религия и конфликт в Индии*. М.: ИВ РАН, 2002. – 236 с.
66. Куценков А.А. Наксализм – угроза государственной безопасности Индии// *Индия: перспективы современного развития. Внутренний, региональный и глобальный аспекты*. Москва 2013.
67. Куценков, А.А. *Эволюция индийской касты*. М.: Наука, 1983 – 323 с.
68. Плешова М. А. *Демократия в Индии: проблемы местного самоуправления*. М.: Наука, 1992. – 190 с.
69. Плешова М. А. *Штат Уттар-Прадеш: социально-политические проблемы*. М.: Наука, 1974. – 172 с.
70. Спектор И. Б. Дели в британской колониальной политике начала XX века: обретение столичного статуса // *Новая и новейшая история*, № 2, 2019, с. 185-189.
71. Спектор И. Б. Индия: тибетская община в Дели (проблемы автономного сообщества в условиях современного мегаполиса) // *Азия и Африка сегодня*, № 5, 2018, с. 53-58.
72. Спектор И. Б. Мусульманская община Дели: проблемы политического представительства в независимой Индии// *Ислам в современном мире*, том 13, № 4, 2017, с. 123-128.
73. Спектор И. Б. Политическая жизнь Дели: истоки формирования антиконгрессистской оппозиции в независимой Индии// *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), том 13, № 1, 2017, с. 70-81.
74. Спектор И. Б. «Пурушартхи» в Индии: роль беженцев из Пакистана в политической жизни Дели // *Вестник Московского университета*.

- Серия 13. Востоковедение*, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.), том 13, № 2, 2019, с. 119-128.
75. Спектор И. Б. Студенческие движения в Индии: политическая борьба в Университете Неру//*Азия и Африка сегодня*, том 737, № 12, 2018, с. 69-75.
76. Суворова, А.А. *Любить Лахор. Топофилия восточного города*. М.: Вост. Лит, 2010. – 286 с.
77. Суворова, А.А. *Ностальгия по Лакхнау*. М., 1995. – 247 с.
78. Черешнева, Л.А. *Радуга над Красным фортom: раздел колониальной Индии в 1947 г.* М.: Вост. Лит., 2012. – 391 с.
79. Юрлов Ф.Н, Юрлова Е.С. *История Индии. XX век*. М.: ИВ РАН, 2010. – 920 с.
80. Юрлова Е. С. *Индия: от неприкасаемых к далитам*. М., ИВ РАН, 2003. – 393 с.
81. Ahmad, A. *Muslims in India. Vol. III – NCT of Delhi*. New Delhi, 1995. – 363 p.
82. Andersen W. K. *The Brotherhood in Saffron: The Rashtrya Swayamsewak Sangh and Hindu Revivalism*. New Delhi: Penguin Random House India Private Limited, 1987. – 432 p.
83. Andersen, A., Saini, M. *The Congress Split in Delhi: The Effect of Factionalism on Organizational Performance and System Level Interactions* // *Asian Survey*, Vol. 11, No. 11 (Nov., 1971) - pp. 1084-1100.
84. Bapu, P. *Hindu Mahasabha in Colonial North India, 1915-1930*. New York: Routledge, 2013. – 248 p.
85. Basu, T. *Khaki Shorts and Saffron Flags: A Critique of the Hindu Right*. New Delhi: Orient Blackswan, 1998. – 116 p.
86. Batabyal R. *Jnu: The Making Of A University*. New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2015. – 588 p.

87. Brass, P. *Factional Politics in an Indian State: The Congress Party in Uttar Pradesh*. Berkeley: University of California Press, 1965. – 262 p.
88. Chandidas, R. Elections to Delhi Metropolitan Council: An Analysis of Electoral and Ecological Variables// *Economic and Political Weekly*, Vol. 10, No. 25/26 (Jun. 21-28, 1975) - pp. 964-973.
89. Chandra B., Mukherjee A., Mukherjee M. *India After Independence*. New Delhi: Penguin Books, 1999. – 549 p.
90. Chandra, B. *Communalism: A Primer*. New Delhi: National Book Trust 2008. – 121 p.
91. Chandra, J. P. *Delhi Assembly: background and analysis*. New Delhi, 1993. – 100 p.
92. Chandra, J. P. *Delhi: a political study*. New Delhi, 1969. – 177 p.
93. Chattopadhyay, S. *Representing Calcutta: Modernity, Nationalism, and the Colonial Uncanny*. New York: Psychology Press, 2005. – 314 p.
94. Chaudhuri, B. *Nationalist movement in Delhi 1911-1932*. New Delhi, 2017. – 290 p.
95. Coleman, L. *A Moral Technology: Electrification as Political Ritual in New Delhi*. New Delhi: Cornell University Press, 2017. – 256 p.
96. Dasgupta, R. *Capital: the Eruption of Delhi*. New Delhi: Canongate Books Limited, 2015. – 480 p.
97. Datta V. *Punjab Refugees and the Urban Development of Greater Delhi// Delhi Through the Ages: Selected Essays in Urban History, Culture and Society*, edited by R. E. Frykenberg. New Delhi, 2007.
98. Datta, A. *Party Politics in Delhi: 1980-1990 (Thesis)*. New Delhi, 1994.
99. Datta, K. *Calcutta: A Cultural and Literary History*. Oxford: Signal Books, 2003. – p. 255
100. Dayal, J., Bose, A. *Delhi under Emergency*. New Delhi: Ess Ess Publications, 1977. – 239 p.

101. de Wit, J. *Urban Poverty, Local Governance and Everyday Politics in Mumbai*. New York: Routledge, 2017. – 320 p.
102. Dodin T. The Ladakh Buddh Vihar of Delhi: the fate of the Ladakhi Outpost in the Indian Capital// *Proceedings of the Ninth Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Part I*. Leiden 2002 - pp. 387-415.
103. Dupon, V. Slum Demolitions in Delhi since the 1990s: An Appraisal// *Economic and Political Weekly*, Vol. 43, No. 28 (Jul. 12 - 18, 2008) - pp. 79-87.
104. ed. Banerjee, H., Gupta, N., Mukherjee, S. *Calcutta Mosaic: Essays and Interviews on the Minority Communities of Calcutta*. New Delhi: Anthem Press, 2009. – 504 p.
105. ed. Kumar, A. *Rethinking State Politics in India: Regions Within Regions*. New Delhi: Routledge, 2011. – 516 p.
106. ed. Roy, H., Singh, M. P., Chouhan, A. P. S. *State Politics in India*. New Delhi: Primus Books, 2017. – 919 p.
107. Engineer, A. A. Old Delhi in Grip of Communal Frenzy// *Economic and Political Weekly*, Vol. 22, No. 26 (Jun. 27, 1987) - pp. 1020-1021
108. Farooqui, A. *Opium city: the making of early Victorian Bombay*. New Delhi: Three Essays Collective, 2006. – 111 p.
109. Farooqui, A. *Zafar and the Raj: Anglo-Mughal Delhi, C.1800-1850*, New Delhi: Primus Books, 2013. – 219 p.
110. Franda, M. F. The Organizational Development of India's Congress Party// *Pacific Affairs*, Vol. 35, No. 3 (Autumn, 1962) - pp. 248-260
111. Gayer, L. *Karachi: Ordered Disorder and the Struggle for the City*. New York: Oxford University Press, 2014. – 336 p.
112. Goetz A. M., Jenkins R. *Reinventing Accountability: Making Democracy Work for Human Development*. New York: Springer, 2005. – 249 p.

113. Gopal K. Communal Violence in India: A Study of Communal Disturbance in Delhi // *Economic and Political Weekly*. Vol. New Delhi 1985, No. 3, - pp. 237-239
114. Goyal, P. *Delhi's march towards statehood*. New Delhi: UBS Publishers' Distributors 1993. – 248 p.
115. Guha, R. *India After Gandhi: The History of the World's Largest Democracy*. New Delhi: Pan Macmillan 2011. – 300 p.
116. Gupta, N. *Delhi Between Two Empires, 1803-1931: Society, Government and Urban Growth*. New Delhi: Oxford University Press, 1997. – 260 p.
117. Gurawa A. *Tibetan Buddhism and Tibetan Diaspora in Delhi, 1959-1999 (Thesis)*. New Delhi, 2003.
118. Hansen, T. B. *Violence in Urban India: Identity Politics, 'Mumbai', and the Postcolonial City*. New Delhi: Permanent Black, 2004. – 269 p.
119. Harris, J. Political Participation, Representation and the Urban Poor: Findings from Research in Delhi// *Economic and Political Weekly*, Vol. 40, No. 11 (Mar. 12-18, 2005) - pp. 1041-1054
120. Hasan, M., Patel, D. *From Ghalib's Dilli to Lutyen's New Dheli: A Documentary Record*. New Delhi, 2013. – 566 p.
121. Hasan, Z. *Parties and Party Politics in India*. New Delhi: Oxford University Press 2002. – 371 p.
122. Inbanathan, A. *Tamil migrants in Delhi: sociological analysis of the styles of adaptation (Thesis)*. New Delhi, 1986.
123. Jaffrelot, C. *Religion, Caste, and Politics in India*. New Delhi: Primus Books, 2010. – 805 p.
124. Jaffrelot, C. *India's Silent Revolution: The Rise of the Lower Castes in North India*. London: C. Hurst & Co. Publishers, 2003. – 505 p.
125. Jaffrelot, C. *The Hindu Nationalist Movement in India*. New Delhi, Columbia University Press, 1996. – 592 p.

126. Jamil, G. *Accumulation by Segregation: Muslim Localities in Delhi*. New Delhi: Oxford University Press, 2017. – 264 p.
127. Jones. K. W. *Organized Hinduism in Delhi and New Delhi// The Delhi Omnibus*. New Delhi, 2002.
128. Kanungo, P. *RSS Tryst with politics. From Hedgewar to Sudarshan*. New Delhi: Manohar, 2003. – 314 p.
129. Kapor, S. *Lifeworlds and Social Systems of Hindu Punjabi Refugees in Delhi: Caste, Class and Power (Thesis)*. New Delhi, 2002.
130. Katju, M. *Vishwa Hindu Parishad and Indian politics*. New Delhi: Orient Blackswan, 2003. – 186 p.
131. Kaur, J. *The role of pressure groups in decision making in India : a study of the Delhi sikh gurdwara management committee (Thesis)*. New Delhi, 1980.
132. Kaur, R. *Since 1947: Partition Narratives Among Punjabi Migrants of Delhi*. New Delhi: Oxford University Press, 2007. – 292 p.
133. Khan, N. *Cityscapes of Violence in Karachi: Publics and Counterpublics*. New York: Oxford University Press, 2017. – 273 p.
134. Khilnani, S. *The Idea of India*. New York: Farrar, Straus and Giroux 1999. – 263 p.
135. Kidambi, P. *The Making of an Indian Metropolis: Colonial Governance and Public Culture in Bombay, 1890-1920*. Mumbai: Routledge, 2016. – 290 p.
136. Klieger P. C. Engendering Tibet: Power, Self, and Change in the Diaspora // *Proceedings of the Ninth Seminar of the IATS, 2000 - Tibet, Self, and the Tibetan Diaspora: Voices of Difference*. Leiden 2002 - pp. 139-154.
137. Krishna, G. Communal Violence in India: A Study of Communal Disturbance in Delhi//*Economic and Political Weekly* Vol. 20, No. 3 (Jan. 19, 1985) - pp. 117-131.

138. Kulke, H., Rothermund D. *A History of India*. New York: Psychology Press, 2004. – 395 p.
139. Kumar, P. *Urban Growth and Slum Settlements in India: An Exploration of Exclusionary Urban Processes with Specific Reference to Delhi (Thesis)*. New Delhi, 2013.
140. Kumar, S. *Changing Electoral Politics in Delhi: From Caste to Class*. New Delhi: SAGE Publications India, 2013. – 248 p.
141. Kumar, S. Delhi Assembly Elections: 2008// *Economic and Political Weekly*, Vol. 44, No. 6 (Feb. 7 - 13, 2009) - pp. 27-30.
142. Kumari A. *Delhi as a Refuge: the Rehabilitation of Partition Refugees (Thesis)*. New Delhi, 2007.
143. Kundu, A. Urbanisation in India: A Contrast with Western Experience// *Social Scientist*, Vol. 11, No. 4 (Apr., 1983) - pp. 37-49
144. Lama-Rewal, S. T. Neighbourhood Associations and Local Democracy: Delhi Municipal Elections 2007// *Economic and Political Weekly*, Vol. 42, No. 47 (Nov. 24 - 30, 2007) - pp. 51-60
145. Legg, S. *Spaces of Colonialism: Delhi's Urban Governmentalities*. Oxford: John Wiley & Sons, 2007. – 272 p.
146. Luther, N. *Hyderabad, a Biography*. New Delhi, 2006. – 457 p.
147. McDuaie-Ra, D. *Northeast Migrants in Delhi: Race, Refuge and Retail*. Amsterdam University Press, 2012. – 203 p.
148. Menon, K. D. Security, Home, and Belonging in Contemporary India: Old Delhi as a Muslim Place// *Etnofoor* Vol. 27, No. 2, Security (2015) - pp. 113-131
149. Metcalf, B. *Hakim Ajmal Khan: Rais of Delhi and Muslim 'Leader'// The Delhi Omnibus*. New Delhi, 2002. – pp. 231-259
150. Mishra S. *Capital Phenomenon: A Political History of Delhi, 1998-2009*. New Delhi: Allied Publishers, 2010. – 105 p.

151. Oldenburg, P. *Big city government in India. Councilor, administrator, and citizen*. New Delhi, 1976. – 400 p.
152. Pai, S. BSP's Prospects in the Assembly Elections // *Economic and Political Weekly*, Vol. 38, No. 30 (Jul. 26 - Aug. 1, 2003) - pp. 3135- 3138.
153. Palshikar, S., Suri, K. C., Yadav, Y. *Party Competition in Indian States: Electoral Politics in Post-congress Polity*. New Delhi: Oxford University Press, 2014. – 563 p.
154. Pandey, G. Partition and Independence in Delhi: 1947-48 // *Economic and Political Weekly*, 32(36), 1997 - pp. 2261-2272
155. Pandit, V. L. *Elites and urban politics: a case study of Delhi*. New Delhi: Stosius Inc/Advent Books Division, 1983. – 204 p.
156. Park, R. E., Burgess, E. W. *The City*. Chicago, 1925. – 240 p.
157. Patel, S., Masselos J. *Bombay and Mumbai: The City in Transition*. Mumbai: Oxford University Press, 2003. – 347 p.
158. Pati, B. From the Parlour to the Streets: A Short Note on Aruna Asaf Ali// *Economic and Political Weekly*, Vol. 44, No. 28 (Jul. 11 - 17, 2009) - pp. 24-27
159. Pattnaik S. K. *Student Politics and Voting Behaviour: A Case Study of Jawaharlal Nehru University*. New Delhi: Concept Publishing Company, 1982. – 224 p.
160. Pernau, M. *Ashraf into middle classes. Muslims in nineteenth-century Delhi*. New Delhi: Oxford University Press, 2013. – 504 p.
161. Purandare, V. *Bal Thackeray and the rise of Shiv Sena*. New Delhi: Sterling, 2012. – 292 p.
162. Puri G. *Bharatiya Jana Sangh – Organisation and Ideology. Delhi: a Case Study*. New Delhi: Sterling, 2003. – 292 p.
163. Puri, Y. *Party politics in the Nehru era: a study of Congress in Delhi*. New Delhi: National Book Organisation, 1993. - 262 p.

164. Roy, P., Wallace, P. *Indian Politics and the 1998 Election: Regionalism, Hindutva and State Politics*. New Delhi: Sage Publications, 1999. – 375 p.
165. Ruet, J., Lama-Rewal, S. T. *Governing India's Metropolises: Case Studies of Four Cities*. New Delhi: Routledge, 2010. – 340 p.
166. Saini, M. K., Andersen, W. The Congress Split in Delhi: The Effect of Factionalism on Organizational Performance and System Level Interactions // *Asian Survey*, Vol. 11, No. 11 (Nov., 1971) - pp. 1084-1100.
167. Saksena, N. S. *India: Towards Anarchy (1967-1992)*. New Delhi: Abhinav Publications, 1993. – 201 p.
168. Sarkar, T. *Educating the Children of Hindu Rashtra: notes on RSS Schools*. South Asia Bulletin, XIV (2), 1994. – pp. 41-53.
169. Saxena, A. *Perspectives in industrial geography : a case study of an industrial city of Uttar Pradesh*. New Delhi: Concept Publishing Company, 1989. – 259 p.
170. Seth, K. N., Malhotra, G. C. *Delhi Metropolitan Council: A Study, 1966-1989*. New Delhi: Metropolitan Council, 1989. - 125 p.
171. Sharma, J. *Hindutva: Exploring the Idea of Hindu Nationalism*. New Delhi: Oxford University Press 2011. – 493 p.
172. Shastri, S., Suri, K., Yadav, Y. *Electoral Politics in Indian States: Lok Sabha Elections in 2004 and Beyond*. New Delhi, 2009.
173. Singh, K. *A History of Sikhs: 1839-2004*. New Delhi: Oxford University Press, 2004. – 495 p.
174. Singh, M., Mukherjee, R., Kapoor, P. *New Delhi, Making a Capital*. New Delhi: Lustre Press, 2009. – 237 p.
175. Singh, S. *Freedom movement in Delhi (1858-1919)*. New Delhi: Associated Pub. House, 1972. – 341 p.
176. Singh, S. *The Sikhs in History*. Amritsar: Singh Publishers, 2010. – 588 p.

177. Singh, U. B. *Revitalised Urban Administration in India: Strategies and Experiences*. Delhi: Gyan Publishing House, 2002. – 380 p.
178. Smith D. E. *South Asian Politics And Religion*. Princeton University Press, 1966. – 576 p.
179. Spear, P. *Twilight of the Mughuls; studies in late Mughul Delhi*. Cambridge Univeristy Press, 1951. – 214 p.
180. Sridharan, E. *Coalition Politics in India: Selected Issues at the Centre and the State*. New Delhi: Academic Foundation, 2014. – 463 p.
181. Srivastava, S. *Entangled urbanism: slum, gated community, and shopping mall in Delhi and Gurgaon*. New Delhi: Oxford University Press, 2015. – 317 p.
182. Talbot, I. Punjabi Refugees' Rehabilitation and the Indian State: Discourses, Denials and Dissonances// *Modern Asian Studies*, Vol. 45, No. 1 (JANUARY 2011) - pp. 109-130.
183. Venkatachalapathy, R. *Chennai Not Madras: Perspectives on the City*. New Delhi: Marg Publications, 2006. – 140 p.
184. Verma, B. L. Delhi Water Supply and Sanitation// *India International Centre Quarterly*, Vol. 9, No. 3/4, ENVIRONMENT INDIA (DECEMBER 1982). - pp. 308-321.
185. Volvahsen, A. *Imperial Delhi: The British Capital of the Indian Empire*. Munich: Prestel, 2004. – 303 p.
186. Wirth, L. *The Ghetto*. London: Transaction Publishers, 1998. – 306 p.
187. Yadav, S. *The Invasion of Delhi*. Gurgaon: Worldwide Books, 2008. – 221 p.
188. Yadav, V. *Metropolitan Governance: Cases of Ahmedabad and Hyderabad*. New Delhi: Copal Publishing Group, 2014. – 322 p.
189. Zabaliute, E. Notes from the field: Delhi Assembly elections, daru and politisation of violence against women// *Feminist Review*, No. 107, 2014. - pp. 90-97.

190. Zamindar, V. *The Long Partition and the Making of Modern South Asia: Refugees, Boundaries, Histories*. New Delhi: Columbia University Press, 2007. – 288 p.

На языке хинди

191. अरविंद केजरीवाल - वो 49 दिन – Парикх, Р. Арвинд Кеджривал – वो 49 दिन (Арвинд Кеджривал – те 49 дней). Нью-Дели, 2015. – 137 с.
192. दिल्ली और आज़ादी: दिल्ली के स्वाधीनता संग्राम की कहानी – Натха, Д. Дил्लि оур аज़ади: Дил्लि के स्वाधीनता संग्राम की कहानी (Дели и свобода: история освободительной борьбы в Дели). Нью-Дели, 1990. – 256 с.
193. दिल्ली की कम्युनिस्ट पार्टी का इतिहास – गुप्ता, А. Дил्लि की कम्युनिस्ट पार्टी का इतिहास (История коммунистической партии в Дели). Нью-Дели, 2007. – 279 с.
194. स्वातंत्रता सेनानी ग्रंथमाला – 10: दिल्ली के स्वातंत्रता सेनानी – स्वातंत्रता सेनानी ग्रंथमाला – 10: Дил्लि के स्वातंत्रता सेनानी (Сборник биографий борцов за независимость, т. 10: борцы за независимость в Дели). Нью-Дели, 1999. – 256 с.

Интернет-ресурсы

На английском языке:

195. <https://timesofindia.indiatimes.com/>
196. <https://www.tribuneindia.com/>
197. <http://www.newindianexpress.com/>
198. <https://www.thehindu.com/>
199. <https://www.hindustantimes.com/>
200. <https://frontline.thehindu.com/>
201. <https://www.organiser.org/>
202. <https://www.indiatoday.in/>

- 203. <https://www.deccanherald.com/>
- 204. <https://indianexpress.com/>
- 205. <https://www.theguardian.com/us>
- 206. <https://www.firstpost.com/>
- 207. <https://caravanmagazine.in/>
- 208. <https://www.news18.com/>
- 209. <https://www.ndtv.com/>
- 210. <http://tehelka.com/>
- 211. <https://zeenews.india.com/>
- 212. <https://eci.gov.in/>
- 213. <http://delhiassembly.nic.in/>

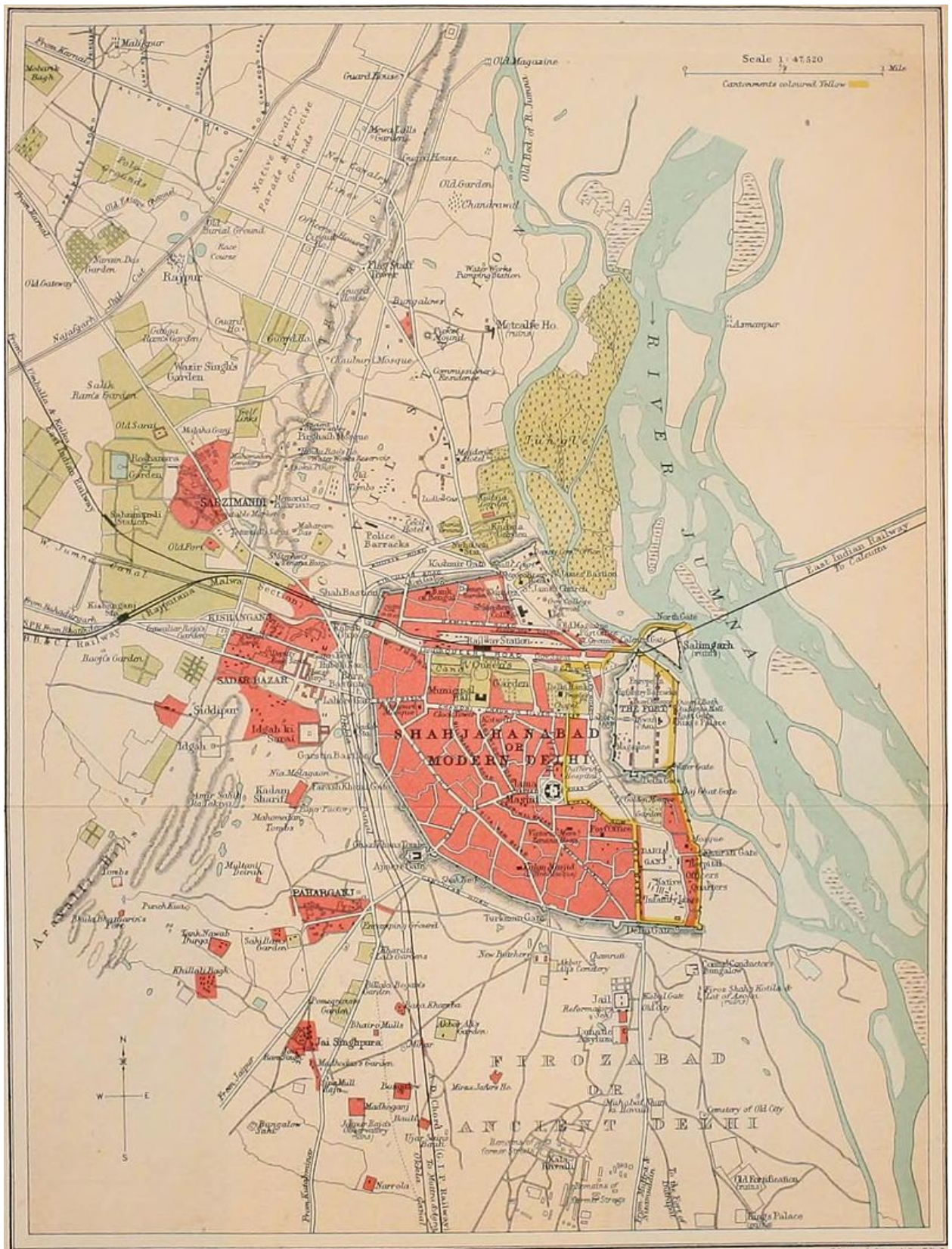
На языке хинди

- 214. <https://aajtak.intoday.in/>
- 215. <https://zeenews.india.com/hindi>
- 216. <https://www.jagran.com/>
- 217. <https://navbharattimes.indiatimes.com/>
- 218. <https://www.livehindustan.com/>
- 219. <https://www.bhaskar.com/>

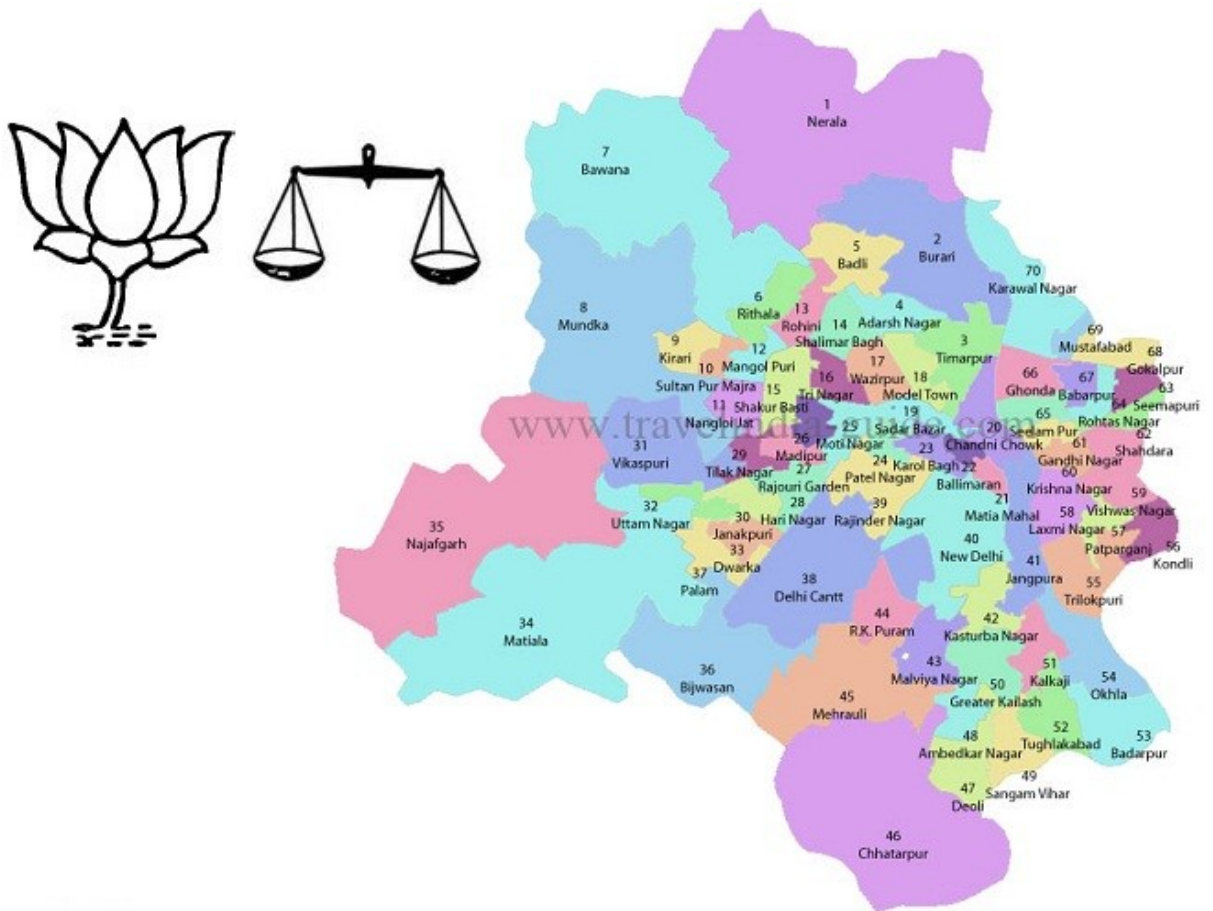
На языке урду

- 220. <http://qaumiduniyadaily.simplesite.com/>
- 221. <https://hamarasamajdaily.com/>

Карта 2. Дели в 1911 г.

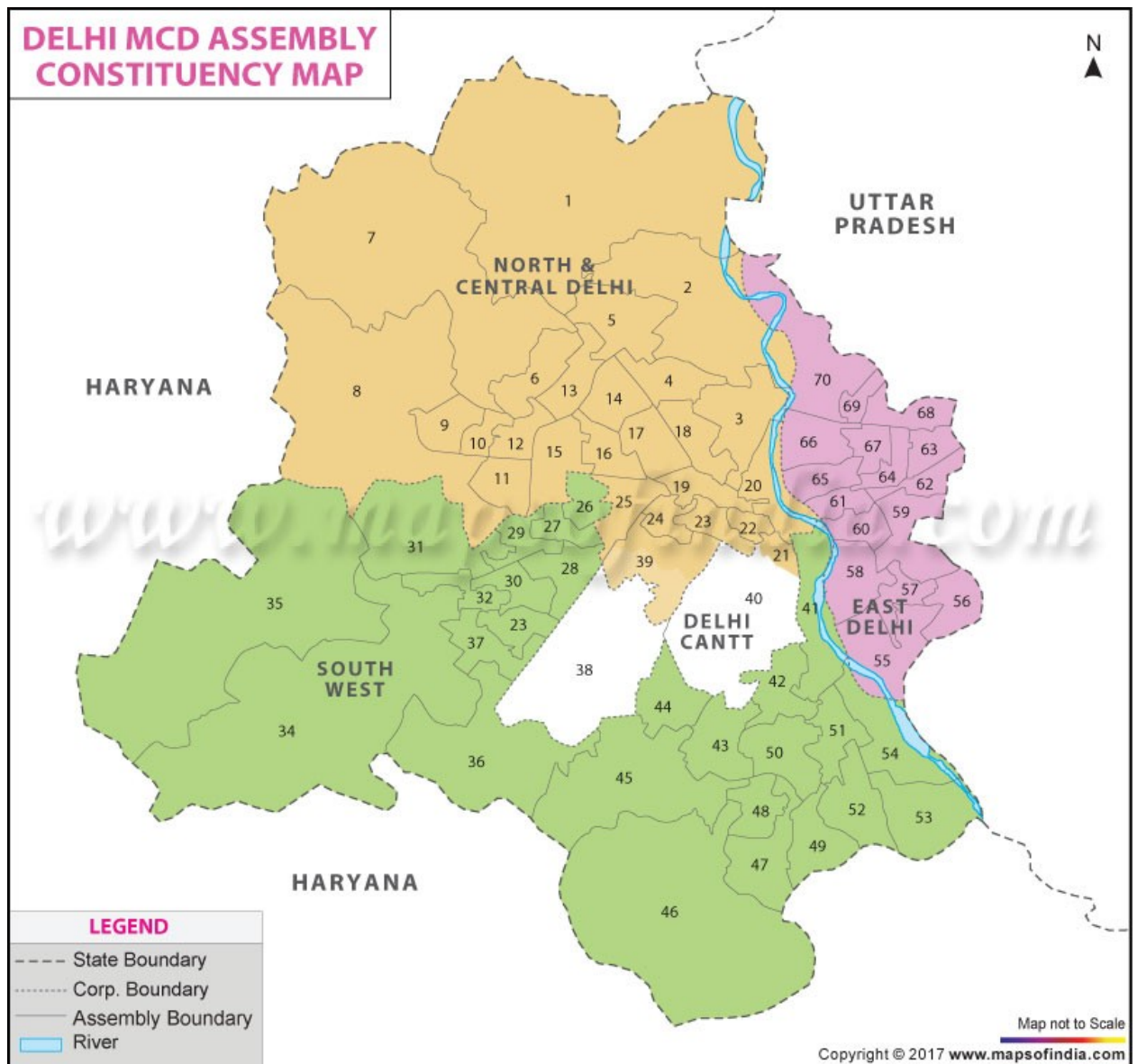

Карта 3. Избирательные округа Делийской законодательной ассамблеи

sikhsiyasat.net/2013/10/21/badal-dal-may-contest-12-seats-in-delhi-assembly-polls-on-its-own/delhi-district-map-election/

Карта 4. Границы делийских муниципальных корпораций.

<https://www.mapsofindia.com/maps/delhi/mcd/>

Карта 5. Парламентские избирательные округа в Дели.

<https://www.electionsinindia.com/delhi/parliament-lok-sabha-constituency-elections>